

**Труды Коми отделения
Академии военно-исторических наук**

Выпуск 5

Сыктывкар 2006

УДК 947 (470.13)

Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Сыктывкар, 2006. – Вып. 5. – 192 с.

В очередной сборник трудов включены материалы, посвященные участию жителей Коми и Европейского Севера в различных вооруженных конфликтах и войнах XVII – середины XX столетий, подготовленные известными в республике учеными-историками и краеведами и начинающими исследователями.

Редакционная коллегия

к.и.н., академик АВИН **А.Ф.Сметанин** (главный редактор), д.и.н., академик АВИН **И.Л.Жеребцов** (зам. главного редактора), к.и.н., член-корр. АВИН **И.О.Васкул** (отв. секретарь), д.и.н., академик АВИН **А.А.Попов**, д.и.н., академик АВИН **В.И.Чупров**, к.и.н., член-корр. АВИН **А.Д.Напалков**, к.и.н., член-корр. АВИН **М.В.Таскаев**, к.и.н., член-корр. АВИН **Д.В.Милохин**

Ответственный редактор и составитель выпуска д.и.н. И.Л.Жеребцов
Рецензент д.и.н., проф. А.Н.Турубанов

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству ученых и краеведов, занимающихся изучением истории Коми в периоды Великой Отечественной, гражданской, Первой мировой и иных войн, участия жителей Коми в войнах и военных конфликтах, в организации военного дела и т.д. Статьи, заметки, публикации документов и другие материалы для очередных выпусков «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук» принимаются преимущественно в электронном варианте и оформленные таким же образом, как статьи, публикуемые в данном сборнике.

Почтовый адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, ответственному секретарю «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук» Васкулу И.О. Тел.: (8212) 244924 (зам. гл. редактора И.Л.Жеребцов), (8212) 241702 (отв. секретарь И.О.Васкул).

E-mail: zherebtsov.hist@mail.komisc.ru; secr.hist@mail.komisc.ru

© Коми отделение АВИН, 2006
© Авторский коллектив, 2006
© И.Л.Жеребцов, состав., 2006

СТАТЬИ

Ф.Н.Иванов*

РЕКРУТСКАЯ ПОВИННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1831–1874 ГОДАХ В ОСВЕЩЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рекрутская система комплектования, на основе которой в XVIII–XIX вв. формировались регулярные вооруженные силы России, была важным явлением в жизни русского общества, охватывая и подчиняя многие стороны жизни народа. Поэтому история рекрутской повинности издавна привлекала внимание исследователей. Появление на свет предлагаемого обзора было вызвано необходимостью систематизировать значительную по своему объему литературу, посвященную рекрутчине, охарактеризовать сложившуюся в современной науке систему взглядов на историю рекрутской повинности, оценить степень разработанности проблемы и наметить дальнейшие пути ее изучения.

Для достижения поставленной цели нам необходимо проследить эволюцию понятия «рекрутская повинность», изменение подходов к его изучению, выявить вопросы, на которых были сконцентрированы усилия исследователей и проблемы, обделенные их вниманием.

Выбор региона, на примере которого мы будем проводить наши разработки, не случаен. В XIX в. Европейский Север, под которым мы подразумеваем Архангельскую и Вологодскую губернии, включал в себя территории, на одной из которых (Вологодская губерния) действовали те же правила отправления рекрутской повинности, что и в России в целом, на второй (Архангельская губерния) действовала Особенная часть рекрутского устава, устанавливавшая иной порядок исполнения ряда важных процедур. Это позволит нам комплексно рассматривать литературу, как посвященную рекрутской повинности в Российской империи в целом и в одном ее регионе, в отдельности, так и работы, выполненные столичными исследователями и представителями региональной науки.

*Иванов Федор Николаевич (Сыктывкар) – аспирант Сыктывкарского государственного университета.

Особое внимание к периоду 1831–1874 гг., являющемуся хронологическими рамками исследования, объясняется нашим интересом к оценке в исторической литературе вступившего в силу в 1831 г. Рекрутского устава и изменений, внесенных им в систему отбора рекрутов, а также мероприятий правительства по модернизации рекрутской системы комплектования армии, предшествовавших введению всеобщей воинской повинности в 1874 г.

Первые труды, специально посвященные рекрутской повинности, появились еще во второй трети XIX в. [1], однако более активно проблема начала разрабатываться в 1860–1870-е гг. Всплеск интереса был вызван готовившейся военной реформой. Главный вопрос, волновавший общественное мнение, заключался в том, в какой степени необходимо изменить действовавшую еще в то время рекрутскую систему комплектования, что от нее сохранить и от чего отказаться. В печати, а также на страницах брошюр и «записок» развернулась широкая полемика, в которой сошлись люди самых разных политических взглядов. Представители либеральной интеллигенции предлагали широко использовать опыт прусской системы организации вооруженной силы, отказавшись от прежних образцов, поскольку рекрутская система окончательно устарела, имеет средневековый характер и вредна для развития самого государства [2]. Их оппоненты с более консервативными убеждениями [3], напротив, считали, что рекрутская система учитывала особенности экономического развития страны и его основы – крестьянского хозяйства, способствовала сохранению «народной нравственности», предохранив от появления пролетариата, этих «готовых жертв нищеты и разврата», и поэтому необходимо использовать все ее положительные особенности [4].

В дальнейшем, когда рекрутчина стала достоянием истории, наступило время для ее научного изучения. Первыми исследователями стали представители военного ведомства – М.И. Богданович, А.Ф. Редигер, В.В. Щепетильников, что вполне объяснимо, поскольку для практической работы по строительству вооруженных сил был очень важен опыт прошлого. Этим исследователей больше всего интересовала военно-организационная сторона дела – система комплектования войск, основанная на определенном типе воинской повинности населения.

Воинской повинностью называлась «основанная на принадлежности к государству обязанность граждан служить в составе организованной вооруженной силы государства» [5]. Понятие «рекрутчина, рекрутская повинность» в то время рассматривалось как историческое название действовавшей в России в XVIII–XIX вв. системы воинской повинности. Считалось, что рекрутской повинности, установленной в России Петром I, подлежали все сословия, причем для дворянства повинность была личной, для крестьян и мещан – общинной. Впоследствии в силу ряда причин с третьей четверти XVIII в. рекрутской повинности подлежало

исключительно податное население. В 1874 г. принцип всеобщности был восстановлен. Такова была точка зрения А.Ф. Редигера, принятая всеми исследователями [6].

М.И. Богданович [7], исследовавший изменение структуры войск в годы военной реформы Александра II, показал влияние деятельности военного ведомства по созданию обученного запаса на рекрутскую систему комплектования, когда сокращение сроков службы привело к снижению требований к здоровью рекрутов, в рекрутский устав были внесены «облегчительные меры», призванные уменьшить тяжесть повинности для населения [8]. В его работе также приводятся ценные статистические материалы по планированию и результатам рекрутских наборов.

В.В. Щепетильников, очерки которого вошли в юбилейное издание «Столетие военного министерства...» [9], считал рекрутскую систему «верным средством» обеспечения необходимого «комплекта» нижних чинов в войсках, придавшим вооруженным силам необходимую устойчивость, хотя тяжесть повинности для населения была велика. Он сделал очень интересные наблюдения, подметив, что процесс подготовки к рекрутским наборам проходил по определенной схеме, когда в результате всех действий, «к 1 ноября, когда обыкновенно начинался сам набор, все предварительные о нем распоряжения уже являлись сделанными, каждый знал свои обязанности» [10]. К сожалению, В.В. Щепетильников не стал развивать свои наблюдения, ограничившись лишь описанием ситуации, что, впрочем, было характерно для господствовавшего в российской исторической науке в конце XIX – начале XX в. позитивистского направления. Кроме того, автор все свое внимание уделял деятельности высших органов управления империи, не рассматривая подготовку к проведению рекрутских наборов на уровне губернии и ниже.

Наибольшее развитие исследование проблемы в дореволюционной историографии получило в разработках А.Ф. Редигера, читавшего слушателем младшего класса Николаевской академии Генерального штаба курс лекций по «военной администрации», а также являлся автором учебника по этой дисциплине, выдержавшего несколько изданий. «Военной администрацией» называлась наука, занимавшаяся исследованием вопросов о «первоначальном образовании или создании (formation) вооруженных сил, их устройстве (или организации) и их содержании, то есть обеспечении всеми видами довольствия как для существования, так и для обучения и ведения боевых действий» [11]. К числу исследуемых вопросов также относилось «...выяснение оснований, на которых производится набор рекрут, продолжительность их службы, число обученных людей, коим располагает государство, и тягость повинности для населения» [12]. Таким образом, А.Ф. Редигер изучал, грубо говоря, возможности населения (и пределы этих возможностей) по поставке новобранцев и эффективность той или иной системы сбора рекрутов.

По мнению исследователя, «правильные основания для раскладки рекрутской повинности» были установлены при императоре Николае I. Рекрутский устав 1831 г. узаконил порядок выбора рекрутов из среды общества, выработанный самим населением, известный под названием «очередной системы». То есть начался новый этап в истории рекрутской повинности. Вновь установленная система была нацелена на то, чтобы она «возможно менее расстраивала благосостояние семейств, а следовательно и всего общества; а так как благосостояние семьи зависело главным образом от числа рабочих рук, то в рекруты сдавались предпочтительно члены многорабочих семейств, которые от этого не подвергались такому разорению...» [13]. Однако сложность учета рабочей силы семейств и «необходимость допускать при названной системе рекрут в возрасте 20-35 лет ... представляли столь существенные недостатки, что в 1838–1854 гг. для государственных крестьян и мещан был введен новый жеребьевый порядок» [14]. Другие исследователи совершенно упустили из вида все вопросы, связанные с очередной и жеребьевой системами.

Основные недостатки рекрутской повинности А.Ф. Редигер видел в следующем. Во-первых, значительная часть населения империи была освобождена от исполнения рекрутской повинности «или вполне, или за определенный денежный взнос», что уменьшало мобилизационные ресурсы государства. Во-вторых, существовало большое количество льгот и «изъятий» от исполнения рекрутской повинности, дарованных населению «разновременно» и без стройной системы, что вносило определенную путаницу и затрудняло военное планирование. Наконец, недостаток мобилизационных ресурсов усугублялся отсутствием достаточного запаса военно-обученных людей, обусловленным длительными сроками службы в войсках. Эти недостатки системы комплектования русской армии стали причинами серьезных неудач в годы Крымской войны [15]. Действительно, указанные недостатки были очевидными для военного. Вопрос выглядит далеко не столь однозначно, если подвергнуть его анализу с социально-экономической точки зрения, что А.Ф. Редигером предпринято не было. Впрочем, такова специфика всех работ, выполненных военными специалистами. Тем не менее, новый подход к изучению рекрутской системы позволил А.Ф. Редигеру значительно продвинуться вперед.

С 1890-х гг. интерес к рекрутчине начали проявлять и «гражданские» исследователи, рассматривавшие проблему в ином ракурсе – как повинность населения. По-видимому, они признавали приоритет своих военных коллег: в то время специальные разработки в данном направлении на общегосударственном уровне не велись. Рассказ о рекрутской повинности включался в тексты авторских учебников и «курсов лекций» по русской истории, однако не стал еще самостоятельным сюжетом. Часто это было

либо фактографическое описание преобразований Петра I, либо же повествование о военной реформе Александра II, которое можно найти, к примеру, в «Полном курсе лекций» С.Ф. Платонова [16]. В данном случае автора, конечно, больше интересовали новшества, привнесенные в жизнь русской армии Уставом о всеобщей воинской повинности 1874 г., поэтому рекрутчине уделено всего несколько строк. В целом, представления С.Ф. Платонова о рекрутской системе основывались на выводах А.Ф. Редигера. Он считал, что с конца XVIII в. «... рекрутчина оказалась уделом низших классов общества, и при том беднейших, так как богатые могли откупаться от солдатства, нанимая за себя рекрута. В такой форме рекрутская повинность стала тяжелым и ненавистным бременем для населения. Она разоряла бедные семьи, лишая их кормильцев, которые, можно сказать, навсегда уходили от своих хозяйств...» [17]. Причины введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. С.Ф. Платонов видел в том, что «невозможно было оставить старый порядок пополнения войска при тех общественных реформах, которые вели к уравниванию всех классов общества пред законом и государством; во-вторых, надобно было поставить русское военное устройство в уровень с западноевропейским» [18]. Таким образом, он указывал на существование иных – не обуславливающихся соображениями стратегии и тактики – закономерностей, влияющих на развитие воинской повинности.

В начале XX в. появились исследования по истории рекрутских наборов в регионах, в частности, в Архангельской губернии, выполненные местными краеведами А.Г. Ивановым и Статистиком (нам известен лишь псевдоним) [19].

А.Г. Иванов изучил традиционное поведение крестьян, проживавших в низовьях Печоры, во время рекрутских наборов. За свое долгое существование рекрутчина стала частью мироощущения крестьян и мещан. Родители знали, что сын вскоре покинет их, и поэтому прощали ему все шалости. Как отмечал исследователь, «...родительское отношение к «безлеготному», пропитанное с излишком своеобразно-любовным снисхождением, устанавливается в сфере семьи далеко не в последний, перед отъездом в присутствие, момент, даже далеко не в последний месяц, год...» [20]. А.Г. Иванов также дал описание разгульной жизни «некрутов» в течение последнего года перед поступлением на службу, описание собственно проводов рекрутов, привел примеры рекрутских плачей.

Не осталось незамеченным экономическое воздействие рекрутчины на жизнь региона. Очень интересна статья Статистика «Наем рекрута в половине XIX столетия в Архангельской губернии». Как известно, в 1820 г. население этой губернии получило право замены воинской службы денежным взносом в 1000 рублей ассигнациями

(с 1840 г. – 300 рублей серебром); исследование Статистика посвящено тому, каким образом местное население собирало столь большие денежные суммы, необходимые для реализации своего законного права. Избавиться от долгой и тяжелой службы стремились многие. Наиболее распространенными способами раздобыть деньги были сдача в длительную аренду душевых наделов – главным образом сенокосных угодий – задешево и на длительный срок, а также найм на работу к кредитору на кабальных условиях. Для уплаты долга нанимались, как правило, несколько членов семейства, и утрата рабочих рук в итоге приводила к его разорению. Статистик пришел к заключению, что «отработка занятых на наем рекрута денег была в Архангельской губернии одним из средств, при помощи которых возрастало влияние богача над средними и тем более, бедными слоями деревенского «мира» [21].

Как можно видеть, в дореволюционной литературе история рекрутской повинности разрабатывалась достаточно активно. Уже в то время зародились два направления в изучении проблемы. В рамках первого, начиная с 1880-х гг., трудились военные специалисты, рассматривавшие рекрутскую повинность как систему комплектования войск. Наибольших успехов достиг А.Ф. Редигер, исходивший в своих разработках из требований специальной научной дисциплины – «военной администрации», что позволило ему более полно охарактеризовать проблему. «Гражданские» историки исследовали рекрутчину как повинность населения. Второе направление появилось позднее и было представлено небольшими сюжетами в авторских «курсах лекций» по истории России и работами краеведческого характера. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. значительно активнее развивалось первое направление, активно изучался лишь один аспект истории сложного исторического явления, однако появилась тенденция к преодолению этой односторонности. В то же время заметна замкнутость представителей обоих направлений на предмете своих интересов.

Исследование рекрутской повинности было продолжено в годы советской власти. Первые работы, посвященные собственно рекрутчине, появились сравнительно поздно, после 1945 г. К тому моменту, с одной стороны, были разработаны и получили должную марксистскую оценку многие важные вопросы отечественной истории, с другой стороны, после Великой Отечественной войны в обществе был велик интерес к военному прошлому страны.

Советская историческая школа развивалась в русле марксистско-ленинского учения, в основе постижения истории лежала теория о поступательном развитии человеческого общества к коммунизму, выраженном в последовательной смене пяти общественно-экономических формаций. Каждая формация основывалась на определенном способе производства. «На известной ступени своего развития материальные производительные

силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [22].

Следовательно, рекрутская повинность, являясь институтом, принадлежащим феодальной формации, с началом разложения феодального строя в России во второй половине XVIII в. сама начала приходить в упадок, закончившийся кризисом. В годы буржуазных реформ Александра II, когда произошла смена формаций, рекрутчина закономерно была заменена всеобщей воинской повинностью. Основываясь на этой методологической аксиоме, советские историки приходили к выводу, что рекрутская система, находясь в кризисе, не могла развиваться по определению, все попытки модернизации изначально были обречены на провал. Кроме того, как люди военного и первых послевоенных поколений, они, по-видимому, находились под сильным впечатлением недавнего прошлого, когда в годы Первой и Второй мировой войн на фронтах протяженностью в тысячи километров сражались многомиллионные армии, войска несли большие потери и столь же значительной по своим масштабам была мобилизация людей в вооруженные силы. Поэтому рекрутская повинность рассматривалась через призму этих событий и оценивалась достаточно критически. Между тем каждую эпоху необходимо понимать в ее собственных категориях, с учетом конкретно-исторических условий того времени.

Господствовавшая идеология в значительной степени повлияла не только на восприятие проблемы, но и на подход к ее изучению. В первом, довоенном, издании Большой Советской Энциклопедии сведения о рекрутчине можно найти в статье «рекрутские наборы», в которой ее сущность раскрывалась как обязанность всех сословий выставлять определенное количество рекрутов [23]. При этом указывалось, что «вся тяжесть поставки рекрутов ложилась на крестьянство и неимущие слои населения в городах. Дворянство (в 1762), а затем семейства церковнослужителей и купечества были вовсе освобождены от рекрутских наборов» [24]. В 1950-е гг. во втором издании Большой Советской Энциклопедии было сформулировано – впервые в отечественной историографии – понятие «рекрутская повинность», обозначавшееся как «способ комплектования регулярных войск в России, введенный Петром I в 1705, состоявший в установленной законодательными актами принудительной повинности, обязывавшей население податных сословий поставлять в армию рекрутов, а дворян – нести пожизненную службу» [25]. Как можно видеть, первоначально советские историки развивали положения, выработанные их дореволюционными предшественниками в рамках «теории о закрепощении и раскрепощении сословий».

Но с конца 1960-х гг. общепринятой стала другая точка зрения, в соответствии с которой считалось, что рекрутской повинности подлежали только податные сословия, дворяне же были освобождены от рекрутчины изначально [26]. Вот как звучит каноническое для советской исторической науки определение рекрутской повинности: «Система комплектования регулярной армии и флота в России в XVIII–XIX вв. Состояла в установленной законодательными актами обязанности населения податных сословий ежегодно поставлять в армию и флот определенное число рекрутов» [27]. Эта дефиниция без изменений сохраняется в современной российской науке [28]. Достоинством нового подхода – помимо большего соответствия идеологическим догмам – было разграничение изучения воинской повинности дворянства и податных сословий, оправданное тем, что они имели разные основания. Таким образом, изучение рекрутчины как повинности податного населения было объявлено столь же важной задачей, как и исследование рекрутской системы комплектования войск. Тем самым были заложены основы для преодоления односторонности в разработке проблемы, заметной в дореволюционной историографии.

В конце 1940-х – начале 1960-х гг. появилось значительное количество исследований, посвященных военной истории России, авторы которых в той или иной мере затрагивали вопросы комплектования российских вооруженных сил в XVIII–XIX вв. Так, в работах П.Г. Рындзюнского, Г.П. Мещерякова, Ю.Р. Клокмана, А.А. Строкова [29] был вскрыт классовый характер рекрутской повинности, показаны «крепостнические порядки», господствовавшие в войсках. Помимо того П.Г. Рындзюнский обратил внимание на ограниченность возможностей по значительному увеличению личного состава русской армии перед войной 1812 г., считая это следствием противоречия между общегосударственными потребностями и «принципом частного обладания крепостными душами», когда «изъятие крестьян из крепостных вотчин в повышенном против установившейся нормы размере встречалось правящим сословием с враждебностью» [30].

Более детальные сведения о рекрутчине можно найти в трудах П.А. Зайончковского, В.А. Фёдорова и Б.Ф. Ливчака [31], сосредоточившихся на изучении мероприятий царского правительства по реорганизации рекрутской системы, предшествовавших введению всеобщей воинской повинности в 1874 г., критике ее слабых сторон. По мнению П.А. Зайончковского, переход от рекрутской повинности на более совершенные принципы комплектования войск назрел задолго до отмены крепостного права, однако, все мероприятия царского правительства шли по пути сокращения сроков службы в армии, не затрагивая основ рекрутской повинности [32]. В.А. Федоров, сравнив мобилизационные возможности русской армии с армиями других стран, пришел

к выводу, что одной из главных причин поражения России в Крымской войне являлась рекрутская повинность, которая не позволяла развернуть массовую армию: «Россия, имея современное оружие и тактику, тем не менее, отставала от западных держав в плане восполнения потерь обученным резервом» [33].

Б.Ф. Ливчак разрабатывал историю появления и развития института народного ополчения, которое созывалось в России в течение XIX в. четырежды. По его словам, «в России XIX в. ополчение – явление закономерное, а его спорадические призывы – не только эпизоды отдельных войн, но и ступени развития особого института военного устройства страны» [34]. Появление его в начале XIX в. было связано с изменением масштабов войн, в которых русской армии пришлось сражаться с массовыми армиями буржуазного типа. Существовавшие в России реалии не позволяли изменить систему комплектования войск, которая подвергалась в 1831 г. некоторому усовершенствованию, сводившемуся «к расширению круга лиц, на которых распространялась обязанность военной службы натурой».

Предпринятые меры и общий прирост населения увеличили контингент, но не устранили существенный недостаток рекрутской повинности, которая «исключала накопление запаса людей, прошедших ряды армии и получивших военную подготовку». Создание института народного ополчения – «временного регулярного вооружения» – было попыткой российского правительства дать действующей армии устойчивый резерв для восполнения потерь, дополнительного развертывания новых воинских частей. Однако созыв ополчения мог дать армии лишь большее число необученных новобранцев, как и обыкновенные рекрутские наборы. Таким образом, «в эпоху массовых армий, порожденных буржуазными революциями и национальными войнами, Россия оставалась при прежней военной системе, неспособной к должному, по масштабам войн, развертыванию вооруженных сил» [35].

Попытку дать полную характеристику системы комплектования российских войск в XVIII–XIX вв. осуществил Л.Г. Бескровный, рассмотрев в серии своих монографий [36] историю возникновения и эволюции рекрутской повинности. Здесь необходимо сказать несколько слов о самом авторе. Л.Г. Бескровный, историк по образованию, воевал в годы Великой Отечественной, затем преподавал в одном из советских военных вузов, демобилизовался из армии в звании «полковник». Принадлежность его к военной среде обусловила то, что рекрутчина рассматривалась им только с военно-организационной точки зрения. В то время актуальным было обращение к проблемам развертывания армии и мобилизационных ресурсов, поэтому многие другие важные аспекты истории рекрутчины (система подготовки наборов, органы управления, раскладка повинности, льготы и изъятия, очередная и жеребьевая

системы отправления рекрутской повинности) казались несущественными и в итоге не стали приоритетными для исследователя.

Отметив достоинства рекрутской повинности как способа комплектования войск, Л.Г. Бескровный, основываясь на обширном комплексе архивных документов (в том числе статистического характера), выявил несколько ее серьезных недостатков. Во-первых, «государство было вынуждено содержать большую в численном отношении армию, отягощавшую бюджет страны. Хотя численность войск в мирное время всегда была велика, однако она была всегда недостаточной для военного времени. В годы войны приходилось прибегать к усиленным наборам и пополнять армию необученным контингентом. При этом каждый новый набор вызывал недовольство дворян, поскольку они теряли рабочую силу. По этой же причине попытки правительства сократить сроки службы и за счет этого создать обученный запас наталкивались на сопротивление крепостников. Отсутствие обученного запаса создавало хронический некомплект полков не только в военное, но и в мирное время. Таким образом, рекрутская система ограничивала возможность получать быстро, и, главное, своевременно обученное пополнение» [37]. Во-вторых, на службе находилось большое число солдат старших возрастов, по состоянию своего здоровья уже не способных выдержать больших нагрузок. В военное же время, вследствие значительной убыли, в частях оставались в основном едва обученные рекруты. Существенным недостатком, с точки зрения Л.Г. Бескровного, являлось также наличие большого количества льгот и изъятий от рекрутской повинности, предоставлявшихся по классовому и сословному признакам. С началом эпохи массовых буржуазных армий недостатки, присущие рекрутской системе, усугубились.

Таким образом, рекрутская повинность уже с конца XVIII в. не могла в должной мере удовлетворять потребности армии в личном составе, однако все серьезные меры правительства по выходу из кризиса с комплектованием армии в середине XIX в. «...свелись лишь к изменению порядка призыва. Сама же система осталась без изменений» [38]. То есть введение в 1831 г. в Рекрутский устав правил очередной системы не принесло серьезных изменений и тем более не являлось началом нового периода в развитии рекрутской системы комплектования. Правда, по мнению Л.Г. Бескровного, это было сделано ранее – уставом 1810 г. (напомним, другие исследователи – дореволюционные и советские – говорят только об уставе 1831 г.), но расхождение в датах несколько не изменяет данной им общей оценки. Труды Л.Г. Бескровного стали классическими; на их основе вели свои разработки в данной области все советские и современные российские историки.

В 1972 г. Ю.Ф. Прудников исследовал комплектование русской армии в 1794–1804 гг. [39]. Он обратил свое внимание именно на это

относительно «мирное» десятилетие в истории русской армии, поскольку считал, что это позволит «выяснить, насколько обеспечивала сословно-крепостническая рекрутская система укомплектование русской армии...; другими словами, как сказывалось на формировании армии сохранение системы, являвшейся выражением вступившего в стадию разложения крепостнического строя» [40]. То есть выводы исследования, по мнению автора, могли быть справедливыми и для более позднего времени. Автору удалось по документам отдельных инспекций, корпусов, дивизий и полков установить, что в армии был постоянный хронический некомплект нижних чинов формально в 8-10, а фактически в 15-20% ее штатного состава. Причиной отсутствия необходимых резервов и того, что армия постоянно находилась в состоянии неуккомплектованности, был, по его мнению, «сословно-крепостнический характер рекрутской системы и обусловленный этим характером механизм ее осуществления». К началу XIX в. резервы для развития рекрутской системы «вширь и вглубь» были исчерпаны, и «сословно-крепостническая система комплектования армии, со всеми вытекающими из нее последствиями, неминуемо вела русскую армию к катастрофе», которая и произошла в Крымскую войну [41].

Необходимо также упомянуть появившиеся в 1960–1980-х гг. юбилейные публикации по истории участия жителей отдельных регионов, уездов, городов в боевых действиях в Отечественной и Крымской войнах [42]. Подобные работы ценны тем, что содержат в себе сведения о числе рекрут, выставленных конкретными населенными пунктами и уездами, о затратах населения на проведение рекрутских наборов, то есть позволяют увидеть разные стороны работы системы набора людей в армию.

Во второй половине XX в. к изучению рекрутчины активно подключились специалисты, основные интересы которых лежали в области аграрной, социально-экономической истории, истории сословий. Соответственно, рекрутская повинность изучалась ими либо как часть истории сословий, либо в комплексе с другими натуральными и денежными повинностями. Таким образом, можно выделить две группы работ. К первой следует отнести труды Н.М. Дружинина, П.Г. Рындзюнского, В.А. Александрова, Б.Н. Миронова и П.П. Котова [43].

Монография Н.М. Дружинина, первый том которой вышел в свет в 1946 г., посвящена реформе П.Д. Киселева в государственной деревне. В ней дана характеристика многих сторон жизни государственных крестьян, в том числе и тех повинностей, что они несли, как в дореформенное время, так и после завершения преобразований П.Д. Киселева. По собранным автором сведениям, в дореформенное время рекрутская система служила «благодатной почвой для злоупотребления местной администрации», была «особо крупным источником для вымога-

тельства» [44]. Основные злоупотребления заключались в неправильном ведении очередных списков («послуги» семейств не указывались; местные власти могли произвольно соединять семейства в списках под одним номером или разъединять; волостные правления самостоятельно могли «перемарывать» уже утвержденные списки), растрате сдаточных денег, взяточничестве [45]. Ведение новых принципов управления государственными крестьянами и жеребьевой системы отбора рекрутов не исправило ситуации. По мнению Н.М. Дружинина, все мероприятия правительства, направленные на усовершенствование рекрутчины, заканчивались провалом, так как «они не подрывали основ рекрутчины – феодального способа производства» [46]. Все последующие исследователи использовали в своих построениях наработки Н.М. Дружинина.

В.А. Александров сосредоточил свои усилия на изучении общины в крепостной деревне. Рекрутская повинность не была личной, падала на общину в целом и обеспечивалась именно ею. Первоначально правительство не вмешивалось в действия общины, хотя с начала XIX в. «государственная власть стала пытаться детализировать правила персонального отбора рекрутов внутри городского населения и в общинах государственных и удельных крестьян» [47]. В итоге правила очередного распределения повинности были внесены в Рекрутский устав 1831 г. Однако, как отмечает В.А. Александров, «эти правила не распространялись на частновотчинное крестьянство; в его среде на протяжении XVIII в. повсеместно и прочно сложились свои порядки и даже целые системы, часто отличавшиеся друг от друга, на основании которых происходила рекрутская «отправка» [48]. Автор привел типологию этих систем в крепостной деревне и дал развернутую характеристику. Одним из основных вопросов исследования стало взаимодействие крестьянского «мира» и частнофеодальной власти в процессе выработки порядка отбора рекрутов в XVIII–XIX вв. В итоге В.А. Александров установил, что «частнофеодальная власть обычно реже брала на себя инициативу в этом вопросе... Тяглая государственная повинность – рекрутчина, наложенная на общину, ею же самой целенаправленно приспособлялась к условиям собственного существования. Для того, чтобы обеспечить выполнение повинности, а тем самым предохранить саму себя, община придавала рекрутчине отчетливый социально-хозяйственный оттенок... Поглощая наиболее бедную часть деревни, эта повинность способствовала в известной степени нивелировке крестьянства. В среде наиболее втянутого в товарно-денежные отношения крестьянства рекрутчина становилась фактически внутриобщинным денежным налогом, выплатить который могла лишь состоятельная часть деревни» [49]. Наработки В.А. Александрова важны для нас также тем, что, в Вологодской губернии насчитывалось достаточно большое число помещичьих крестьян.

Не осталась обделенной вниманием еще одна из основных категорий крестьянства. В конце 1980-х гг. появились исследования П.П. Котова, посвященные истории удельных крестьян Русского Севера. По его мнению, тяжесть натуральных повинностей, в том числе рекрутской, для населения северного региона заключалась «не сколько в объемах, ... сколько в том, что они затрудняли промысловую деятельность крестьян, отрывая людей и рабочий скот от хозяйственных нужд». Заработанные в ходе промысловой деятельности деньги были очень важны для бедного хлебом Севера [50]. В 1991 г. в монографии «Удельные крестьяне Севера. 1797–1863 гг.» П.П. Котов дал характеристику повинностей, в том числе рекрутской, крестьян удельных имений Архангельской и Вологодской губерний, привел статистику по результатам рекрутских наборов в удельной деревне за 1799–1855 гг. [51]. До настоящего времени эта работа остается единственной, в которой содержатся статистические данные по рекрутской повинности населения Европейского Севера России в XVIII–XIX вв.

Хотя еще в 1958 г. П.Г. Рындыонский говорил, что «мещане ... до самого конца существования рекрутской повинности несли на себе ее тяжесть наравне с крестьянами» [52], в советской исторической литературе установилось мнение, что рекрутчина «всею тяжестью ложилась на крестьян» [53], и сюжет об исправлении гражданством этой повинности оставался практически неразработанным. Некоторые сведения о влиянии рекрутчины на жизнь мещан можно встретить в работах, посвященных истории отдельных городов [54]. В 1990 г. появилось исследование Б.Н. Миронова «Русский город в 1740-е – 1860-е годы», в котором автор провел подсчеты численности рекрутов, выставленных мещанами и крестьянами (городскими и сельскими). Значительную часть населения городов составляли крестьяне, которые, фактически проживая в городах, юридически оставались жителями своих прежних сел и деревень. Правительство законодательным путем существенно ограничивало возможности крестьян, стремившихся перейти в мещанское сословие. Б.Н. Миронов проанализировал рекрутчину как канал мобильности крестьянства на выходе из сословия и установил, что рекрутчина действовала с большей эффективностью, чем переход в гражданство, хотя оба эти канала межсословных перемещений крестьянства являлись очень узкими, охватывая не более 0,5% общего числа крестьян в год [55].

Представители второй группы исследователей рассматривали рекрутчину вместе со всем комплексом денежных и натуральных повинностей населения империи в целом [56] и Русского Севера, в частности [57], и отводили рассказу о ней в общем-то не так уж много места. Описание рекрутчины могло быть более или менее развернутым, иногда приводились сведения о правилах раскладки повинности и проведения наборов [58], но в основе своей сводилось к следующему:

«Тяжела была и рекрутская повинность. Крестьяне не только выделяли из своей среды здоровых молодых мужчин, но и собирали «складочные» деньги на отправку рекрутов» [59]. Все исследователи отмечали, что рекрутчина тяжелым бременем ложилась на плечи народа, являясь одновременно натуральной и денежной повинностью, лишала крестьянские хозяйства рабочей силы, понижая его производительность, подрывала финансовые ресурсы крестьянства. Частыми были злоупотребления на всех уровнях администрации. Крестьяне и мещане всеми силами старались избежать рекрутчины, но лишь самые богатые могли заплатить деньги «наемнику» или купить зачетную рекрутскую квитанцию. В этих очерках наиболее ценными для нас являются фактические данные о результатах отдельных наборов и конкретные примеры злоупотреблений со стороны администрации, которые исследователи приводили в качестве примеров. В целом же, их работы могут дать только самое общее представление о рекрутской повинности.

Таким образом, советская эпоха стала временем плодотворного изучения рекрутчины на общегосударственном и региональном уровнях как системы комплектования и повинности населения, была преодолена односторонность, характерная для дореволюционной историографии. При этом советские историки шли своим путем, практически не используя наработок своих дореволюционных предшественников. Между тем, некоторые важные вопросы были оставлены без должного внимания, усугубилась тенденция к специализации, замкнутости военных и «гражданских» историков в рамках своей специализации. Как и все достижения в исследовании проблемы, это было предопределено идеологическим базисом советской исторической науки и развитием военного дела в XX в., определявшими актуальность вопросов, попадавших в поле зрения исследователей, и их подход к изучению. Изучение рекрутской повинности населения Европейского Севера шло значительно менее активно – у региональных историков имелись более важные задачи.

В современной России история рекрутской повинности также остается востребованной исследователями. Необходимость военной реформы, как и в 60-е гг. XIX в., подталкивает современных российских историков к изучению прошлого вооруженных сил, системы их комплектования и, особенно, самого опыта реформирования. Исследования продолжаются по двум традиционным направлениям.

Военные историки в настоящее время не ведут специальных разработок по рекрутчине, их внимание, по понятным причинам, больше привлекают сюжеты, связанные с реформами Петра I, Александра II и другими, существенно изменявшими вооруженные силы страны. Они полностью разделяют точку зрения своих советских предшественников на рекрутскую систему комплектования, лишь только стиль стал менее критичным. Для российских военных историков характерен тот

же узкопрофессиональный подход – повышенное внимание к вопросам мобилизационных ресурсов при незначительном интересе ко многим другим важным аспектам истории рекрутчины. Считается, что к концу XVIII в. рекрутская система стала серьезным препятствием в строительстве вооруженных сил – создании «массовой регулярной армии», связанные с Рекрутским уставом 1831 г. попытки модернизации – если и предпринимались – то закончились неудачей. Среди основных недостатков системы они выделяют сложность и запутанность системы отбора рекрутов, многочисленные льготы и изъятия от службы в армии, не стремясь при этом разобраться в истинных причинах появления недостатков, которые следует искать в социально-экономической истории России XVIII–XIX вв. [60].

В то же время, изменения, произошедшие в обществе после 1991 г., позволили по-новому оценить некоторые проблемы и приступить к изучению тем, ранее недоступных из-за идеологических запретов. Так, Е.Г. Вапилин затронул вопрос об особенностях комплектования русской армии в XVIII–XIX вв. нижними чинами, вызванные необходимостью политического контроля над армией [61]. По его словам, «в условиях рекрутской системы эта деятельность не являлась первостепенной. Более того, воинская повинность, случалось, использовалась и как средство наказания и смирения крестьян...» [62]. Первоначально отбор рекрутов был отдан на откуп общинам и помещикам. Однако укоренившееся в XVIII в. правило комплектовать армию людьми, оказавшимися в «великих бедерзостях», заставило правительство постепенно вводить меры по контролю за отбором. Отбор ужесточился. В целом, армия была преимущественно крестьянской, православной, славянской, что способствовало ее большей сплоченности, укреплению внутреннего единства и облегчало политический контроль. Фактор политической благонадежности войск появился только с введением всесословной воинской повинности [63].

Й. Петровский-Штерн исследовал историю службы в русской армии евреев. Доля еврейского населения на Европейском Севере России была очень невелика. Поэтому для нас здесь интересен один аспект – проблема установления рекрутской повинности для евреев в 1827 г. Й.Петровский-Штерн утверждает, что причиной этого было не столько стремление расширить базу для формирования армии, сколько следствие экономической реформы Е.Ф. Канкрин, стремившегося повысить государственные доходы от продажи зерна, введя на него монопольные государственные цены с помощью двух мер – поддержки крупных городских оптовиков и землевладельцев и ограничения деятельности мелких городских торговцев-посредников и крестьян – производителей зерна. На территории черты оседлости эту меру было сложно осуществить без значительного численного ослабления еврейского населения, что

должны были обеспечить рекрутские наборы. Кроме того, приобщение евреев к армейской службе должно было инкорпорировать это сословие (так определял закон) в русское общество [64]. В этом случае мы видим пример того, как, проводя военные мероприятия, правительство Николая I решало социально-экономические проблемы.

По-прежнему у региональных историков значительный интерес вызывает участие в военных конфликтах жителей уездов и городов [65], а также отдельных солдат и унтер-офицеров [66]. Эти работы показывают отдельные аспекты истории проведения рекрутских наборов в Архангельской и Вологодской губерниях (или на их различных территориях), не отображая систему рекрутской повинности в целом.

В рамках социально-экономической истории продолжается изучение рекрутчины в двух направлениях – как части комплекса натуральных и денежных повинностей и как часть истории сословий. В числе первых следует отметить работы М.Б. Булгакова, В.А.Корнилова и П.П. Котова.

Очерк М.Б. Булгакова «Подати и повинности крестьян» был написан им для вышедшей в 1993 г. «Истории крестьянства в России до 1917 г.» и имеет обзорный характер. Поэтому данная в нем оценка рекрутской повинности достаточно традиционна и основана на выводах, сделанных представителями советской историографии: «Рекрутская повинность основательно подрывала силы крестьянских хозяйств, потому что из их хозяйств изымались самые работоспособные мужчины... Повинность отражалась ...на целом крестьянском обществе, ...так как оно было вынуждено платить за него [рекрута – Ф.И.] все налоги и сборы до новой ревизии» [67].

Статья В.А. Корнилова «Эволюция военной службы в России в XIX в.: от рекрутской системы к всеобщей воинской повинности» [68] предназначена для школьных учителей и представляет собой срез современных научных представлений о рекрутской и всеобщей воинской повинностях. Рассказ о рекрутчине носит обзорный характер. Главным было показать недостатки рекрутской системы комплектования («рекрутство осуществлялось исключительно принудительными принципами», «процедура приема рекрутов была формальна», «в рекрутской повинности было много случайного», система в целом не гуманна и не эффективна) [69] и необходимость перехода к всеобщей воинской повинности. В.А. Корнилов обращает внимание читателей и на социальные последствия рекрутчины (запрет разделов, денежные расходы, тяжесть с экономической и демографической точек зрения). Последнее особенно важно, так как «рекрутская повинность, хотя и не поглощала весь прирост населения России, но забирала основную его часть. В связи с этим следует вспомнить, что в доиндустриальном обществе прирост населения был важнейшим источником экономического роста. Рекрутская повинность серьезно сдерживала экономическое развитие

страны» [70]. Хотя автор в начале повествования говорит, что «за почти два столетия своего существования рекрутская повинность претерпела большие изменения» [71], его статья показывает не динамику развития этого исторического явления, а, скорее, его фотографию, где несколько кадров наложились один на другой и сложно увидеть, в какой момент времени сделан снимок.

Более интересны поздние работы П.П. Котова, посвященные натуральным повинностям населения Коми края – очерк «Налоги и повинности. Крестьянское движение» в «Истории Коми» и статья «Рекрутская повинность населения Яренского уезда в конце XVIII – первой половине XIX вв.» в одном из краеведческих сборников [72]. Автора интересовало то, как осуществлялась рекрутская повинность, он стремился «вписать» исполнение населением региона рекрутской повинности в общероссийские процессы развития рекрутской системы комплектования, поэтому большое внимание уделял эволюции рекрутских наборов (правилам их проведения, изменению принципов отбора людей в новобранцы), и этим его работы отличаются от других подобных очерков. Он видел необходимость изучения рекрутчины как самостоятельного исторического явления. Следует сказать, что статья П.П. Котова, посвященная рекрутской повинности населения Яренского уезда, является первым специальным исследованием по этой проблематике на Европейском Севере России.

Представители второй группы исследователей – П.П. Щербинин и Т.Б. Андреева – изучают воздействие рекрутской повинности на жизнь податных сословий [73]. Так, П.П. Щербинин заинтересовался судьбой представительниц одной из социальных групп населения Российской империи – солдатских жен. По его словам, «с известной долей условности все замужнее женское население России в XVIII–XIX вв. можно разделить на три группы: женщины, мужья которых уже служили в армии; россиянки, которые с тревогой ждали часа неминуемого «изъятия» главы семьи для военных надобностей; жены, мужья которых по состоянию здоровья, льготам и другим причинам не могли служить... Именно эти женщины считали себя самыми счастливыми и удачливыми. Ни одна женщина податного сословия не могла быть спокойна, пока ее муж находился в «призывном возрасте» и мог в любой момент угодить под «красную шапку». Особое потрясение вызывала при этом неожиданность самих наборов, создававшая постоянную угрозу для семейного благополучия. Судьба солдатской жены считалась худшей, чем судьба вдовы, так как последняя могла выйти замуж вторично, тогда как солдатку ожидало одинокое будущее и неприкаянность [74].

До 1866 г. солдатские жены имели право проживать вместе с мужьями и следовать за ними в армию, но такая возможность была далеко не у всех. Оставшиеся в деревне попадали в тяжелые условия. Отдача мужа в

рекруты коренным образом изменяла статус женщины, заставляя приспособляться к новым условиям, «искать способы противодействия правовому, административному и общественному давлению, которому подвергалась любая солдатка, став представительницей военного сословия» [75]. В статье приводится анализ особого брачного поведения солдатки, ее взаимоотношения с общиной. Эти вопросы выходят уже за рамки истории рекрутской повинности и представляют из себя отдельную тему [76].

В работе Т.Б. Андреевой рассматривается значение пива в обрядах и обычаях севернорусских крестьян в XIX в., которое было обязательным угощением при обрядах жизненного цикла и на различных мероприятиях – новосельях, проводах в рекруты, приводится описание таких «проводин». Хотя автор оперирует данными 1890-х гг., не будет ошибкой утверждать, что и двадцатью годами ранее «крестьяне говорили: «Ой, да что это за рекрут, коли вина не пьет, какой он солдат!» и всячески способствовали тому, чтобы будущие солдаты вели себя в последний год, как и «следует рекрутам» [77]. В завершение «проводин», перед уходом рекрутов из деревни, устраивалась последняя трапеза, на которой все присутствующие по очереди пили пиво, возможно, из передававшейся «круговой» чаши. Подобную роль прощального напитка пиво играло и на свадьбе [78].

Итак, в современной российской историографии продолжает разрабатываться сюжет о рекрутской повинности, однако интерес к проблеме в последние полтора десятилетия заметно снизился – общее количество публикаций сократилось, отсутствуют исследования, специально посвященные истории рекрутчины как явлению общегосударственного масштаба, на региональном уровне такие исследования единичны. Разработка проблемы в рамках военной истории переживает застой, публикации носят обзорный характер и основаны на выводах, сделанных советскими авторами десятилетия назад. В области социально-экономической истории положение более обнадеживающее. Наряду с традиционными работами, появились разработки по истории собственно рекрутской повинности, что было признанием необходимости изучения рекрутчины как самостоятельного исторического явления. Вместе с тем, началось изучение новых тем, связанных с комплексом общественных взаимоотношений, традиционными представлениями и поведением людей, порожденных рекрутской повинностью. Таким образом, большая часть специалистов считает, что история рекрутской повинности в России изучена. Но можем ли мы с уверенностью утверждать, что проблема исследована полностью? Насколько справедливо данное утверждение?

Действительно, в нашем распоряжении имеется значительное количество публикаций по рекрутчине. В них достаточно полно разработан

вопрос о рекрутской системе комплектования армии и флота, вопрос о повинности населения разработан менее подробно. Но не стоит забывать особенностей проведения исследований рекрутчины в советское время, на которых базируются современные научные представления об этой проблеме. Во-первых, восприятие и познание предмета определяла коммунистическая идеология, рекрутчина оценивалась критически, как институт, принадлежащий формации, находящейся в кризисе, и потому неспособный к развитию. Во-вторых, ряд важных вопросов (система подготовки наборов, органы управления, раскладка повинности, льготы и изъятия, очередная и жеребьевая системы отправления рекрутской повинности, модернизация рекрутской повинности) не попал в поле зрения исследователей, иным было уделено мало внимания (рекрутская повинность у мещан). Идеологические убеждения, современное развитие военного дела, на которое они ориентировались, и пласт времени, отделявший их от предмета изучения, сделали для них многие аспекты непонятными и несущественными. Очевидно, что необходима корректировка сложившейся системы взглядов.

Исследование «темных пятен» в рамках прежнего подхода, когда отдельно изучались рекрутская система комплектования войск и рекрутская повинность населения, невозможно: советские историки ранее не смогли оценить их должным образом. Изучение рекрутской повинности в регионах, в частности на Европейском Севере, велось односторонне – как повинность населения – и не являлось приоритетной задачей. Поэтому и в данном случае утверждать, что проблема изучена, проблематично. Имеются лишь отдельные фрагменты – история рекрутчины в удельных имениях, некоторые сведения об исправлении повинности государственными крестьянами Архангельской и Вологодской губерний. Необходим новый подход, в рамках которого «темные пятна» станут для нас ближе и понятнее, подход, который позволит дальше продвинуться в познании проблемы.

Выход из ситуации мы видим в изучении рекрутской повинности как исторического явления в его цельности, поскольку это был особый государственный институт, в рамках которого система комплектования армии и повинность населения находились в жесткой взаимосвязи и были взаимозависимы, существовал особый механизм трансформации военно-организационных мероприятий в обязанность населения выставлять новобранцев. Основные вопросы заключаются в том, какова была сущность этой связи и принципы ее реализации, как был устроен и функционировал «передаточный привод» в Российской империи и в отдельных губерниях, каким путем шло их развитие. Решение данной задачи, на наш взгляд, может придать новый импульс исследованиям в области истории рекрутской повинности.

Литература и источники

1. Корсунов Александр. Опыт истории отправления личной воинской повинности в России от начала государства до издания рекрутского устава, с 862 по 1831 год. Соч. действительного студента прав Александра Корсунова. – СПб., 1850; Поливанов К.М. Исторический очерк законов о рекрутской повинности от Петра I до 1810. Рассуждение / «Памятная книжка Алекс. лица». – СПб., 1850.
2. См.: Сидоренко Г. Рекрутская повинность. Значение ее в ряду систем формирования и комплектования войск и историческое развитие ее в России. – Киев, 1869. – Ч. 1.; Юзефович М.В. По поводу распространения у нас воинской повинности на все состояния. – Киев, 1870; Замечания на предположения об исполнении военной повинности. – М., 1871.
3. См.: А.Ш. О нашей военной реформе с экономической точки зрения. – М., 1872; Милютин И.А. О необходимости введения смешанного способа исполнения воинской повинности, как временной переходной меры, вызываемой особыми условиями жизни. Записка И.А. Милютина по поводу предстоящей воинской реформы. – СПб., 1873; Фадеев Р.А. Наш военный вопрос. Военные и политические статьи. – СПб., 1873.
4. См.: А.Ш. Указ. соч. С. 6–12.
5. Добровольский А.М., Лазаревич Ю.С., Петров Ф.В., Никифоров Н.Ф. Воинская повинность // Военная энциклопедия. – СПб., 1911. – Т. 6. – С. 625–626.
6. См.: Редигер А.Ф. Рекрутская повинность // Энциклопедия военных и морских наук. – СПб., 1892. – Т. VI. – С. 296–297; Он же. Комплектование и устройство вооруженной силы. Ч. 1: Комплектование армии. – СПб., 1913. – С. 130–139; К.–К. Рекрутская повинность // Энциклопедический словарь. – СПб., 1899. – Т. 26. – С. 530–532; Добровольский А.М., Лазаревич Ю.С., Петров Ф.В., Никифоров Н.Ф. Указ. соч. – С. 632–633.
7. Богданович М.И. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855–1880 гг. – СПб., 1879. – Т. 2.
8. Богданович М.И. Указ. соч. – С. 21, 88–122.
9. См.: Столетие военного министерства 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Александра I. – СПб., 1902. – Т. IV. – Ч. 1, кн. 1. – С. 1–166; Столетие военного министерства 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Николая I. – СПб., 1907. – Т. IV. – Ч. 2, кн. 1. – С. 1–12, 152–211.
10. Столетие военного министерства 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Александра I. – СПб., 1902. – Т. IV. – Ч. 1, кн. 1. – С. 4.
11. Редигер А.Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы. Ч.1: Комплектование армии. (Далее – Комплектование...). – СПб., 1913. – С. 1.
12. Там же.

13. Там же. – С. 134.
14. Редигер А.Ф. Рекрутская повинность // Энциклопедия военных и морских наук. – СПб., 1892. – Т. VI. – С. 296.
15. См.: Редигер А.Ф. Комплектование... – С. 131, 138–139; Он же. Рекрутская повинность // Энциклопедия военных и морских наук. – СПб., 1892. – Т. VI. – С. 296; Он же. Раскладка рекрутской повинности // Энциклопедия военных и морских наук. – СПб., 1892. – Т. VI. – С. 257.
16. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – СПб., 1999. – С. 750–751.
17. Там же. – С. 750.
18. Там же. – С. 750–751.
19. См.: Иванов А.Г. Рекрутчина в низовьях Печоры. – Архангельск, 1911; Статистик. Наем рекрута в половине XIX столетия в Архангельской губернии. – Архангельск, 1912.
20. Иванов А.Г. Указ. соч. – С. 3.
21. Статистик. Указ. соч. – С. 5–9.
22. Ленин В.И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма). – М., 1972. – С. 20.
23. Рекрутские наборы // Большая советская энциклопедия (далее – БСЭ). 1-е изд. – М., 1941. – Т. 48. – С. 560.
24. Там же. – С. 561.
25. Рекрутская повинность // БСЭ. 2-е изд. – М., 1955. – Т. 36. – С. 322–323.
26. См.: Залесский А.А. Рекрутская повинность // Советская историческая энциклопедия. – М., 1968. – Т. 11. – С. 1003–1004.; Рекрутская повинность // БСЭ. 3-е изд. – М., 1975. – Т. 21. – С. 617; Епифанов П.П. Рекрутчина // Советская военная энциклопедия. – М., 1979. – Т. 7. – С. 103–104; Военный энциклопедический словарь. – М., 1986. – С. 631.
27. Епифанов П.П. Рекрутчина // Советская военная энциклопедия. – М., 1979. – Т. 7. – С. 103.
28. См.: Рекрутская повинность // Военный энциклопедический словарь. – М., 2001. – Т. 2. – С. 467; Рекрутская повинность // Краткая Российская энциклопедия. – М., 2004. – С. 1127.
29. Рындыонский П.Г. Кутузов и русская армия в 1812 году // Военно-исторический сборник. – М., 1948. – Вып. 20. – С. 110–137; Строков А.А. Общий курс истории военного искусства. – М., 1951. – Т. 1. – С. 457–465; Мещеряков Г.П. Военное искусство рабовладельческого и феодального общества. – М., 1958. – Вып. I. – С. 402–403; Клокман Ю.Р. Русское военное и морское искусство // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. – М., 1956. – С. 387–402.
30. Рындыонский П.Г. Указ. соч. – С. 114.
31. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. – М., 1952; Фёдоров А.В. Русская армия в 50–70-е годы XIX в. Очерки. – М., 1959; Ливчак Б.Ф. История ополчения в вооруженных силах России XIX в.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра истор. наук. – М., 1966.
32. Зайончковский П.А. Указ. соч. – С. 50.

33. Фёдоров А.В. Указ. соч. – С. 74.
34. Ливчак Б.Ф. Указ. соч. – С. 3.
35. Там же. С. 21–24, 33.
36. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. – М., 1958; Он же. Отечественная война 1812 года. – М., 1962; Он же. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. – М., 1973.
37. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. – М., 1973. – С. 69.
38. Бескровный Л.Г. Указ. соч. – С. 220.
39. Прудников Ю.Ф. Комплектование русской армии (1794–1804 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. – М., 1972.
40. Прудников Ю.Ф. Указ. соч. – С. 10.
41. Там же. – С. 14–15, 17, 21.
42. Беленкина Т.И. Коми край в период разложения и кризиса феодального строя (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // История Коми АССР. – Сыктывкар, 1978. – С. 90; Фруменков Г.Г. Архангельская губерния в дни Отечественной войны 1812 г. (К 175-летию Отечественной войны 1812 г.) // Памятные даты Архангельской области. 1987 г. – Архангельск, 1986. – С. 22–24; Шарапова Е. Малоизвестные документы об участии вологжан в Отечественной войне 1812 г. // Вологодский архив. Сборник документов и материалов. – Вологда, 1963. – Вып. 2. – С. 76–77; Михайлов Б. Вологжане в Отечественной войне 1812 года // Вологодский архив: Сб. статей и документов. – Вологда, 1968. – Вып. 3. – С. 60–69; История Сыктывкара. – Сыктывкар, 1980. – С. 27; Политов В.В. Яренск. – Л., 1978.
43. Дружинин М.Н. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – М.; Л., 1946. – Т. 1; Рындзюнский П.Г. Городское гражданство в дореформенной России. – М., 1958; Александров В.А. Сельская община в России (XVII – нач. XIX в.). – М., 1976; Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е гг. – Л., 1990; Котов П.П. Удельные крестьяне Русского Севера: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. – Л., 1986; Он же. Удельные крестьяне Севера. 1797–1863 гг. – Сыктывкар, 1991.
44. Дружинин Н.М. Указ. соч. – С. 52, 66.
45. Там же. – С. 336–337.
46. Там же. – С. 59.
47. Александров В.А. Указ. соч. – С. 244.
48. Там же.
49. Александров В.А. Указ. соч. – С. 292–293.
50. Котов П.П. Удельные крестьяне русского севера... –С. 16, 13.
51. Котов П.П. Удельные крестьяне Севера... – С. 72–74.
52. Рындзюнский П.Г. Указ. соч. – С. 44.
53. См., напр.: Залесский А.А. Рекрутская повинность // Советская историческая энциклопедия. – М., 1968. – Т. 11. – С. 1003–1004.; Рекрутская повинность // БСЭ. 3-е изд. – М., 1975. – Т. 21. – С. 617; Епифанов П.П. Рекрутчина // Советская военная энциклопедия. – М., 1979. – Т. 7. – С. 103–104.

54. См., напр.: Рогачев М.Б., Цой А.И. Усть-Сысольск. Страницы истории. – Сыктывкар, 1989. – С. 92–96.
55. Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 150, 171.
56. Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XX веков. – М., 1987.
57. Цывунина В.И., Сивков К.В. Разложение феодально-крепостнического строя и развитие капиталистических отношений в Коми крае (конец XVIII – конец XIX вв.) // Очерки по истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1955. – Т. 1. – С. 213–214; Беленкина Т.И. Подати и повинности крестьян Коми края в конце XVIII – первой половине XIX в. // Крестьянство Коми края (досоветский период). – Сыктывкар, 1986. (Труды Ин-та яз., лит-ры и истории Коми филиала АН СССР; Вып. 38); Котов П.П. Повинности государственных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVIII – XIX вв.): Межвузовский сборник статей. – Сыктывкар, 1985. – С. 74–86; История Северного крестьянства. Т.1: Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. – Архангельск, 1986. – С. 284–285.
58. См.: Беленкина Т.И. Указ. соч. – С. 32; Котов П.П. Указ соч. – С. 82.
59. Осьминский Т.И. Разложение крепостного строя и зарождение капитализма (конец XVIII и первая половина XIX в.) // Очерки по истории края (Вологодская область). – Вологда, 1960. – С. 155–183.
60. См.: Федоров В.Ф., Терещенко А.В. Какая армия нужна России? Об историческом опыте комплектования Вооруженных Сил РФ и его месте в современной военной реформе // Военно-исторический журнал (далее – ВИЖ), 2002. – № 2. – С. 2–5; Крылов В.М., Жарский А.П. Николай I: «Когда настанет минута воззвать мне к России, она станет та же, как была в 1812 году». Совершенствование системы комплектования войск Российской армии в 60–70 годах XIX века // ВИЖ, 2004. – № 10. – С. 19–24; Дегтярев А.П. Переход к всеобщей воинской повинности и дебаты в Государственном Совете России // ВИЖ, 2005. – № 1. – С. 59–63; Михайлов А. А. Битва с пустыней // <http://militera.lib.ru>.
61. Вапилин Е.Г. Депутат Государственной Думы В.В. Шульгин: «Как будто преданность верховной власти есть функция роста: все большие – монархисты, все маленькие – республиканцы». Политические и национальные аспекты комплектования армии в XVIII – начале XX в. // ВИЖ, 2001. – № 10. – С. 20–26.
62. Там же. – С. 20.
63. Там же.
64. Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии: 1827–1914. – М., 2003. – С. 31–36.
65. Панюков А.А. Коми воины в Отечественной войне 1812 года // Защита Отечества: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Сыктывкар, 2001. – С. 135–139; Мацук М.А. Коми воины на фронтах Отечественной войны 1812 года // Участие жителей Коми края

- войнах и вооруженных конфликтах (XI – начало XX века). – Сыктывкар, 2004. – С. 12–17 (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; Вып. 1); Бондаренко О.Е., Комаров Л.В. «За дело правое святое» (Участие населения Коми края в Крымской войне) // Участие жителей Коми края в войнах и вооруженных конфликтах (XI – начало XX века). – Сыктывкар, 2004. – С. 21–28 (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; Вып. 1); Бондаренко О.Е., Чупров В.И. Участие коми в защите Отечества // История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар, 2004. – Т. 1. – С. 378–384; Минаева Т.С. Крымская (Восточная) война на Русском Севере (1853–1856): К 140-летию со дня окончания // Памятные даты Архангельской области. 1996 г. – Архангельск, 1996. – С. 23–25; Чевыкина Г. Спасая любезное Отечество // Советская мысль (Великий Устюг), 1995. – 18 июля.
66. Сурков Н.И. Русский матрос Герасим Булышев. // Участие жителей Коми края в войнах и вооруженных конфликтах (XI – начало XX века). – Сыктывкар, 2004. – С. 29–35 (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; Вып. 1); Он же. На службе Отечеству (Солдаты Коми края в «горячих точках» XIX века) // Там же. – С. 43–48. Он же. Защитник Севастополя // Участие жителей Коми края в войнах и вооруженных конфликтах XX века. – Сыктывкар, 2004. – С. 107–110 (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; Вып. 2).
67. Булгаков М.Б. Подати и повинности крестьян // История крестьянства в России до 1917 г. – М., 1993. – Т. 3. – С. 361–378.
68. Корнилов В.А. Эволюция военной службы в России в XIX в.: от рекрутской системы к всеобщей воинской повинности // Преподавание истории и обществознания в школе, 2003. – № 7. – С. 2–12.
69. Там же. – С. 3, 4, 6.
70. Там же. – С. 6.
71. Там же. – С. 2.
72. Котов П.П. Рекрутская повинность населения Яренского уезда в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Занятия, промышленность, духовная и материальная культура населения Вычегодского края. XVII–XX вв. Материалы научной конференции. – Сыктывкар, 2000. – С. 97–101; Он же. Налоги и повинности. Крестьянское движение // История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар, 2004. – Т. 1. – С. 343–344.
73. Щербинин П.П. Жизнь русской солдатки в XVIII–XIX веках // Вопросы истории, 2005. – № 1. – С. 79–92; Андреева Т.Б. Пиво в обрядах и обычаях севернорусских крестьян в XIX в. // Этнографическое обозрение, 2004. – № 1. – С. 77–88.
74. Щербинин П.П. Указ. соч. – С. 79.
75. Там же. – С. 80.
76. См. также: П.П.Щербинин «Плод страсти роковой» // <http://www.istrodina.com>
77. Там же. – С. 85.
78. Там же. – С. 86.

Н.И.Сурков*

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ
С ОТСТАВНЫМИ НИЖНИМИ ЧИНАМИ РУССКОЙ АРМИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
(на примере Яренского и Усть-Сысольского уездов)

В последние годы мы много говорим о необходимости знать прошлое, свою историю, открываем ее неизвестные страницы. К ним относится и история социальной работы в Коми крае. Архивные документы содержат ценные сведения об этой составляющей нашей истории. Здесь упоминаются не какие-то чудо-богатыри, герои, а самые обыкновенные коми люди, к примеру, солдаты русской армии. Они участвовали в походах, сражениях, имели награды, доживали свой век в родных селах, рассказывая землякам о Крымской войне, битвах на Кавказе, походе в Венгрию и Трансильванию в 1849 г., штурме Варшавы в 1863 г.

Справедливости ради следует сказать, что и царское правительство проявляло определенную заботу о старых солдатах. Так, 25 июня 1867 г. император Александр II подписал «Именной высочайший указ Правительствующему Сенату». Приведем лишь некоторые фрагменты этого любопытного документа. Он начинается словами: «При устройении на правильных и прочных основаниях быта сельского населения, Мы обратили попечительское внимание Наше и на положение тех членов сельского населения, которое, проведя значительную часть своей жизни на службе в рядах войск наших, увольняются в бессрочный отпуск и отставку» [1]. Примечательны и следующие слова документа: «солдат с поступлением на службу не должен утрачивать свои гражданские права в обществе, а по увольнении из войск, возвращаясь в первобытное свое положение, вступает в пользование означенными правами с теми сверх того преимуществами, на которые он приобрел право выслугою установленного срока» [2]. Была предусмотрена выдача единовременного пособия увольняющимся солдатам и определены меры по призрению их в случае болезни и невозможности приобрести пропитание собственным трудом. Мы много слышали о том, что в настоящее время порой принимается хороший закон, но не разработан механизм претворения его в жизнь, и он не действует.

Кстати сказать, при царизме такого избегали. Принимался закон, подписывался указ, следом достоянием гласности становилась инструкция или «Положение об устройстве отставных и бессрочно-отпускных

*Сурков Николай Иванович (Сыктывкар) – член-корреспондент Академии военно-исторических наук, кандидат исторических наук, доцент Коми государственного педагогического института.

нижних чинов». Вот это последнее являлось механизмом, с помощью которого запускался в действие Указ от 25 июня 1867 г. В указанном положении было в числе прочего четко записано: «Нижним чинам, которые будут признаны неспособными к личному труду и не будут иметь собственных средств к жизни, ни родственников, желающих принять их на свое иждивение, назначается от казны, пожизненно на их содержание, по 3 р. в месяц каждому из сих чинов, которые будут признаны требующими постороннего за ними ухода, размещаются по богадельням и благотворительным заведениям, с платою за них тех же 3 руб. в месяц» [3].

По увольнении из армии солдат получал паспорт, где содержалась полная информация о нем. Будет уместно привести один из подобных документов с некоторым сокращением.

«ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО и прочая, и прочая, и прочая.

Объявитель сего, служивший в подведомственной Вологодскому батальону внутренней стражи Яренской инвалидной команды рядовым Иван Алексеев Туркин.

Имеет знак отличия св. Анны под № 459881, три Высочайше установленные нашивки на левом рукаве полукафтана и бронзовую медаль в память минувшей войны 1853–1856 годов.

От роду ему ныне 46 лет. Вероисповедания православного. Приметы такие: росту 2 ар (шина) 5 вер (шков), лицом чист, глаза серые, нос средний, волосы на голове и бровях русые.

В службу вступил, как из послужного его списка видно, Вологодской губернии Яренского уезда, Арабачского волостного правления Коквицкого общества из казенных крестьян первоначально рекрутом 1835 г. ноября 25 д. в конную Артиллерийскую легкую батарею конониром. 1836 г. июля 30 из оной переведен в бригаду Динабургского артиллерийского гарнизона в роту № 1».

Далее перечислялись воинские части, где служил солдат Туркин. Последняя отметка – зачисление в Яренскую инвалидную команду 13 июля 1856 г.

Снова обратимся к тексту:

«В отпусках и штрафах не был. Российской грамоте читать и писать не умеет. У него, Туркина, жена Парасковия Михайловна, исповедания православного.

Ныне рядовой Туркин как выслуживший определенный законом 20-летний срок от воинской службы отставлен и отпущен по его желанию на собственное пропитание, где жить в России пожелает во всяком городе, уезде или на иждивении у своих родственников, но в С-Петербурге и Москве только в таком случае, если будет иметь возможность к

содержанию себя какими-либо постоянными занятиями и вообще положительными способами...

Во время жительства на родине или где оно избрет может заниматься земледелием, мастерством всякого рода или торговую промышленностью на существующих правилах и на общем основании с теми обывателями, среди которых водворится, также может определиться к разным должностям вообще как на казенные, так и на частные места, изыскивая тем способы к своему содержанию при тех мерах, которые приняты или впредь будут приняты... обеспечения и призрения вообще отставных низших чинов.

Обязан вести себя честно и добропорядочно, одеваться благопристойно, бороду брить, но по миру не ходить и всяких законам противным поступков воздерживаться и как гражданскому так и местному начальству повиноваться и никому никаких оскорблений не делать под опасением наказания по силе существующих узаконений.

Равным образом и ему, Туркину, во внимание к понесенной им военной службе оказывать в случае надобности всякое содействие в справедливых его просьбах или требовании и уважение, приличное заслуженному воину. Если же ему причинена будет какая обида или притеснение, то должен он приносить жалобу местному начальству, которое обязано доставить ему справедливую защиту и удовлетворить по законам.

В том месте, где рядовой Туркин избрет для себя жительство, должен он объявить свой паспорт местной полиции.

Дети рядового Туркина подчиняются всем тем правилам законоположения, которые изданы для солдатских детей вообще.

По смерти рядового Туркина родственникам его или местному начальству предоставить сей паспорт в ближайшую местную полицию со всеми бывшими Туркина знаками отличия и медалями для доставления порядком в законе определенном в инспекторский Департамент Военного министерства.

Дан в г.Вологде ноября 16 дня 1860 г.» [4].

Одним из важнейших условий получения от казны трехрублевого в месяц пособия являлось неудовлетворительное состояние здоровья. Солдат должен был пройти медицинское обследование. Приведем два примера. 2 января 1886 г. проходил медицинское обследование, как отмечено в «Книге для записи нижних чинов и солдатских вдов, свидетельствованных в Присутствии на получение трех и 6-ти руб. в месяц от казны пособие» отставной рядовой Анисим Максимов Паршуков, служивший в 99-м пехотном Двинском полку, приживавший в Усть-немской волости Устьысольского уезда. Результат освидетельствования – «старческое изнурение» и заключение двух врачей – «дать пособие». 22 марта 1886 г. проходил освидетельствование отставной

матрос 1-й статьи Павел Семенов Куликов, служивший во 2-м флотском ее Величества королевы эллинов экипаже. Было установлено – «хроническое воспаление правого легкого», заключение – «дать пособие» [5].

Как и было записано, паспорт после кончины владельца отсылался в уездное полицейское управление вместе с оставшимися после покойного наградами.

Сошлемся вновь на архивные документы. 11 февраля 1880 г. пристав 2-го стана Яренского уезда в рапорте полицейскому управлению доносил: «Имею честь представить при сем паспорта за № 1343 и 5702, умерших отставных рядовых Федора Протасова Ларева и Прохора Леонтьева Попова с надписями священнослужителями о погребении их» [6]. Следом Яренское уездное присутствие постановило выдать вдовам умерших Пелагии Семеновой Ларевой и Анне Васильевой Поповой вдовьих видов и «предписать Айкинскому волостному правлению паспорта означенных нижних чинов отослать Яренскому уездному воинскому начальнику. О предоставлении же оставшихся после Ларева серебряных медали и кресте предписать приставу 1 стана» [7].

Позднее выяснилось, что Ларев имел две медали: «одну бронзовую в память войны 1853–1856 годов» и другую – серебряную «За покорение Чечни и Дагестана».

По существовавшему тогда положению серебряные награды отсылали в Главный штаб, а бронзовые возвращали родственникам умершего солдата.

11 апреля 1880 г. Главный штаб извещал Яренское уездное полицейское управление, что серебряная медаль «За покорение Чечни и Дагестана» в Главном штабе получена.

27 марта 1880 г. приставу 2-го стана Яренского уезда было предписано представить оставшуюся после смерти отставного унтер-офицера Алексея Петрова Агибина, уроженца Часовской волости, серебряную медаль «За усмерение Венгрии и Трансильвании» в 1849 г. В июне 1880 г. Главный штаб подтвердил получение этой медали.

Рядовой Иван Степанов Поповцев был награжден серебряной медалью «За взятие приступом г. Варшавы» и польским знаком военного достоинства 3-й степени. Эти награды после смерти последнего пристав 2-го стана представил в Яренское полицейское управление, которые были позднее отправлены по назначению в Главный штаб.

Отставной унтер-офицер Иван Алексеев Вердышев был награжден серебряной медалью «За усердие», которая также после смерти владельца отослана в Главный штаб, а он, в свою очередь, аккуратно известил адресата о получении этой медали 3 ноября 1880 г.

Следует обратить внимание на документ, датированный 29 мая 1902 г. Вот его содержание: «Ввиду предстоящего в 1905 г. пятидесяти-

летия Крымской войны и предположительного по этому случаю юбилейного чествования, канцелярия его Императорского Высочества Великого князя Александра Михайловича по управлению Севастопольским музеем просит сообщить в возможно непродолжительном времени сведения об оставшихся в живых участниках Севастопольской обороны».

Далее в документе шло разъяснение, как выполнить данное поручение. Надо было указать поименно всех, кто имел медали за защиту Севастополя с отметкой, чем занимается ветеран в настоящее время, размер получаемых пенсий и пособий из государственного казначейства и Александровского комитета о раненых, число живых детей (сыновей и дочерей), указав их возраст, семейное и имущественное положение [8].

Устьысольский уездный полицейский исправник предупреждал, что быстро выполнить это поручение не удастся из-за обширности уезда, затруднений со связью.

Но тем не менее, были собраны сведения, которые представляют интерес для исследователя.

Так, пристав 1-го стана 8 января 1903 г. сообщал в Устьысольск: «... из участников Севастопольской обороны, имеющих медали за защиту Севастополя оказался только один проживающий в Визингской волости отставной кочегар Кирилл Алексеев Цыпанов, холост, ничем не занимается и имущества никакого нет, живет у своих родных братьев на получаемое от казны 3 руб. в месяц пособие.

Из умерших участников Севастопольской обороны, имевших медали и оставивших свое потомство оказались: в Межадорской волости Фока Феофанов Микулин, после которого имеются трое сыновей – Егор, Афанасий, Василий, все они семейные, живут отдельными хозяйствами безбедно и занимаются сельским хозяйством. В Ибской волости – Филипп Григорьев Мальцев, после него имеются тоже три сына – Фотий, Никита и Степан. Фотий семейный, проживает на родине и занимается сельским хозяйством, а Степан и Никита холостые. Первый из них находится на действительной военной службе, а второй состоит в запасе и проживает в Москве». Здесь приведем документ и сделаем замечание следующего свойства. Насколько добросовестно и ответственно подходили к порученному делу чины полиции, тот же пристав 1-го стана в конце документа сделал добавление: «К сему считаю присовокупить, что в Койгородской волости состоят еще двое солдат – Матвей Афанасьев Данилов и Галактион Иванов Мелехин, которые хотя и имеют медали в память войны 1853–1856 гг., но они ни в Севастополе ни в... не были, поэтому нужно ли представлять о таких лицах подробные сведения» [9].

Из рапорта Койгородского волостного старшины Лихачева 2 декабря 1902 г. видно, что родственники умершего отставного рядового 14-го Резервного батальона Нарвского пехотного полка Михаила

Кондратьева Карманова представили его серебряную медаль с надписью «За защиту Севастополя с 13 сентября 1854 по 28 августа 1855». Означенный покойный имел двух сыновей Алексея и Дмитрия и дочь Зою, выданную за крестьянина Ужгинского общества Ивана Гаврилова Кондратьева. Первый сын Алексей проживает в Ужгинском обществе и занимается сельским хозяйством, а второй сын Дмитрий причислен в крестьяне деревни Зырянской Мариинской волости Барнаульского уезда и чем занимается волостному правлению неизвестно [10].

Для полного представления об участниках Севастопольской обороны уроженцах Устьсысольского уезда необходимо привести еще один документ. Это рапорт пристава 2-го стана 6 ноября 1902 г.

«При собрании сведений во вверенном мне стану об участниках Севастопольской обороны, находящихся в живых и оставшихся наследниками умерших, обнаружено два лица, а именно:

1. Отставной рядовой, проживающий среди крестьян Небдинской волости села Важкурья Антон Андреев Мишарин, служивший в 93-м пехотном Иркутском полку... участвовал в обороне Севастополя, имеет серебряную медаль, получает лишь 3-х рублевое от казны пособие, занимается хлебопашеством. В семействе имеет лишь одну жену Дарью Прокопьеву Мишарину 65 лет. Имущества кроме крестьянского дома и хозяйственных принадлежностей, не относящихся к сельскому быту, не имеет.

Отставной фельдфебель, происходящий из крестьян Богородской волости села Вишеры Влас Киприянов Габов, служивший в Тобольском пехотном полку, который за участие в обороне Севастополя имеет знак отличия военного ордена Св.Георгия под № 96666 и серебряную медаль. Получает из государственного казначейства 3 р. 55 коп. В память столетия со дня рождения в бозе почившего императора Николая I пенсии из казначейства 60 руб. в год. За старостью лет ничем не занимается. В семействе имеет одну жену Дарью Фомину Габову 53-х лет. Из имущества имеет лишь не новую крестьянскую избу с двором, 1 лошадь и 1 корову.

Умерших не обнаружено» [11].

Таким образом, по Устьсысольскому уезду выявлено, согласно архивным документам, шесть отставных солдат и унтер-офицеров, которые участвовали в обороне Севастополя, еще два отставных солдата участвовали в Крымской войне, но не в самом Севастополе. Сведения об этих солдатах русской армии можно использовать при изучении истории Отечества, прошлого родного края. Без сомнения, среди нас живут многие потомки тех героев-солдат. Им небезынтересно будет знать о своих предках, восполнить пробелы в своих родословных.

Следует коснуться социальной работы с родственниками погибших воинов. Здесь можно с благодарностью вспомнить двух коми моряков, участников Русско-японской войны начала XX в.

В апреле 1904 г. в Устьсысольское уездное полицейское управление поступил документ следующего содержания:

«С разрешения господина Министра Императорского Двора при канцелярии министерства собирается сумма в память мичмана графа Алексея Нерода, убитого в бою под Чемульпо, для раздачи пособий семьям погибших с ним на крейсере «Варяг» нижних чинов.

В целях выяснения степени нужды оставшихся после погибших героев семей предлагаю Вашему Высокоблагородию безотлагательно сделать распоряжение о заполнении на месте прилагаемого при сем вопросного листа об Андрее Трофимове и представить мне» [12].

2 мая 1904 г. Ношульское волостное правление сообщало подробные данные о погибшем моряке крейсера «Варяг» Андрее Николаеве Трофимове:

«1. Родители: Мать Татьяна Кириллова Трофимова 50 лет, братья: Степан Николаев 32 л., Василий Николаев 16 л., сестра Пелагея Николаева 17 лет, все они проживают в Ношульской волости селении Бор.

2. Погибший был холост.

3. Происходил из крестьян Ношульской волости и общества деревни Бор.

4. Погибший Трофимов до поступления на службу проживал на не отделенном от братьев хозяйстве и общее их имущество состояло: недвижимое – земля пахотная 1400 сажень и сенокосная 1 десятина, деревянный дом о двух избах и необходимые надворные постройки, стоящие около 100 руб. Лошадь, стоящая 20 руб., две коровы по 50 руб. Вообще хозяйство Трофимовых в состоянии зажиточности, нужно отнести к категории благополучной.

Волостной старшина Бобров

Волостной писарь Суханов» [13].

23 июня 1905 г. Устьсысольскому уездному исправнику пришло предписание Вологодского Губернатора.

«Вследствие отношения бывшего командира погибшего эскадронного броненосца «Петропавловск» капитана 1 ранга Яковлева от 18 сего июня за № 5358 предписывало Вашему Высокоблагородию представить сим сведения о материальном и семейном положении погибшего на означенном броненосце нижнего чина Ильи Самсонова Осипова, происходившего из мещан г. Устьсысольска, а также о том, не имеется ли каких писем или документов относительно денег, вложенных погибшим в сберегательную кассу» [14].

8 августа 1905 г. Устьсысольский уездный исправник направил в Вологду рапорт, в котором он сообщал, «что нижний чин погибший на

броненосце «Петропавловск» Илья Самсонов Осипов холост, как движимого, так и недвижимого имущества не имеет». Далее сообщались сведения о родственниках погибшего – мать, вдова Парасковья Фомина Осипова 57 лет, состояние бедного, земли не имеет, братья Николай 16 лет и Иван 20 лет. Последний «ушел добровольцем в ряды войск в сем году, но в какую поступил часть, сведений не имеется». Была еще незамужняя сестра Ульяна, 36 лет, которая проживала в г.Чердынъ Пермской губ. Был ответ и на последний вопрос: «Писем или документов относительно денег, вложенных погибшим Осиповым в сберегательную кассу, не имеется». Ясно, что на море с гибелью человека пропадали и все документы. Поэтому власти хотели, хотя бы косвенным путем, выяснить сведения о вложениях в сберегательную кассу, чтобы вернуть их родным погибшего.

В 1910 г. императором была учреждена межведомственная комиссия по обсуждению вопросов, связанных с предстоящим в 1912 г. 100-летним юбилеем Отечественной войны.

Высочайше учрежденной комиссией было установлено учредить юбилейную медаль, которой наградить оставшихся к тому времени живых участников войны 1812 г. воинских чинов, бывших ополченцев, а также свидетелей тогдашних военных событий.

Предполагалось также ознаменовать юбилей милостями к потомкам воинов и ополченцев 1812 г. в соответствии с их имущественным и семейным положением – помещение детей в учебные заведения, определение на службу, призрение престарелых и неспособных к труду и другие вспомоществования. Местные власти обязаны были высказать свои конкретные предложения по каждому ветерану [15].

От полицейских чинов всех волостей, кроме Подъельской, пришли ответы: «Сведений нет».

Что касается Подъельской волости, то пристав 2-го стана в рапорте от 9 октября 1910 г. сообщал, что живых ветеранов и очевидцев Отечественной войны нет, но из потомков участников войны в селе Аныбском проживала Матрена Михайлова Попова. Она была дочерью ветерана Отечественной войны Михаила Попова. Пристав рапортовал, что Матрена Попова имела взрослых женатых сыновей – Ивана 43 лет, Григория 34 лет и Александра 30 лет. Состояние ее было крайне бедное и высказывалось предложение «выдать милости Поповой в виде небольшого денежного единовременного пособия» [16].

Исходя из изложенного можно с уверенностью утверждать, что в царской России существовала система социальной работы с такой категорией населения страны, как: отставные солдаты, матросы или как их именовали «нижние чины», солдатские вдовы, родственники призванных на войну.

Многое можно из прошлого арсенала использовать современным социальным работникам – внимательность, добросовестность, чуткость, неравнодушие.

Литература и источники

1. Вологодские губернские ведомости, 1867. – № 31. – 5 авг.
2. Там же.
3. Там же.
4. НАРК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6. Л. 72–73.
5. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1540. Л. 1–12.
6. НАРК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.
7. НАРК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 13. Л. 5 об.
8. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1349. Л. 7.
9. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1342. Л. 9.
10. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1342. Л. 14–15.
11. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.
12. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 180.
13. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 182.
14. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1772. Л. 34.
15. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1439. Л. 165.
16. НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1439. Л. 206.

П.П. Котов, Ф.Н. Иванов*

**РАСКЛАДКА РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ В РОССИИ
В 30–70-х ГОДАХ XIX ВЕКА КАК МЕХАНИЗМ
УРАВНОВЕШИВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА
И ПОДАТНЫХ СОСЛОВИЙ**

Воинская повинность является одним из тех исторических явлений, которое оказывает значительное влияние на жизнь страны. В свою очередь, способы комплектования вооруженных сил находятся в зависимости от общего уровня развития страны, ее социальных, этнических и экономических особенностей. В XVIII–XIX вв. Вооруженные Силы России формировались на основе рекрутской повинности, тесно связанной с феодальной системой эксплуатации податного населения.

***Котов Петр Павлович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной истории Сыктывкарского государственного университета.

Иванов Федор Николаевич (Сыктывкар) – аспирант Сыктывкарского государственного университета.

История рекрутской повинности относится к числу тех сюжетов отечественной истории, которые всегда будут привлекать внимание исследователей. Первые труды, посвященные рекрутской повинности, появились еще в XIX в. Всплеск интереса был вызван готовившейся военной реформой, и в полемике, развернувшейся на страницах издававшихся в 1860–1870-е гг. различных брошюр и «записок», ломали копы как сторонники, так и противники планировавшихся нововведений. В соответствии со своими взглядами они рассматривали и действовавшую еще в то время рекрутскую систему комплектования армии. К примеру, профессор Киевского университета Г. Сидоренко отстаивал точку зрения, что рекрутская система окончательно устарела, поскольку имеет «средневековый характер», и что она вредна для развития самого государства, и, соответственно, из нее заимствовать нечего. В частности, он писал: «Если государство, взимая денежные налоги, обращает на служение себе... часть произведений народного богатства, то в натуральной рекрутской повинности оно находит способ пользоваться непосредственно рабочими силами... Подобное расходование основного имущества [народа], как всякое хищническое хозяйствование... в дальнейших последствиях... естественно ведет к более или менее полному банкротству» [1]. Оппоненты, напротив, считали, что рекрутская система учитывала особенности экономического развития страны и его основы – крестьянского хозяйства – и способствовала сохранению «народной нравственности», «предохраняла от появления пролетариата» [2] и поэтому необходимо максимально использовать наработанный опыт.

В дальнейшем, когда рекрутская система комплектования войск отошла в историю, наступило время для ее более тщательного изучения. В дореволюционной историографии просматриваются три направления изучения рекрутчины. Первое из них представлено работами М.И. Богдановича [3] и В.В. Щепетильникова [4]. В их работах систематизированы законодательные акты и приказы военных министров, которые касались вопросов сбора и обучения рекрут и приводятся ценные для нас статистические материалы по планированию и результатам рекрутских наборов. К этим исследованиям историки активно обращаются и в наше время. Однако они, особенно серия «Столетие военного министерства...», носят «позитивистский» характер – здесь практически отсутствуют обобщения и выводы.

В рамках второго направления работал А.Ф. Редигер, профессор Николаевской академии генерального штаба. Он читал слушателям академии курс военной администрации, а также являлся автором учебника по этой учебной дисциплине, выдержавшего несколько переизданий в XIX – начале XX в. Военной администрацией называлась наука, занимавшаяся исследованием вопросов о первоначальном образовании или создании (formation) вооруженных сил, их устройстве (или организации)

и их содержании, то есть обеспечении всеми видами довольствия как для существования, так и для обучения и ведения боевых действий [5]. Таким образом, А.Ф. Редигер изучал, грубо говоря, возможности населения (и пределы этих возможностей) по поставке новобранцев и, соответственно, эффективность той или иной системы сбора рекрутов. Именно поэтому он уделял большое внимание вопросу о сохранности мобилизационных ресурсов через систему распределения рекрутских очередей и жеребьев. Наконец, третье направление представлено работами краеведческого характера по истории рекрутских наборов в регионах, к примеру, в Архангельской губернии [6].

Советские историки продолжили изучение рекрутской повинности как системы комплектования войск. П.А. Зайончковский в своей монографии «Военные реформы 1860–1870 гг. в России» (М., 1952) исследовал мероприятия царского правительства по реорганизации рекрутской системы, предшествовавшие введению всеобщей воинской повинности. По его мнению, переход от рекрутской повинности на более совершенные принципы комплектования армии назрел задолго до отмены крепостного права, однако все мероприятия царского правительства шли по пути сокращения сроков службы в армии, не затрагивая основ рекрутской повинности [7]. В 1959 г. вышла в свет работа В.А. Федорова «Русская армия в 50–70 гг. XIX в.» (Л., 1959). Сравнивая мобилизационные возможности русской армии с армиями других стран, он приходит к выводу, что одной из главных причин поражения России в Крымской войне является рекрутская повинность, которая не позволяла развернуть массовую армию. Он пишет: «Россия, имея современное оружие и тактику, тем не менее, отставала от западных держав в плане восполнения потерь обученным резервом» [8]. Первыми полнокровными исследованиями по истории рекрутской повинности стали работы Л.Г. Бескровного – «Русская армия и флот в XVIII в. (очерки)» (М., 1958) и «Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России» (М., 1973). Он так же пришел к выводу, что рекрутчина не удовлетворяла потребности русской армии в личном составе, но все серьезные меры правительства в середине XIX в. «свелись лишь к изменению порядка призыва. Сама же система осталась без изменений» [9].

Таким образом, советские авторы считали, что в XIX в. рекрутская система комплектования устаревала, становилась малоэффективной, все мероприятия правительства по ее поддержанию сводились лишь к косметическим изменениям. Современные исследователи истории рекрутской повинности [10] поддерживают эту точку зрения.

Остальным аспектам долгое время уделялось меньшее внимание. Масштабное изучение рекрутчины как повинности населения началось лишь во второй половине XX в. и ведется в рамках социально-экономической, демографической и аграрной истории, истории сословий [11].

Все исследователи отмечают, что рекрутчина тяжелым бременем ложилась на плечи народа, частыми были злоупотребления на всех уровнях администрации. Крестьяне и мещане всеми силами старались избежать рекрутчины, но лишь самые богатые могли заплатить деньги «наемнику» или купить зачетную рекрутскую квитанцию. К сожалению, сюжеты по истории рекрутчины, особенно в разработках историков по истории Европейского Севера России, являются в большинстве своем иллюстративными материалами к основному предмету повествования.

Такой подход не способствует пониманию и изучению проблемы, поскольку не позволяет увидеть рекрутчину как историческое явление в его цельности. Все еще остаются неизученными многие аспекты истории рекрутчины, в том числе и механизм, при помощи которого военно-организационные мероприятия преобразовывались в повинность населения. В предлагаемой статье делается попытка анализа такого механизма, действовавшего в России в 1831–1874 гг., на примере Европейского Севера страны. Наш интерес к данному региону обусловлен тем, что в его рамках существовали две системы отправления рекрутской повинности – типичная для большинства губерний России – в Вологодской губернии и обладавшая многими специфическими особенностями – в Архангельской губернии.

Для характеристики проблемы привлечены разнообразные источники, как опубликованные, так и не введенные в научный оборот (Полное собрание законов Российской империи, рекрутские уставы 1831, 1857 и 1862 гг., губернаторские отчеты из фондов РГИА). К последним относятся нормативные акты и делопроизводительные документы по рекрутским наборам, отложившиеся в государственных архивах Вологодской (ГАВО) и Архангельской (ГААО) областей.

Суть преобразования военно-организационных мероприятий в повинность населения состоит в том, чтобы с достаточной эффективностью набирать необходимых людей в вооруженные силы, не препятствуя при этом социально-экономическому развитию страны. Естественно, конструкция такого механизма «сдержек и противовесов» зависит от уникальных для каждой страны в конкретный момент ее исторического развития условий, а сам механизм с течением времени может либо модернизироваться, приспособливаться к новым реалиям, либо же, в случае принципиальной несовместимости с ними, заменяться новым (к примеру, как это произошло в нашей стране с введением всесословной воинской повинности в 1874 г.).

Существовавший в России в XVIII–XIX вв. механизм мы обозначим понятием «раскладка рекрутской повинности». Источники дают следующее определение этого понятия: расчет числа рекрутов, которых необходимо собрать в предстоящий набор с населения, а также распределение рекрутских очередей [12]. В этом же ключе, не выходя за рамки, очер-

ченные определением, рассматривали раскладку рекрутской повинности исследователи [13]. Однако они не учитывали, что для проведения подобных расчетов было необходимо последовательно провести несколько дополнительных процедур. Раскладка рекрутской повинности в данном случае представляла из себя жесткую последовательность нескольких операций. На первом уровне определялась государственная политика в области комплектования вооруженных сил – расчет числа новобранцев, необходимых войскам, а также определение источников комплектования, предоставление льгот и «изъятий» от рекрутской повинности. Затем на втором уровне губернскими казенными палатами производился сбор сведений о числе жителей по губерниям в целом и по рекрутским участкам в их составе – как подлежащих рекрутской повинности, так и подпадавших под «изъятия», и на основе собранных данных – расчет числа рекрутов, которых можно собрать с каждого участка. После чего дело доходило до «практической раскладки» – распределения рекрутских очередей и определения кандидатов в рекруты. Следует особо подчеркнуть, что все эти процедуры воспринимались как единое целое («расчет числа рекрутов и распределение очередей»). Таким образом, именно через раскладку рекрутской повинности осуществлялась государственная политика в сфере рекрутской повинности.

В XVIII–XIX вв. Россия вела активную внешнюю политику, участвовала в длительных и кровопролитных войнах с ведущими европейскими державами. Обеспечение интересов империи требовали как значительного увеличения численности вооруженных сил, так и постоянного поддержания штатной численности войск на требуемом уровне. Поэтому наборы новобранцев в армию и флот проводились практически ежегодно. В ходе войн могло быть проведено и до трех наборов в год. Нормы наборов в такое время также повышались. И перед правительством всегда остро стоял вопрос об источниках комплектования войск. Рекрутская повинность была обязательной для всех податных сословий, предоставление иммунитета от исполнения повинности или права откупа рассматривалось правительством как наделение исключительной привилегией и практиковалось крайне редко.

Однако часть населения освобождалась от отправления повинности «навсегда» или временно, либо же имела право замены военной службы денежным взносом. Первоначально, в XVIII в., льготы по рекрутской повинности предоставлялись отдельным народностям и сословным группам. Как правило, это было население недавно присоединенных и окраинных территорий империи. В этом случае правительство не только преследовало достижение определенных политических целей, но старалось учесть этнические, социально-культурные и экономические особенности тех или иных регионов. Кроме того, такой подход способствовал обеспечению большей однородности армии – в основе своей славянской

и православной, а потому сплоченной и обладавшей высокими морально-боевыми качествами [14]. Так, «навсегда» от отправления рекрутской повинности освобождались мещане из греков и армян г. Керчи, Старого Крыма, крымские татары и «инородцы» – саамы, якуты [15]. Эта практика была продолжена и в XIX в. Постепенно она утрачивала характер предоставления этнических или сословных привилегий и приобретала черты налоговой льготы. К примеру, в 1820 г. расширенное право замены военной службы денежным взносом получило население Архангельской губернии, что, по замыслу правительства, должно было способствовать увеличению торговли и развитию архангельского порта [16].

В отношении предоставления льгот по рекрутской повинности различным сословным группам, государственная политика претерпела значительные изменения. Уже в XVIII в. наряду с мещанами-старожилами г. Киева, «обельными вотчинниками» и «обельными крестьянами» в Олонецкой губернии, правительство начало освобождать от исправления рекрутской повинности представителей некоторых категорий населения по профессиональной принадлежности – «штатных мастеровых при заводах», «штатных служителей при архиерейских домах». Однако пока это еще носило средневековый характер, когда освобождалась сословная группа, занимавшаяся определенной деятельностью (купечество), причем иногда, проживавшая только в одном регионе (лоцманы Архангельской губернии).

В XIX в. произошел отход от сословного принципа предоставления льгот по рекрутской повинности: теперь уже не принадлежность к определенной сословной группе, а профессиональные знания и навыки служили основанием для наделения иммунитетом либо для предоставления права откупа от рекрутчины. Льготный порядок отбывания рекрутской повинности был установлен для технических специалистов низшего и среднего звена, выпускников различных учебных заведений министерства государственных имуществ и удельного ведомства, «реальных классов» при училищах и гимназиях министерства народного просвещения [17]. Они освобождались от натуральной рекрутской повинности, но были обязаны платить деньги при наступлении своей очереди. Освобождение от повинности получали и лица, «окончившие курс наук» в ряде специализированных учебных заведений и получившие соответствующие свидетельства. К примеру, выпускники шкиперских училищ, Кяхтинского училища китайского языка, а также учителя начальных народных училищ [18]. Иными словами, иммунитет и различные льготы получали необходимые стране специалисты, по мере того, как это признавало правительство. Правительство делало это крайне неохотно, обставляя «ослабления» определенными условиями. К примеру, оно требовало от таких людей обязательного занятия профессиональной деятельностью в соответствии с документами об образовании при усло-

вии «беспорочного поведения», удостоверенного начальством. В случае невыполнения оговоренных требований человека могли «забрить» в армию.

Размер денежных взносов для тех, кто имел право откупа, был достаточно высок. Все это происходило от того, что армия постоянно испытывала недостаток в людях. Но правительство было вынуждено расширять перечень лиц податных сословий, освобожденных «от рекрутства», поскольку это отвечало насущным интересам страны. Особенно ярко это проявляется в 50–70-е гг. XIX в. В 1853–1854 гг. в России впервые были установлены отсрочки от набора в армию для лиц податных сословий, получающих образование в гимназиях, университетах, Академии художеств, Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга и отличавшихся при этом хорошей успеваемостью и поведением. Тогда же «изъятие» было сделано и для работников образовательной сферы, еще не успевших выслужить первый классный чин (естественно, при условии «необходимости для службы» и «добром» их поведении) [19]. И в этом просматривается не просто вынужденное следование «веканиям времени», осуществлявшееся, как это видно, не без системы, а зачатки будущей целенаправленной политики. После 1874 г. при помощи льгот по отбыванию военной службы правительство стремилось стимулировать интерес населения к получению образования.

Однако образованных людей из податных сословий, которых напрямую затрагивали эти изменения, в России было немного. Для основной массы податного населения значительно более важной являлась «практическая раскладка». В течение длительного времени государство практически не регламентировало определение кандидатов в новобранцы из числа жителей рекрутских участков, принимая на военную службу «кого отдатчики в отдачу объявят и поставят, только б были годные ростом и летами» [20]. Со временем у крестьян и мещан, в соответствии с народными представлениями о справедливости, выработался «очередной порядок», основанный на учете рабочей силы семейств. Впоследствии, в 1831 г. он был узаконен, став частью рекрутского устава. С этого времени учет и распределение очередей, определение кандидатур в рекруты находились под жестким контролем чиновников губернской администрации. Правила подсчета рабочей силы семейств были очень сложными – здесь большую роль играло не только число наличных душ мужского пола в семьях, но и число работников. Все семейства в составе рекрутского участка, «от рекрутства неизъятые», заносились в так называемый «посемейный список». Семейства, в которых насчитывалось больше работников, заносились в его начало. Из их состава и набирали рекрутов. «Очередная система», как отмечает А.Ф. Редигер, была нацелена на то, чтобы она «возможно менее расстраивала благосостояние семейств, а следовательно и всего общества; а так как благосостояние семьи зависело

главным образом от числа рабочих рук, то в рекруты сдавались предпочтительно члены многорабочих семейств, которые от этого не подвергались такому разорению...» [21].

Как известно, в доиндустриальном обществе важнейшим источником экономического роста был именно прирост населения, а основой крестьянского (да и мещанского) хозяйства была численность работников. В этом случае, рекрутская повинность, когда в ходе наборов из семейств фактически безвозвратно изымались здоровые работоспособные мужчины, неизбежно должна была сдерживать социально-экономическое развитие страны, а при определенных условиях могла стать препятствием и для дальнейшего прогресса. Это, естественно, не было тайной для правительства, которое поэтому признавало рекрутскую повинность «самой важной в государстве» и стремилось смягчить ее тяжесть для населения. Многочисленные войны, которые вела Россия в начале XIX в., также подталкивали правительство к целенаправленной работе над упрочением мобилизационных ресурсов. Наконец, требовалось устранить многочисленные злоупотребления в ходе рекрутских наборов. Поэтому было решено взять под государственный контроль и «практическую раскладку». Были избраны традиционные методы – регламентация всех аспектов раскладки и сбора рекрутов и жесткий контроль над каждой операцией. Однако созданный порядок оказался слишком сложным и неудобным; в армию поступали люди разных возрастов.

В 1838 г. [22] в России началось введение «жеребьевого порядка отправления рекрутской повинности» для государственных крестьян. На Европейском Севере этот процесс затянулся на несколько лет. Теперь все семейства рекрутского участка, в зависимости от числа работников, разделялись на три разряда, в первый попадали те из них, в которых было больше работников, а также бездомные и бессемейные «одиночки». К жеребью призывали молодых людей от 21 до 35 лет не более 7 человек на одного рекрута, и, в первую очередь, младшие возрасты – по разрядам. В случае недостатка 21-летних к жеребью призывали 22-летних, затем – 23-летних и так далее [23]. В 1853 г. в империи начался переход к «жеребьево́й системе» и в мещанских обществах. Правила были сходными с введенными ранее для государственных крестьян, но имелось и несколько отличий. В частности, в городах предполагалось создавать по два рекрутских участка: один – для «многорабочих» семейств, другой – для «малорабочих». В случае малочисленности населения в городе создавался только один участок – смешанный.

В Вологодской и Архангельской губерниях переход к новой системе был завершен к 1863 г. К примеру, в городах Вологодской губернии он был введен в действие в 1860 г. До этого рекрутский комитет Вологодской губернии дважды (в 1854 и 1859 гг.) признавал его «неудобным». Главным

аргументом против нововведения была «малолюдность» городов губернии. Чиновники считали, поскольку ни в одном из городов нет необходимых для образования отдельного рекрутского участка 300 душ «много-рабочих», придется создавать общие участки для них, «одинок» и «двойников». И главная опасность здесь, по их мнению, заключалась в том, что «много-рабочие, если не всегда, то очень нередко могут избавляться от рекрутской повинности и чрез это не будет достигнуто цели Правительства». Словом, чиновники просили не распространять новую систему на Вологодскую губернию, считая старую очередную более удобной и справедливой. Однако в Петербурге их опасения сочли «неосновательными» [24]. В итоге в городах Вологодской губернии были созданы смешанные участки (из «одинок» [25], «двойников» и «много-рабочих семейств»).

Очередная и жеребьевая системы были основаны на подсчете рабочей силы семейств. Долгое время работниками по закону считались мужчины в возрасте от 18 до 60 лет, независимо от состояния здоровья. Только в редких случаях – при самых тяжелых для населения обстоятельствах – члены «общего собрания» мещан или крестьян, «назначавшие семейства» на рекрутскую очередь, могли «по собственной воле» освободить их семейство от поставки рекрутов. Как правило, это были многодетные семьи или семьи, в которых имелись больные и увечные мужчины. Только в 1840-е гг. эти вопросы были урегулированы законодательным путем. Из состава работников были исключены некоторые категории лиц по медицинским показателям: калеки, умалишенные и некоторые другие. В 1850-е гг. в связи с переходом к жеребьевой системе отправления рекрутской повинности появилось много «изъятий» по семейному положению. С 1862 г. сходам крестьян (впоследствии и мещанским сходам) было предоставлено право освобождать молодых людей от призыва к жеребью, либо переводить их из высшего в низший разряд, если члены схода признавали, что такая мера «необходима для поддержки семейства». Правда, крестьяне стали настолько активно пользоваться новой возможностью избавиться от военной службы, что к концу 1860-х гг. в каждый набор приговорами мирских сходов «изымалось» до трети молодых людей [26]. Встревоженное правительство вскоре обязало мирские сходы отправлять свои приговоры на утверждение к мировым посредникам, перекрыв тем самым лазейку для «уклонистов». Тем не менее, в 40–60-е гг. XIX в. произошла значительная гуманизация законодательства по рекрутской повинности, что способствовало снижению тяжести повинности для населения.

Неподпадавшие под изъятия по медицинским показателям или по семейному положению все-таки могли избавиться от воинской службы законным способом, купив «рекрутскую зачетную квитанцию», либо же наняв за себя другого человека. Иногда людей отдавали в солдаты и вне

рамок рекрутских наборов, вне очереди – за различного рода провинности: неуплату податей, самовольные отлучки, «всякое буйство». За таких людей правительство выдавало обществам или семействам «зачетные рекрутские квитанции», которые те в случае необходимости при последующих наборах могли представлять в рекрутские присутствия к зачету за «натурального» рекрута. Существовала практика торговли такими квитанциями, государство жестко регулировало эту торговлю, стремясь ее ограничить. С 1840-х гг. оно само стало нанимать охотников, выпуская по числу нанятых особые «рекрутские зачетные квитанции» [27]. Однако количество нанятых государством рекрут было незначительным, «зачетных квитанций» поступало на продажу в губернии и того меньше. Правительство опасалось, что вместо солдат-новобранцев может однажды получить только несколько тысяч бумажек, всегда поддерживало высокую цену на зачетные рекрутские квитанции – до 1840 г. она составляла 2000 рублей ассигнациями, затем – 600 рублей серебром, то есть огромную сумму [28].

С 1808 г. разрешался наем в рекруты (замена очередника) [29]. Большим препятствием в этом был поиск наемника – обязательно из того сословия, к которому принадлежал и сам наниматель; были ограничения и по принадлежности к рекрутским участкам, месту жительства. Кроме того, будущий наемник не должен был стоять в рекрутской очереди, требовалось разрешение его родителей на найм, а от общества, к которому он принадлежал – особый «увольнительный» приговор мирского схода. Наниматель, в свою очередь, обязывался исполнять все повинности и подати, которые нес наемник, до очередной ревизии [30]. Естественно, далеко не у каждого имелись деньги на избавление от рекрутчины «законным порядком». Только в 1868 г. всему населению империи было разрешено откупаться от военной службы, но сумма «откупных» составляла 570 рублей серебром и была очень высока [31]. Такова была ситуация в большинстве губерний России, в том числе и на Европейском Севере страны.

Однако в Архангельской губернии существовала «местная специфика». В сентябре 1820 г. население Архангельской губернии получило возможность «по собственному произволу» откупаться от воинской службы. Стоявшие на рекрутской очереди (или занесенные в списки для жеребьевки) семейства имели право «по собственному их произволу» вместо поставки «натуральных» рекрутов вносить в казну деньги [32]. Однако такой порядок установился не сразу: губернские органы власти в 1820–1833 гг. попытались ввести вместо поставки рекрутов новый обязательный денежный сбор со всех душ мужского пола, записанных в губернии по ревизии. Несмотря на неодобрение министерства внутренних дел, чиновники архангельской казенной палаты, используя губернскую администрацию, «вразумляли» мещан и государственных крестьян

и требовали от них «непременного» взноса в казну денег взамен поставки рекрутов. Они действовали с ведома и в интересах своего ведомства (министерства финансов), рассматривавшего рекрутчину как одну из многих повинностей [33].

Однако нововведение было не выгодно для других заинтересованных ведомств – МВД, военного и морского министерств, департамента уделов – и поэтому не было претворено в жизнь. Несомненно, в значительной мере этому способствовало сопротивление крестьян и мещан, не поддававшихся давлению казенной палаты. И в дальнейшем они получили возможность самостоятельно, «по собственному произволу» использовать положения указа 1820 г. и активно применяли их на практике. В этом случае единственным ограничением для государственных крестьян и мещан являлся уровень благосостояния очередных семейств. Крестьяне удельные в своем выборе были ограничены политикой своего ведомства, для которого было выгодно, чтобы они ставили рекрутов именно «натурой». Изменения правил раскладки рекрутской повинности после вступления в действие нового Рекрутского устава 1831 г. привели к фактическому появлению нового налога, когда большая часть населения Архангельской губернии была вынуждена собирать так называемые «складочные деньги, объем которых значительно вырос. Право откупа от рекрутчины на территории Архангельской губернии, таким образом, было существенно ограничено, и в 1833–1850 гг. тяжесть рекрутской повинности была наиболее ощутимой для жителей Архангельской губернии после 1820 г. [34].

Как можно видеть, право замены рекрутчины, хотя и существовало, но возможность его реализации была существенно ограничена: в стране в условиях господствовавших феодальных отношений трудно было найти людей, которые могли свободно распоряжаться своим будущим. С другой стороны, введение неограниченного денежного откупа могло лишить армию солдат.

Следует особо подчеркнуть, что рекрутские наборы не являлись неожиданностью для населения, поскольку все приготовления к ним на уровне «практической раскладки» (в частности, составление списков) велись заранее местными властями. Поэтому члены семейств, поставленных на очередь, имели возможность либо пройти медицинское освидетельствование, либо же найти наемника или приобрести зачетную рекрутскую квитанцию.

Итак, в основе всех систем комплектования вооруженных сил лежит механизм преобразования военно-организационных мероприятий в повинность населения. Его основная функция состоит в том, чтобы с достаточной эффективностью набирать необходимых людей в вооруженные силы, не препятствуя при этом социально-экономическому развитию страны. Конструкция такого механизма «сдержек и противовесов»

зависит от уникальных для каждой страны в конкретный момент ее исторического развития условий и изменяется вместе с ними. Существовавший в России в XVIII–XIX вв. механизм носил название «раскладка рекрутской повинности» и представлял из себя жесткую последовательность нескольких операций. На первом уровне определялась государственная политика в области комплектования вооруженных сил – расчет числа новобранцев, необходимых войскам, а также определение источников комплектования, предоставление льгот и «изъятий» от рекрутской повинности. Затем на втором уровне губернскими казенными палатами производился сбор сведений о числе жителей по губерниям в целом и по рекрутским участкам в их составе – как подлежащих рекрутской повинности, так и подпадавших под «изъятия», и на основе собранных данных осуществлялся расчет числа рекрутов, которых можно собрать с каждого участка. После чего дело доходило до «практической раскладки» – распределения рекрутских очередей и определения кандидатов в рекруты. Через раскладку рекрутской повинности осуществлялась государственная политика в сфере рекрутской повинности.

В XVIII–XIX вв. государственная политика в этом направлении претерпела существенные изменения. Изменения были связаны с общим кризисом феодальных отношений, размыванием сословий, развитием капиталистических отношений. Если первоначально правительство во главу угла ставило увеличение источников комплектования армии и очень редко использовало практику предоставления льгот по рекрутской повинности, рассматривая их как исключительную привилегию, то впоследствии было вынуждено эту практику значительно расширить. Льготы и «изъятия» стали предоставляться представителям необходимых стране профессий, причем с начала XIX в. можно говорить о систематических действиях в данном направлении, то есть произошел отход от сугубо сословного принципа раскладки рекрутской повинности.

С 1831 г. «практическая раскладка» рекрутской повинности фактически стала осуществляться государством (законодательное регулирование, жесткий контроль губернских чиновников). Хотя это обычно объясняется необходимостью «уменьшения злоупотреблений», но, на наш взгляд, основная причина заключалась в необходимости большего контроля над мобилизационными ресурсами. Правительство перешло к целенаправленным действиям в этой области в общегосударственном масштабе: был законодательно оформлен порядок, при котором рекрутов должны были выставлять семьи, насчитывавшие большее число работников, определены правила очередности и учета рабочей силы семейств. Целью в данном случае являлось сохранение благосостояния семейств и податных обществ, основанного на числе рабочих рук.

Одновременно в 40–70-е гг. XIX в. началась значительная гуманизация законодательства по отправлению рекрутской повинности, что

снизило ее тяжесть для населения. Жеребьевая система отправления рекрутской повинности, переход к которой начался в Российской империи 1838 г., была основана на том же принципе «сохранения благосостояния семейств». Основным ее отличием было введение более жестких требований к возрасту рекрутов, что в идеале должно было привести к пополнению армии преимущественно молодыми мужчинами в возрасте 21-23 лет, что делало бы вооруженные силы более однородными и повышало их способности. Интересно, что вслед за этим последовало введение в русской армии института «отпускных солдат» – своего рода запаса. Комплектование армии, основанное на «практической раскладке» по принципам жеребьевой системы позволяло отправлять в запас людей более молодого возраста и, следовательно, более полезных в случае возможной мобилизации.

Как можно видеть, рекрутская система комплектования войск была достаточно гибкой, она учитывала этнические, социально-культурные, экономические и некоторые другие особенности регионов. В условиях общего кризиса феодальных отношений рекрутская повинность модернизировалась и в основном соответствовала уровню экономического развития страны. Однако в 1860-е гг. рекрутчина как система комплектования войск уже не соответствовала требованиям времени, поскольку не позволяла значительно снизить расходы на вооруженные силы и, вместе с тем, не давала возможности увеличить военно-обученный запас. В ходе буржуазных реформ она перестала соответствовать реалиям модернизированного общества. В конечном итоге, в 1874 г. в России была введена всесословная воинская повинность.

Литература и источники

1. Сидоренко Г. Рекрутская повинность. Значение ее в ряду систем формирования и комплектования войск и историческое развитие ее в России. – Киев, 1869. – Ч. 1. – С. 69.
2. См.: А.Ш. О нашей военной реформе с экономической точки зрения. – М., 1872.
3. Богданович М.И. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855–1880 гг. – СПб., 1879. – Т. 2.
4. Столетие военного министерства 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Александра I. – СПб., 1902. – Т. IV. – Ч.1, кн. 1.; Столетие военного министерства 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Николая I. – СПб., 1907. – Т. IV. – Ч. 2, кн. 1.
5. Редигер А.Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы. Ч. 1: Комплектование армии. – СПб., 1913. – С. 1.

6. См.: Иванов А.Г. Рекрутчина в низовьях Печоры. – Архангельск, 1911; Статистик. Наем рекрута в половине XIX столетия в Архангельской губернии. – Архангельск, 1912.
7. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. – М., 1952. – С. 50.
8. Фёдоров А.В. Русская армия в 50–70 годы XIX в. Очерки. – М., 1959. – С. 74.
9. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. – М., 1973.
10. Крылов В.М., Жарский А.П. Николай I: «Когда настанет минута воззвать мне к России, она станет та же, как была в 1812 году». Совершенствование системы комплектования войск Российской армии в 60–70 годах XIX века // Военно-исторический журнал (далее – ВИЖ), 2004. – № 10. – С. 19–24; Корнилов В.А. Эволюция военной службы в России в XIX в.: от рекрутской системы к всеобщей воинской повинности // Преподавание истории и обществознания в школе, 2003. – № 7. – С. 2–12; Федоров В.Ф., Терещенко А.В. Какая армия нужна России? Об историческом опыте комплектования Вооруженных Сил РФ и его месте в современной военной реформе // ВИЖ, 2002. – № 2. – С. 2–5.
11. Дружинин М.Н. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – М.; Л., 1946. – Т. 1.; Александров В.А. Сельская община в России (XVII – нач. XIX в.). – М., 1976; Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XX веков. – М., 1987; Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е гг. – Л., 1990; Булгаков М.Б. Подати и повинности крестьян // История крестьянства в России до 1917 г. – М., 1993. – Т. 3. – С. 361–378; Цывунина В.И., Сивков К.В. Разложение феодально-крепостнического строя и развитие капиталистических отношений в Коми крае (конец XVIII – конец XIX вв.) // Очерки по истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1955. – Т. 1. – С. 213–214; Беленкина Т.И. Подати и повинности крестьян Коми края в конце XVIII – первой половине XIX в. // Крестьянство Коми края (досоветский период). – Сыктывкар, 1986. – С. 26–34 (Труды Ин-та яз. лит-ры и истории Коми филиала АН СССР; Вып. 38); Котов П.П. Повинности государственных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVIII–XIX вв.). Межвузовский сборник статей. – Сыктывкар, 1985. – С. 74–86; Он же. Удельные крестьяне Севера. 1797–1863 гг. – Сыктывкар, 1991; Он же. Налоги и повинности. Крестьянское движение // История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар, 2004. – Т. 1. – С. 343–344; История Северного крестьянства. Т.1: Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. – Архангельск, 1986. – С. 284–285.
12. Рекрутский устав 1831 г. // Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 2-е. – СПб., 1831. – Т. VI. – № 4677; Общий устав рекрутский // Свод законов Российской Империи. – СПб., 1857. – Т. IV.; Свод уставов рекрутских. – СПб., 1862.

13. Редигер А.Ф. Раскладка рекрутской повинности // Энциклопедия военных и морских наук. – СПб., 1892. – Т. VI. – С. 257; К.-К. Рекрутская повинность // Энциклопедический словарь. – СПб., 1899. – Т. 26. – С. 530–532; Добровольский А.М., Лазаревич Ю.С., Никифоров Н.Ф., Петров Ф.В. Воинская повинность // Военная энциклопедия. – СПб., 1911. – Т. VI. – С. 625–642; Залесский А.А. Рекрутская повинность // Советская историческая энциклопедия. – М., 1968. – Т. 11. – С. 1004; Епифанов П.П. Рекрутчина // Советская военная энциклопедия. – М., 1979. – Т. 7. – С. 103–104.
14. Вапилин Е.Г. Депутат Государственной Думы В.В. Шульгин: «Как будто преданность верховной власти есть функция роста: все большие – монархисты, все маленькие – республиканцы». Политические и национальные аспекты комплектования армии в XVIII – начале XX века // ВИЖ, 2001. – № 10. – С. 20–21.
15. Рекрутский устав 1831 г. // 2-ПСЗ. – Т. 6. – № 4677.
16. Указ 8 сентября 1820 г. «Об освобождении жителей Архангельской губернии от поставки рекрутов натурой» // 1-ПСЗ. – Т. 37. – № 28409.
17. Общий устав рекрутский // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. IV.
18. Там же.
19. Там же.
20. Генеральное учреждение 29 сентября 1766 г. «О сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто как в приеме, так и в отдаче неистинно поступать будет» // 1-ПСЗ. – Т. 17. – № 12748.
21. Редигер А.Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы. Ч. 1: Комплектование армии. – СПб., 1913. – С. 134.
22. Редигер А.Ф. Рекрутская повинность // Энциклопедия военных и морских наук. – СПб., 1892. – Т. VI. – С. 296.
23. Андреев Н. Правила о рекрутских наборах. Руководство для всех сословий, отбывающих рекрутскую повинность. – СПб., 1862. – С. 19–20.
24. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1703. Л. 4 об.–21.
25. Только те, кто не был женат и не имел собственного дома; ранее вообще освобождались от постановки на рекрутскую очередь.
26. Доклад 2-го отдела Комиссии для составления положения о личной воинской повинности. По вопросам: сколько возрастов назначать для пополнения армии и флота, и какие избирать для сего возрасты? // Свод уставов рекрутских. Б/м, Б/с.
27. Рекрутская повинность. // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1899. – Т. 26. – С. 531.
28. Котов П.П. Рекрутская повинность населения Яренского уезда... – С. 99–100.
29. РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 339. Л. 18–19.
30. 2-ПСЗ. – Т. 6. – № 4677; Общий устав рекрутский // Свод законов. – СПб., 1857. – Т. IV; Свод уставов рекрутских. – СПб., 1862
31. Национальный архив Республики Коми. Хр. 1. Ф. 275. Оп. 1. Д. 86. Л. 39.

32. В 1820–1839 гг. – по 1000 рублей ассигнациями за каждого рекрута, с 1840 г. – по 300 рублей серебром.

33. Государственный архив Архангельской области. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 272. Л. 35, 36–40, 410–410об.; Д. 48. Л. 17–17об.; Д. 203. Л. 5–7; Д. 561. Л. 24–24об.; Ф. 1. Оп. 3. Д. 1433. Л. 8.

34. Более подробно см.: Иванов Ф.Н. Обязательные денежные рекрутские сборы в Архангельской губернии в 20–70-х гг. XIX в. // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: IX Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов. Тезисы конференции. – Сыктывкар, 2005. – С. 93–96.

И.Ю. Моисеева*

**ВОЙНЫ XX ВЕКА И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ .
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА**

В современных гуманитарных исследованиях сформировался новый ракурс осмысления истории войн, важным моментом которого стало обращение к вопросу о коллективной памяти.

С точки зрения коллективной памяти XX в. можно выделить войны «знаменитые», победные для России, к числу которых, в первую очередь, следует отнести Вторую мировую войну (в противостоянии СССР и Германии – Великую Отечественную) и «незнаменитые» – советско-польскую, в результате которой идея мировой пролетарской революции обернулась трагедией десятков тысяч пленных красноармейцев, войну с Финляндией 1939–1940 гг., за 105 дней развеявшую миф о непобедимости Красной Армии, афганскую войну, завуалированную под «братскую помощь» афганскому народу...

Первая мировая война выделяется в особую категорию. Концепция «вакуумной блокады» вытеснила Первую мировую войну на периферию коллективной памяти, в сознании потомков война оказалась «забытой». Как указывает О.Ю. Никонова, война 1914–1918 гг. – пример национальной трагедии, национальной военной катастрофы или национального триумфа в других странах (в советском государстве была фактически предана забвению) [1].

Историки спорили и спорят до сих пор о том, родилась ли Октябрьская революция 1917 г. непосредственно из событий мировой войны или была вызвана преимущественно внутрисполитическими причинами. Этот

***Моисеева Ирина Юрьевна** (Сыктывкар) – зам. директора по научной работе Национального музея Республики Коми.

вопрос и по сей день остается без ответа. Как, по-видимому, останется без определенного ответа и вопрос, могла ли Россия избежать участия в схватке мировых держав, не имея в ней четко выраженных национальных интересов. И могла ли она из этой бойни достойно выйти, когда начали рушиться сами основы ее государственного устройства. Но как бы то ни было, есть очень веские основания утверждать, что, не будь Первой мировой войны, судьба нашей страны сегодня была бы совсем иной [2].

В настоящее время практически в каждом небольшом западногерманском, бельгийском, люксембургском или французском городке есть памятники павшим героям Первой мировой войны, и их благодарные потомки до сих пор свято чтут их память. В России же, которая понесла в этой войне самые большие людские потери – 5 млн. чел., нет ни одного памятника ни героям, ни жертвам [3].

Война 1914–1918 гг., вошедшая в официальную советскую историю как «война империалистическая и несправедливая», освещалась в историографии крайне недостаточно и необъективно. Не получила должного развития тема Первой мировой войны и в музейном пространстве. Она показывалась фрагментарно, чаще всего в рамках постоянных экспозиций, причем сама война изображалась лишь как предпосылка Октябрьской революции 1917 г., показывались и ее участники – революционно настроенные солдаты и матросы, будущие герои Гражданской войны, да и о тех нигде не упоминалось как о солдатах русской армии, выполнявших воинский и гражданский долг в 1914–1918 гг. О выставочных проектах, посвященных несправедливой и преданной забвению войне, не было и речи.

В сентябре 2004 г. в Национальном музее Республики Коми был реализован выставочный проект «Память забытой войны. Первая мировая война: Россия и Коми край» (автор – Ирина Моисеева, художники – Елена Горчакова, Людмила Мишарина, Наталья Ковалевская). В экспозиции сделана попытка с помощью подлинных памятников периода Первой мировой войны воссоздать объективную историю войны 1914–1918 гг. и, что наиболее важно, реконструировать исторический портрет Человека в условиях военного времени.

На выставке представлены разнообразные документальные источники, как официальные (циркуляры, распоряжения, памятки, свидетельства, увольнительные билеты, списки добровольцев (охотников), извещения об убитых и без вести пропавших, удостоверения об увольнении, послужные и посемейные списки, приказы, наряды, журналы, объявления, прокламации, явочные карты, инструкции, акты освидетельствования, материалы периодической печати тех лет и др.), так и источники личного происхождения (записные книжки, письма, открытки, почтовые карточки, воспоминания, дневник); фотоматериалы, в том числе ряд коллекций подлинных фотографий военной поры; вещественные

памятники (предметы фронтового быта, обмундирование, оружие, награды, медицинские инструменты и др.).

Как свидетельствуют исторические источники, в самом начале войны правительству удалось обеспечить общий патриотический подъем, который в дальнейшем оппозиционная, прежде всего, революционная пресса назвала патриотическим угаром. Армейское командование находило в целом адекватные формулы для мотивации участия России в войне, подчеркивая справедливый и оборонительный ее характер, ориентируя войска на победу, опираясь при этом на славные боевые традиции русской армии [4]. Примером такой пропаганды является прокламация «Наша слава», в которой сообщается: «Пусть говорят о нас наши враги, что им угодно, но русский народ всегда в тяжелую для родины минуту сумеет доказать, что он – великий народ, и ярким пламенем разгорается в русской душе все лучшее, благородное, прекрасное, что в ней есть и чем она сильна» [5]. Известен факт, что из-за вопиющего пьянства по поводу отправки солдат на службу на начальном этапе предыдущей русско-японской войны зачастую срывались сроки мобилизации. В этой связи в прокламации-плакате «Наша слава» сообщалось: «После японской войны наши враги вообразили, что русская мощь умерла и что русская армия разучилась побеждать. Они думали, должно быть, что русский народ ослаб, избаловался, забыл священные заветы своих отцов и дедов. Особые надежды они возлагали на водку. С разных сторон доносили им их шпионы, что народ русский так привержен к спиртному, что уже в конец себя обездолил и потому, если русским объявить войну, то вместо армии в поле выйдет толпа пьяниц. Ошиблись в расчетах. С первых же дней войны отовсюду стали приходиться вести о героизме русского солдата и доблестном мужестве наших офицеров» [6]. Подобные прокламации широко распространялись как в армейских кругах, так и среди гражданского населения.

Одним из репрезентативных источников, повествующих о небывалом патриотическом подъеме, проявлении лучших человеческих качеств российской интеллигенции, является иллюстративный художественно-литературный журнал «Искры» за 1914 г. [7]. Формы выражения патриотических настроений в российском обществе были различны и многочисленны: в Москве и других городах проводились Дни флага с распродажей флажков («в сл. Николаевской Астраханской губ. Был устроен день флагов союзных государств...»); в залах Благородного Собрания московское городское самоуправление устраивало благотворительные базары; в Петрограде и Москве открывались лазареты («вся Москва живет теперь под знаком Красного Креста», «на месте бывшей Анненгофской рощи близ Москвы расположился город раненых»); создавались образцовые лазареты, лазареты при императорских театрах и мастерские при них («что, казалось бы, общего между витающими в

мире изящного и избалованными служителями искусства – артистами Императорских театров – и бедными, скромными искателями правды в жизни – трезвенниками с Благуши – а между тем и те, и другие ... создали образцовые лазареты»); для снабжения раненых произведениями печати был образован специальный комитет («московские издатели образовали комитет по ... снабжению раненых произведениями печати, т-во И.Д. Сытина предоставило свои помещения под канцелярию и склад, добровольцы-сотрудники пришли на помощь безвозмездным трудом, – и работа закипела»); в помещении Северного страхового общества у Ильинских ворот расположилась мастерская перевязочных средств, где вручную разрезались марлевые полосы и скатывались бинты («работать нахлынула самоотверженная молодежь: курсистки, студенты, приказчики, приготовишки, барышни, дети и жены запасных. Кто знает, быть может, здесь дитя готовит спасительный бинт своему отцу», «... были большие затруднения со специальными бинторезными машинами, которые изготавливаются в Германии... Изобрели способ довольно быстро разрезать куски марли обыкновенной бумагорезальной машиной»); с целью сбора пожертвований для осиротевших детей воинов в Москве проводились выставки-распродажи именных кукол московских артистов, изготовленных самими артистами; сбор пожертвований организовывал Всероссийский Земский союз («жертвуйте теплую одежду, носильное платье, белье, обувь и пищевые продукты», «приготовьте ваши пожертвования – союз пришлет за ними уполномоченных», «если нет вещей, то купите хоть папирос в магазине»); активно проводилась акция «Табак солдату на передовые позиции» (комедийному актеру, «царю русского смеха», популярному «дяде Косте» – Константину Варламову петроградцы ящиками приносили табак для отправки в армию); происходили многолюдные патриотические манифестации студентов («Искры», 1914. № 31–49). Сборщиками и сборщицами пожертвований зачастую выступали маленькие дети – «в Рязани в день сбора на помощь жертвам войны громадный успех по сбору пожертвований имели самые маленькие сборщики – Володя Шенфейн, 7 лет, и Зина Котлярова, 4 лет». 13-летний доброволец, еврейский мальчик «Иосиф Гутман... в момент объявления войны ... с родителями находился в одном из галицийских курортов, бежал в армию, желая поступить добровольцем, два раза был возвращен к родителям и, наконец, бежал в третий раз. Родители уже примирились с воинственным пылом их сына и разыскивают теперь лишь местонахождение его, чтобы знать, что с ним, чтобы послать ему теплое платье и т. п.»).

Добровольчество – стремление поскорее встать на защиту Родины с оружием в руках – стало явлением массовым, в большей мере в аристократических «верхах» и в средних городских слоях, реже в крестьянской среде. «2 августа в Костроме на Сусанинской площади, обратился к толпе

с призывом к бодрости 104-летний крестьянин Двойников. Как выяснилось, Двойников был участником севастопольской кампании, турецкой войны 1877 г., получил несколько ран и был награжден знаками отличия. Ветеран заявил, между прочим, что он решил проситься в формируемый здесь отряд добровольцев!» Добровольцами на военную службу принимались лица на основании Высочайше утвержденных 23 июля 1914 г. Правил о приеме в военное время охотниками на службу в сухопутные войска [8]. Добровольческое движение охватило и Коми край [9]. За годы Первой мировой войны только из Усть-Сысольского уезда Коми края добровольцами на фронт ушли 129 чел., главным образом в первые годы войны [10].

В высших кругах общества официальная идеологическая формула «За Веру, Царя и Отечество!» принималась очень серьезно и искренне. Она же, пусть в несколько трансформированном виде, принималась и более широкими слоями общества.

Нельзя не согласиться с утверждением Е.С. Сенявской о том, что именно широкое распространение патриотических настроений, особенно на начальном этапе войны, наряду с масштабностью боевых действий и значимостью для судеб страны позволило и в официальной пропаганде, и в народном сознании утвердиться таким определениям Первой мировой войны как Великая, Отечественная и Народная. Лишь многие годы революционного нигилизма и отрицания старых ценностей постепенно стерли из исторической памяти народа эти названия, заменив их на большевистское определение войны как «империалистической» или более нейтральное – «германской» [11].

Как указывает О.С. Поршнева, в годы Первой мировой войны солдаты русской армии в абсолютном своем большинстве были мобилизованными крестьянами, и их сознание и поведение определялись, главным образом, менталитетом российского крестьянства, попавшего в новую для себя ситуацию [12]. Матрица крестьянского сознания не улавливала геополитических интересов и имперских страстей.

Обо всех этих проблемах, упиравшихся не только в неэффективность пропагандистского аппарата империи, но и, в конечном счете, в глубочайшую пропасть между менталитетом государственной элиты и основной массы населения, в том числе и рядового состава армии в Первой мировой войне, написал в своих мемуарах генерал А.А.Брусилов: «Еще хуже была у нас подготовка умов народа к войне. Она была вполне отрицательная... Моральную подготовку народа к неизбежной европейской войне не то что упустили, а скорее не допустили». Далее он свидетельствует о полном непонимании народными массами причин и целей войны: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову, – как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз

я спрашивал в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы – не знал почти никто, что такое славяне – было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя» [13].

Материалы фондов Национального музея Республики Коми и Национального архива Республики Коми, материалы личных архивов граждан позволили показать Человека военной поры (нижнего чина и офицера, солдатскую жену (солдатку), сестру милосердия, российского интеллигента, беженца, военнопленного), особенности его психологии и менталитета. Именно это было первостепенным для автора выставочного проекта, и именно поэтому среди представленного экспозиционного материала особое место принадлежит источникам личного происхождения письмам, дневникам, воспоминаниям [14].

Образовательный уровень русской армии был низок, но, несмотря на это, даже те солдаты, которые практически совсем не владели навыками письма, стремились послать весточку домой, так как письма являлись единственной связующей нитью солдата с родными. Так, матрос военного корабля «Империя Петра Великого» Никифор Яковлевич Лебедев на почтовой карточке вывел: «1914 года 24 дня. Кланюсь дорогому братки дорогой братка Мне нигаварить что нада ли вамъ Писма Писать. мать скажит напиши письмо я стану Писать опять нетакъ пойду Говорить ...писать ви ты самъ знаиш какое ... сердца какъ и дома васъ ругаить нимагу писать деникъ нидает на канверты» [15].

В связи с тем, что малограмотные крестьяне составляли большой армейский контингент (в армию за годы войны было мобилизовано 15 млн. 798 тыс. чел., в том числе из деревни свыше 12,8 млн. чел.) [16], были разработаны специальные типографские бланки солдатских писем с напечатанным текстом. Именно на таком бланке написано письмо М.Я.Попова. К типографскому тексту солдат 28 июня 1915 г. приписал: «Здравствуйте, многуважаемая Моя супруга Анна Егоровна и Моя дочка Мария Михайловна. Во-первых, я вам кланяюсь нижайше ...низкому привету. Во-вторых, я вам желяю господа бога доброго здравия, всякого благополучия и скорого счастливого успеха в делах ваших... Я от вас получал письмо 27 июня, еще я вас спрошу почаще посылайте письма. Но больше ничего писать пока, я *с того письма остаюсь, жив и здоров*, того я вам желяю, будь здоровой, еще кланяюсь Елизавете Ивановне нижайше почтеннейше низкому привету. Прощай любезная моя супруга Анна Егоровна» [17]. Обращает внимание то, насколько важно солдату сообщить родным, что он «жив и здоров» («с того», прошлого письма. «*От письма остаюсь, жив и здоров, того и вам*

желаю, – пишет и Михаил Ефимович Артеев брату Мартину 4 января 1916 г., и добавляет, – пишете ответ. Жду нестерпением» [18].

Можно со всей уверенностью утверждать, что для солдата, оторванного от семьи, каждое письмо было определенной вехой, «зарубкой» на шкале «времени проживания» им этого жизненного этапа «своей» войны.

Особого внимания в письмах заслуживает то, как уважительно относились солдаты к близким. Практически в каждом проанализированном письме – множественные поклоны и приветы многочисленной родне и друзьям: «Любезный многоуважаемый друг Василий Афанасьевич с вашей супругой Марией Максимовной и детушки ваши Андриян Васильевич, Анна и Оля Васильевны посылаю я всех благ и по низкому поклону» [19]. Следует заметить, что в годы Великой Отечественной войны традиционная культура письма с характерными долгими доброжелательными «зачинами-обращениями» сохранилась. И в большей мере такие письма были характерны для авторов-выходцев из крестьян. К сожалению, сегодня уважительное отношение к родным и друзьям в письмах практически отсутствует, как исчезает сама культура написания письма, на смену которому пришли электронные средства связи.

В годы Первой мировой войны мобилизованные крестьяне, вырванные из привычно-бытовой среды, попавшие в среду армейскую, в письмах друзьям выражают личное неприятие к войне, тревожатся за близких людей, подознательно представляя, в какой трудной ситуации могут оказаться их оставленные из-за войны семьи: «Тепере же война все ждем отправки на позицию, многих уже отправили из наших на позицию. Дома вотчины опустеют, что могут одни жены делать. Например, у меня, как только одна жена, да и та слабая здоровьем, вот все это как подумаешь хорошенько, так и на душе будет тяжело и горько. Моя служба такова, когда в караул, когда на работе, когда дежурным и если дальнейшая жизнь будет такова можно бы и надеяться на возврат. Вон дисень (?) скончался наш главнокомандующий ... здесь на пароходе был пожар, людей порядком сгорело. Но пока до свидания дорогой друг, желаю вам всего хорошего и доброго здоровья, и меня несчастного не забудьте. Здоров твой товарищ бывший Петр Конс. Семяшкин» [20].

Письма предоставляют возможность ощутить тревогу, постичь мироощущение Человека, оказавшегося в несвойственной, новой для него, экстремальной ситуации. Е.В. Тимушев, уроженец с. Пожог Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, предчувствуя собственную гибель, в письме другу просит помочь семье, которая реально может остаться без кормильца: «Любезный друг, Василий Афанасьевич, пожалуйста, не оставьте моих сирот, только у меня надежда теперь на вас, старых, дорогих друзей, если что дак, дайте ваши мудрыя советы к моим детушкам, и заходите при проезде, когда ездите, хотя нет меня, но духу

все же есть у меня дома. До свидания, до скорого, остаюсь *от сего* письма жив и здоров, того и вам желаю. Ваш друг Егор Васильевич Тимушев. 1915 года, февраль, 23 дня. Адрес мой: 136 Действующая армия, 70 дивизия. 278 пехотный Кромский полк. Шестая рота» [21] (Е.В. Тимушев погиб во время Брусиловского прорыва).

В письмах солдаты сетуют на то, что они, не умеющие владеть оружием, «учатся без ружья»: «мы теперь находимся в городе Риге ... нашу дружину оставили, покуда наверно скоро разделят по полкам, но еще пока неизвестно ничего, *но из нашей дружины отобрали ружья, теперь мы живем без ружья. Мы учимся без ружья*» [22]. Слабая обеспеченность учебным оружием объясняется тем, что оно направлялось, прежде всего, в действующую армию. Однако с питанием и обмундированием дело обстояло также плохо: «во-первых, спешу я вас уведомить о своей службе, я в настоящее время нахожусь на орфронте с Австрией от города Тарнова 35 верст южнее на позиции. Пищу получаем два раза в день, *порции очень маленькие 15 [зол.] и то через три дня выдают*, должно быть в России все истощали. *Теплые вещи даже не выдавали, всю зиму носили одну шинель*. Были у нас большие морозы и сейчас морозы. Мы уже стоим на одном месте с 19 декабря ... без передвижки» [23].

Несмотря на трудности уставшие от войны солдаты ожидают мира и мечтают вернуться домой героями: «Я был два раза штыковым в бою, т.е. 10 и 18 декабря. Благодаря Всевышнего создателя и Пресвятой Богородицы, остался жив и невредим, но было у нас много убитых и раненых, но кто остался жив, многих представили Георгиевскому кресту. Если бог даст здоровье мне может, и я получу. А про Мир нам ничего неизвестно, но ожидаем скоро» [24]. Георгиевский крест, упоминаемый в вышеприведенном письме, в годы Первой мировой войны являлся высшей солдатской наградой.

Солдатский знак отличия ордена св. Георгия был учрежден в 1807 г. и предназначался для награждения солдат, матросов и унтер-офицеров, которые «действительно выкажут свою отменную храбрость в борьбе с неприятелем». Заслужить солдатский Георгиевский крест можно было только совершив боевой подвиг: захватив неприятельское знамя, пленив вражеского офицера или генерала, первым ворвавшись во время штурма в крепость противника или на борт его корабля, а также за спасение в бою знамени или жизни своего командира. Не случайно Георгиевскими крестами, дававшимися исключительно за боевые подвиги и отличия «в поле сражения, при обороне крепостей и в битвах морских», гордились больше, чем любыми другими наградами. Потом, в Великую Отечественную, столь же уважительное отношение испытывали фронтовики к солдатскому ордену Славы (воспринимавшемуся как преемник Георгиевского креста не только по своему статусу, но и по унаследованной

георгиевской ленточке) и медали «За отвагу», название которой говорило само за себя [25]. В Первую мировую (к 1917 г.) 1-ю степень ордена получили (т.е. стали полными Георгиевскими кавалерами) – около 30 тыс. чел., а 4-й степенью было награждено более одного миллиона воинов [26].

Воинская доблесть участников Первой мировой войны – уроженцев Коми края – также неоднократно была отмечена Георгиевскими крестами. В Национальном архиве РК сохранились списки Георгиевских кавалеров [27]. Александр Назарович Изъюров из крестьян Богоявленской волости 4 февраля 1915 г. «будучи в разведке, несмотря на сильный ружейный действительный огонь противника, вызвался охотником узнать есть ли проволочные заграждения впереди окопов и как велики окопы противника что и выполнил с успехом доставил точное сведение о расположении позиции противника и об искусственных препятствиях награжден Георгиевскою медалью четвертой степени за № 59251. Ранен в бою с германцами и умер от ран 18 апреля 1915 года» [28]. Георгиевскими крестами были награждены рядовой 192-го пехотного Рымниковского полка Тихон Кельманович Машкалев из Киберской волости, рядовой 182-го пехотного Гроховского полка Алексей Мезенцев из Троицко-Печорской волости, Петр Васильевич Сажин из Чухломской волости и многие другие жители края. Всего же, по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., в армию было мобилизовано более 57% трудоспособного мужского населения Коми края [29].

Интересным источником в изучении «военной повседневности» является представленная в экспозиции, недавно поступившая в фонды Национального музея РК коллекция подлинных фотографий солдата и военного фотографа Василия Степановича Мелехина, уроженца д. Чойыв с. Пажга Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Более сотни отличных снимков девяностолетней давности, на которых отчетливо и ясно запечатлены самые разнообразные сюжеты фронтового бытия – настоящая фотолетопись Первой мировой войны. В большинстве своем фотографии не аннотированы, однако есть и подписанные снимки. «Застывшая память войны», которую смог донести до потомков Василий Мелехин в фотографиях, это – передовые позиции русских войск, артиллерия на позициях, аэропланы, аэростаты, укрепительные сооружения на линии фронта, русские солдаты и сестры милосердия в масках и противогазах (известно, что боевые отравляющие вещества были впервые применены немецким командованием против англичан у г. Ипр весной 1915 г.), демонстрация дымовой завесы, взгляд из окопа (снимок через бойницу) на местность, где идет бой, русский офицер, Георгиевский кавалер за работой над картами, «проводы начальника связи штабс-капитана ... 27 сентября 1915 г.», «обед штаба 23(?) корпуса по случаю проводов командира корпуса в августе 1916 г., офицеры за рекогносцировкой местности, фронтовое хозяйство, полевая кухня, «окопная жизнь», часо-

вые у сигнального костра, солдатская казарма в прифронтовой полосе, офицеры и солдаты в прифронтовом лазарете, солдаты на отдыхе, солдаты за чтением в минуты затишья, армейская самодеятельность, армейский струнный оркестр в 1916 г., «Ея Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны подвижной питательный пункт», куда солдаты с котелками в руках выстроились в очередь, землавка – солдатская лавка Всероссийского Земского союза, приезд представителей земских органов власти – «в высадовическом лесу 15 апреля 1916 г. рыбинские гости приехали с подарками», «дивизионный комитет в июне 1917 г.», строевой смотр, солдаты на построении, полковой батюшка благословляет солдат на битву, вынос иконы перед строем, одинокая могила земляка с надписью на лентах «Дорогому товарищу Афанасию Алексеичу Сивкову от друзей, февраль 1917 г.», отпевание и похороны воинов, убитые однополчане, следы войны и разрухи, горящие строения, «фотография штаба 56 пехотной дивизии», справа – сам Василий Мелехин.

«Субъективная реальность и повседневность войны», наряду с письмами и фотографиями, дополнена на выставке воспоминаниями участников событий, которые более глубоко помогают прочувствовать состояние Человека на войне. Так, например, наряду с фотографиями «окопного быта» фотографа Василия Мелехина приведены воспоминания участника Первой мировой войны, маршала А.М. Василевского: «Окопы производили самое жалкое впечатление. Это были обыкновенные канавы, вместо брустверов хаотично набросанная по обе стороны земля без элементарной маскировки по ней, почти без бойниц и козырьков. Для жилья в окопах были отрыты землянки на два-три человека, с печуркой и отверстием для входа, а вернее – для вползания в нее» [30].

В экспозицию введены источники, в которых отражены представления людей того времени о противнике, причем о той и другой неприятельской стороне. При рассмотрении данной проблемы [31] нельзя обойти одну из главных культурологических категорий – категорию «свой – чужой». Ю.С. Степанов так определяет данное понятие: «Свои» и «Чужие» – это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. В том числе, конечно, и русского» [32]. В период вооруженного противостояния происходит предельное отторжение «чужого» «своим», презрение к противнику, крайнее неприятие его культуры, его ценностей.

Образ врага несет ощущение угрозы, к врагу испытывается и воспитывается чувство ненависти. Традиционным идеологическим инструментом, наряду с воспитанием ненависти, является воспитание презрения к врагу. Средством такого воспитания и пропаганды является сатирическое, карикатурное изображение врага. Такой «враг» был широко

распространен, прежде всего, в периодической печати. Журнал «Новое время» всю вторую половину 1914 г. из номера в номер публиковал сатирическую историческую повесть «Франц и Вилли», где главные герои высмеиваются не только в самом содержании повести, но и изображаются в виде карикатур (престарелый монарх Франц-Иосиф и кайзер Вильгельм не могут поделить бутылку Албанского). Противник высмеивается в устном народном творчестве. Анализу военных частушек, отражающих тему войны, посвятил свое исследование Ан. Попов. Уже в 1916 г. он пишет: «О значении военных частушек, как материала для будущей истории войны, для уяснения народной психологии во время войны, говорить излишне, так как оно (это значение) уже давно создано и оценено по достоинству. В настоящее время уже напечатаны записи этих частушек по целому ряду губерний, и число их, несомненно, будет расти и расти» [33]. Сам же Ан. Попов собрал военные частушки Архангельской губернии и опубликовал в ежемесячном журнале жизни Северного Края «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» № 3 от 15 марта 1916 г. Среди них – частушки, отражающие и формирующие образ врага: «Не ходи ты, немец в лес, не кажи там носу, наш солдат тебя там схватит, – свертит в папиросу» или «Не советует Вильгельму медицинский персонал кушать завтрак во Париже, коль желудок захворал» [34].

Идеологический фактор не менее ярко прослеживается в листовках. В фондах Национального музея сохранились как листовки-обращения русской народной армии к противнику, так и обращения австро-венгров и немцев к русским. В листовке «Германскимъ солдатамъ!» на русском и немецком языках сообщается: «...руки прочь от наших домашних очагов, от нашего национального достояния, и тех мелких народов, которые Вы разорили. Вы не хотите сделать это добровольно, так все мы готовы заставить Вас сделать это силой. Да будет Вам это известно, германские товарищи. Русская народная армия» [35].

Зная о распространении в среде русской армии прокламаций и брошюр о положении русских воинов в австрийском и немецком плену [36], австро-венгерское командование распространяло листовки-опровержения и «приглашало» русских в австрийский плен: «Но помните, что мы не бродяги, убийцы и поджигатели вроде Ваших казаков. У нас пленным живется благополучно, ведь они находятся под защитой права народов, которые мы – люди культурные – уважаем. Помните только то, что все пленные когда-то возвратятся на родину здоровыми, целыми и невредимыми!» [37]. Об этом же говорится в листовке «Русские солдаты!»: «Вы бесполезно сражаетесь и переносите труды и лишения... Тысячами гнали Вас Ваши генералы на верную смерть; ни пяди земли не смогли Вы отнять у нас... Когда же даст Вам Ваш Царь мир? Тогда ли, когда все Вы будете убиты или искалечены? А Ваши отцы, матери, жены

и дети! Они голодают; нет у них не хлеба, ни заработка. Вас же гонят на смерть; лгут Вам, чтобы Вы не пали духом. Ваши офицеры говорят Вам, что у нас голод, что нам нечего делать. Мы смеемся над этими баснями. У нас довольно мяса и хлеба, ежедневно получаем мы сколько угодно вина и чая. Нам в войну живется лучше, чем в мирное время... Хотите остаться нашими врагами? Хорошо, пусть будет так, но немногим же из Вас доведется тогда увидеть родимые хаты, или же Вы вернетесь туда калеками. Если же вы придете к нам как друзья, то сможете сами убедиться, как правдивы наши слова. Тогда кончится для Вас и война, и опасности и нужда. Вы сохраните Вашим родителям, женам и детям Вашу жизнь и Ваше здоровье. Ваши товарищи Австро-Венгры» [38].

Немецкое командование распространяло среди русских войск листовки, направленные против союзников России по Антанте. Так, сатирическая листовка «Вашъ «Другъ» Англія» [39] содержит карикатуры на Джона Булла, а листовка «Несколько фактовъ» [40] – карикатуры на президента Франции Р. Пуанкаре, американских и английских буржуа. Однако в целом у подавляющего большинства нижних чинов русской армии представление о союзниках было не менее, а может быть, и более расплывчатым, чем о противниках, с войсками которых им приходилось иметь дело: крестьяне в солдатских шинелях не разбирались в тонкостях международной политики. У образованной части общества и, соответственно, армии отношение к союзникам в ходе войны менялось – от чувства симпатии к ним в начале к постепенному росту недоверия и выражению недовольства тем, что «они взвалили основную тяжесть войны на Россию». Ситуация резко осложнилась после Октябрьской революции, когда общество оказалось расколотым и вовлеченным в Гражданскую войну, а бывшие союзники России не только поддержали одну из противоборствующих сторон, но и явились организаторами интервенции, что надолго утвердило в массовом сознании населения уже Советской России их враждебный образ [41].

На выставке «Память забытой войны...» образ противника представлен также подлинными фотографиями военного времени: «германец», колонна неприятельских войск сдается в русский плен («снято германцем»); проверка документов вражеского офицера, братание на фронте (удивительно, но Василию Мелехину удалось на нескольких снимках запечатлеть русских солдат вместе со своими бывшими «врагами»).

В экспозиции отражены малоизученные сюжеты и темы истории Первой мировой войны, такие как «воздействие военного фактора на повседневную жизнь человека, на мотивы и формы его деятельности», «формирование героических символов», «опыт войны, отраженный в женском социуме Российской империи», «трансформация общественного сознания и радикализация настроений в военный период 1914–1918 гг.», «Первая мировая война как культурный шок», «военнопленные

Тройственного Союза в Коми крае и военнопленные – уроженцы Коми края в австро-германском плену», «война и ее влияние на жизнь, сознание и повседневную-бытовую культуру коми крестьянина». В рамках данной статьи, не претендующей на роль законченного исследования, подробно осветить все указанные проблемы не представляется возможным.

Музейный проект «*Память забытой войны...*» – это попытка не только показать Россию и Коми край 1914–1918 гг., стремление представить повседневные реалии российского общества и человека в обществе, втянутом в войну, это дань памяти героям и жертвам Первой мировой войны, выступившим за Веру, Царя и Отечество, погибшим в боях, попавшим в плен, пропавшим без вести, умершим от ран, всем патриотам России, выполнившим свой долг перед соотечественниками...

Литература и источники

1. Никонова О.Ю. Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сборник статей. – Челябинск, 2004. – С. 495–496.
2. Шаццлло В.К. Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. – М., 2003. – С. 4.
3. Шаццлло В.К. Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. – М., 2003. – С. 4.
4. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999. – С. 195.
5. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 28. Оп. 1. Д. 16. Л. 139.
6. Там же.
7. Национальный музей Республики Коми (далее – НМРК). НВ-4345.
8. НАРК. Ф. 61. Оп. 1. Д. 622. Л. 42 об.–43.
9. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1117. Л. 1–26. Алфавитный список добровольцев (охотников), принятых в армию за 1914–1917 гг.
10. Чупров В.И., Бондаренко О.Е., Сурков Н.И., Жеребцов И.Л. В годы Первой мировой войны // Участие жителей Коми края в войнах и вооруженных конфликтах (XI – начало XX века). – Сыктывкар, 2004. – С. 67. (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; Вып. 1).
11. Сенявская Е.С. Психология войны... С. 198.
12. Поршнева О.С. Ментальный облик и социальное поведение солдат русской армии в условиях Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М., 2002. – С. 254.
13. Цит. по: Сенявская Е.С. Психология войны... – С. 195–196.
14. См.: Моисеева И.Ю. Антропологический аспект истории войны: проблемы и источники изучения // *Studia juvenalia (SJ)*: Сборник работ молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2003. – С. 80–87.

15. НМРК. КП – 11233/1.
16. Поршнева О.С. Ментальный облик и социальное поведение солдат русской армии в условиях Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М., 2002. – С. 257.
17. НМРК. НВ 4323/21.
18. Научный архив НМРК. Коллекция писем Артеева Аники Ефимовича.
19. НМРК. КП 10749.
20. Научный архив НМРК. Коллекция писем Артеева Аники Ефимовича.
21. НМРК. КП 10749.
22. НМРК. НВ 4323/21.
23. НМРК. КП 10749.
24. НМРК. КП 10749.
25. Сенявская Е.С. Психология войны... – С. 218.
26. Цит.по: Сенявская Е.С. Психология войны... – С. 218.
27. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1151. Список Георгиевских кавалеров, проживающих в Помоздинской волости.
28. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1151. Л. 447–447 об.
29. Бондаренко О.Е. Коми край в годы Первой мировой войны // Атлас Республики Коми. – М., 2001. – С. 368.
30. Василевский А.М. Дело всей жизни. – М., 1973. – С. 22.
31. Категория «образ врага» более подробно рассматривается: Моисеева И.Ю. Тема войны и «образ врага»: опыт реконструкции по материалам солдатских писем 1941–1945 гг. // КЛИО. Журнал для учёных. – СПб.: Изд-во «Нестор», 2004. – № 1 (24). – С. 189–195.
32. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001. – С.126.
33. Попов А. Отражение войны в Архангельских частушках // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера, 1916. – № 3. – 15 марта. – С. 97.
34. Попов А. Указ. соч. – С. 99, 104.
35. НМРК. КП 9736/2.
36. НАРК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 16. Л. 132–133об. Прокламация «Зверства немцев». Об отношении немцев к гражданам России, оказавшимся в Германии в момент начала войны, и к мирным жителям захваченных населенных пунктов. НАРК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 2422. Л. 233–248об. Брошюра Чрезвычайной следственной комиссии о положении русских воинов в австрийском плену.
37. НМРК. КП 9736/3.
38. НМРК. КП 9736/5.
39. НМРК. КП 9736/7.
40. НМРК. КП 9736/8.
41. Сенявская Е.С. Психология войны... – С. 212.

М.В.Таскаев*

**«ПЕЧОРСКАЯ РЕСПУБЛИКА»
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Печорский уезд Архангельской губернии площадью около 412 тыс. кв. км, включающий в себя бассейны рек Печора, Ижма, Уса, Шапкина, Колва, Цильма, – ныне территория северных районов Республики Коми и Ненецкого автономного округа. В годы гражданской войны Белая армия почти полтора года контролировала Печорский край; здесь дислоцировались армейские подразделения, была налажена связь с Сибирью и Восточным фронтом, осуществлялись социально-хозяйственные мероприятия восстановленного земства.

Печорский уезд с административным центром в с.Усть-Цильма был образован в 1891 г. К 1917 г. уезд насчитывал 16 волостей, 207 деревень, сел, выселков и починков, в которых проживало более 41 тыс. чел. Самой населенной являлась Усть-Цилемская волость, здесь проживало 8082 чел. Посетивший Усть-Цильму еще летом 1887 г. архангельский губернатор князь Н.Д.Голицын так писал о будущем административном центре Печорского уезда: «Село Усть-Цильма вмещает в себя 1100 строений, народонаселение ее простирается до 4000 человек. Таким образом, село это, как по своему пространству, так и по числу зданий и жителей, значительно превышает каждый из уездных городов Архангельской губернии. Такая скученность населения свидетельствует о том, что село Усть-Цильма есть естественный географический центр всего Печорского края; и действительно от Усть-Цильмы идут дороги во все стороны к окраинам Припечорья... Село Усть-Цильма приобрело значение административного центра; в нем сосредоточены все существующие в Печорском крае присутственные места и должностные лица».

Печорское население занималось в основном рыбным промыслом, охотой, животноводством и оленеводством. Земледелие в силу климатических условий не было развито; хлеб завозился с Камы или из Сибири. Промышленность практически отсутствовала, если не считать лесопильных заводов и Ухтинских нефтесолепромыслов. В уезде не было ни одного города (хотя села Усть-Цильма и Пустозерск в обиходе назывались городами), на Печоре не издавалось ни одной газеты, не было хороших дорог, а сообщение с Архангельском поддерживалось либо по Северному Ледовитому океану (морская печорская пристань находилась в с. Куя), либо по тракту Усть-Цильма – Койнас – Пинега. Отсутствие дорог

*Таскаев Михаил Владимирович (Сыктывкар) – член-корреспондент Академии военно-исторических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

превращало край в глухой медвежий район, полностью отрезанный от центра; длительная командировка на Печору считалась фактической ссылкой.

В годы гражданской войны в состав Печорского уезда вошли верхнепечорские волости, до этого входившие в Чердынский уезд Пермской губернии (это было вызвано уходом сибирских белых войск из этого региона и выдвижением на их места архангельских частей). В итоге, Усть-Цилемская уездная Земская управа и военная администрация Печорского района Северного фронта белых в 1919–1920 гг. контролировали поистине огромную территорию на Севере России, населенную русскими, коми-зырянами, ненцами и коми-пермяками. Несколько месяцев (ноябрь 1919 – январь 1920 гг.) штаб Печорского района контролировал также Березовский уезд Тобольской губернии, где были расположены крупные сибирские хлебные запасы. Сообщение с Березовым осуществлялось по Сибиряковскому тракту Усть-Щугор – Саранпауль (Ляпино). В конце гражданской войны белые попытались объявить на территории Печорского уезда настоящую самоуправляемую Печорскую республику...

Архангельская газета «Северное утро» от 9 февраля (27 января) 1919 г. писала об освобождении Печорского уезда от красных так: «До освобождения от большевиков в конце ноября минувшего года Печорский край нашей губернии переживал дни сплошного ужаса. В крае неистовствовали красноармейские банды. В конце ноября партизаны из с. Усть-Вашка Мезенского уезда заняли Усть-Цильму. К ним присоединились для общей борьбы крестьяне из деревень с реки Цильма. Эти действия добровольцев под руководством героев-офицеров принесли несчастным жителям Усть-Цильмы невыразимую радость: открылись двери тюрьмы, выпущены были на свободу 40 или более узников, которые плакали от неожиданной радости освобождения, ибо все они были перед этим приговорены большевиками к смерти. Большая часть спасенных были люди пожилые. Многие из этих несчастных людей перед тюремным заключением были подвергнуты унижительным для человеческого достоинства истязаниям: захваченных граждан пороли плетью, затем раны их посыпали солью, смачивая водой и снова пороли. Очевидец этих ранений, рассказывавший нам о зверствах большевиков, говорит, что он пришел в ужас, когда увидел исполосованные спины, представлявшие одну сплошную, кровавую рану... у некоторых оказались сломанные ребра, у иных оставались еще в теле пули... Уже уходя из Усть-Цильмы большевики успели утопить двоих граждан в проруби. После Усть-Цильмы было освобождено с. Красноборск. Здесь происходили те же ужасы, что и в Усть-Цильме. Всего подвергшихся истязаниям, о которых сказано выше, было свыше 100 человек. Очень характерным является истязание большевиками Георгиевского кавалера Конона Филиппова, имевшего несколько медалей и четыре Георгиевских креста. Большевики требовали от него, чтобы

он отдал им боевые награды. Герой отказался. Тогда его начали пытать: били, драли, топтали и совершенно искалечили... Убитые, изувеченные и искалеченные ограблены были дотла. У всех забрали имущество, угнан скот, отняты денежные сбережения... В дер. Галовской большевики ограбили местных жителей примерно на полтора миллиона... Издевательства и насилие соединялись с кошунством... В Галовском было запрещено звонить в колокола и на них был наложен арест, и только после освобождения села народ выразил свою радость по случаю свержения ненавистного ига торжественным колокольным звоном... Ряд зверств большевиков испытали и села Ижма и Мохча...».

Село Усть-Цильма стало базой для развертывания в уезде Народной Армии Печорского уезда – отрядов белых партизан под командованием штабс-капитана Г.П.Алашева. Народная Армия Печорского уезда начала создаваться еще в августе-сентябре 1918 г., но официально существовала с 1 декабря 1918 г., когда в Усть-Цильме началась запись добровольцев и мобилизация в ее ряды. Как и везде, запись добровольцев и мобилизация начались с офицерства. Каждый печорский офицер царской армии, вступая в ряды Белой армии давал расписку: «В бытность в Совдепии не производил действий, порочащих честь и доброе имя русского офицера». В Народную Армию Печорского уезда вступили штабс-капитан Новиков, подпоручики Хозяинов, Рочев, Иванов, Пономарев, Семушин, прапорщик Терентьев и др. Общее количество рядовых стрелков в «армии» к середине декабря 1918 г. насчитывало около 160 штыков. В Народную Армию Печорского уезда входили и несколько партизан-одиночек, прозванных «охотниками за черепами».

В «Архиве русской революции» С.Ц.Добровольский так пишет об этих «охотниках»: «На Печоре население, занимающееся охотничьим промыслом, ставило силки для ловли красных. Один мой знакомый путейский инженер, узнав от одного из таких «охотников за черепами», что им единолично было поймано и истреблено 60 красных, пришел в ужас и пробовал убедить в невозможности такого метода действий, но получил категорический ответ: «Нам с ними не жить, либо они, либо мы». Оказалось, что у этого крестьянина все близкие были убиты красным отрядом Мандельбаума, а сам он совершенно случайно спасся, подвергнувшись страшным пыткам; грудь его была вся в язвах, так как его выдержали под открытым краном кипящего самовара, пока оттуда не вытекла вся вода. Отряд Мандельбаума навел ужас на всю Печору. Окружив какое-нибудь белое селение, он сгонял всех жителей его на сход и объявлял, что мужчин он оставляет только до окончания полевых работ, после чего они вместе с детьми будут истреблены, а жены их будут оставлены в живых, так как еще «пригодятся» для красных. Можно себе представить, какой характер после этого принимала взаимная борьба, принимая во внимание невысокий культурный уровень населения, большую

часть которого составляли полудикие зыряне» [1] (ну, насчет «полудиких зырян» автор несколько загибает, поскольку коми народ имел письменность еще с XIV в., а по грамотности населения «полудикие зыряне» располагались в Империи до революции на третьем месте – *М.Т.*).

Народная Армия Печорского уезда содержалась на крестьянские деньги, для этого был введен особый военный налог. В фондах Национального архива Республики Коми сохранилась приходно-расходная книга по сбору военного налога на содержание Народной Армии по Печорскому уезду, начатая 1 декабря 1918 г. Финансирование осуществлялось и из Архангельска. Так, 24 января 1919 г. член усть-цилемского комитета безопасности Н.И.Попов просил Архангельск срочно прислать выделенные для Народной Армии Печорского уезда деньги в размере 18400 руб.

Весной 1919 г. белопартизанская Народная Армия Печорского уезда вошла в состав отдельного печорского батальона из группы войск Мезенско-Печорского района. В свою очередь, этот батальон стал основой при формировании летом 1919 г. 10-го Северного Печорского стрелкового полка. Штаб полка и Печорского района Северного фронта разместились сначала в Усть-Цильме, а потом в с.Ижма.

Восстановление гражданской земской администрации в Печорском уезде в 1918 г. проходило следующим образом. Сначала был создан Временный Печорский Земский комитет во главе с Г.Г.Недашковским. 3 февраля 1919 г. комитет переименовали во Временную уездную Земскую управу. 6 апреля 1919 г. в Усть-Цильме состоялось Чрезвычайное Земское Собрание Печорского уезда, на которое были приглашены земские гласные, выбранные еще в 1917 г. Собрание решало множество вопросов, в том числе организационные. На лето и осень 1919 г. наметили выборы волостных и уездных земских гласных на срок 1919–1921 гг. Выборы в волостное земство состоялись 8 июня 1919 г., а уездные земские гласные избирались в сентябре 1919 г.

Вышеупомянутый Григорий Григорьевич Недашковский был одной из самых удивительных и колоритных фигур Печоры в годы революции и гражданской войны! К сожалению, из биографических данных о нем известно немного, всего лишь, что Недашковский был когда-то учителем в Бакуринской волости. В 1917 г. он являлся уездным комиссаром Временного правительства по Печорскому уезду. В советской историографии традиционно считалось само собой разумеющимся, что комиссар состоял в партии эсеров, однако, на самом деле Недашковский был беспартийным. Более того, по всей видимости, ему было в высшей степени наплевать как на какую-либо партию, так и вообще на любую военно-политическую силу в Гражданской войне. Недашковский менял посты и названия, как перчатки. В 1918 г. он возглавлял Печорский советский уездисполком, при белых председательствовал в Печорском уездном

земстве, в 1920 г. в связи с победой Красной Армии Недашковский выдвинулся в руководители Печорского уездного революционного комитета. Участники Гражданской войны на Печоре вспоминали о Недашковском только одно – «способен и красным, и белым».

Первая сессия Печорского уездного Земского собрания 2-го созыва открылась 20 сентября 1919 г. при наличии 16 гласных. Собрание открыл председатель управы Г.Г.Недашковский. В президиум собрания были выбраны А.Ф.Нечаев (председатель), А.Г.Мохнатых, П.Сид.Филиппов, П.Ст.Филиппов, Г.Д.Медведев. В первую очередь был заслушан доклад уполномоченного Троицко-Печорской волости Попова о субсидии в 7000 руб. на содержание зимника Усть-Щугор – Ляпино (пополам с Чердынским земством) для вывоза сибирского зауральского хлеба. Затем сессия рассматривала расходную и доходную сметы земства на 1920 г. Расходная смета была принята в сумме 4758293 руб. 33 коп. (из них 573000 руб. предназначалось на нужды медицины, 665343 руб. – на содержание земских станций, два с половиной млн. руб. – на нужды народного образования), доходная смета – в сумме 4607388 руб. (Доходы строились за счет земских сборов с уезда. Так, с крупного рогатого скота доход в земскую в земскую казну составлял 100 тыс. руб. – с одной скотины 10 руб., а если в хозяйстве была одна корова, то она обложению не подлежала; с рыболовных вод был принят налог в 80 тыс. руб.). Дефицит уездного бюджета составил 150905 руб. 25 и 26 сентября состоялись выборы уездной управы. Председателем ее выбрали Н.С.Елагина, его заместителем – П.И.Кириллова, членами –И.Л.Самодурова и Н.Ф.Ануфриева. Губернскими земскими гласными избрали М.С.Вайванцева, Н.С.Смирнова, Н.С.Елагина, Г.Г.Недашковского. Кандидатами в губернские гласные стали А.Е.Мохнатых, П.И.Кириллов, П.С.Филиппов. В Земско-городское совещание Северной области выбрали М.С.Вайванцева, Н.С.Елагина, Н.С.Смирнова и Л.Е.Мохнатых. В уездный Совет по народному образованию попали И.П.Поспелов, В.Е.Страхов. Сессия констатировала, что на местах, «в особенности в Ижемском и верхнепечорском районах положение тяжелое, население умирает с голода, доставка хлеба крайне неудовлетворительна: нет пароходов и барж – они заняты для военного груза. Медицинской помощью население совершенно не обеспечено (на уезд всего один врач и пять фельдшеров). Народ мрет от эпидемий – дизентерии, тифа и т.д. В связи с эпидемиями и недоеданиями нечего и говорить о правильных занятиях в школах и т.д.» [2].

30 ноября 1919 г. в Усть-Цильме открылось очередное уездное Земское Собрание, посвященное годовщине освобождения уездного центра от советской власти. Г.Г.Недашковский открыл собрание докладом с подробным изложением истории борьбы с большевизмом на Печоре. После Недашковского выступил начальник Печорского уезда Г.П.Ала-

шев, который заметил, что «Печорский край своим освобождением обязан лишь самому себе». Уездное Земское Собрание отправило в Архангельск приветственную телеграмму, текст которой напечатала газета «Возрождение Севера» от 26 декабря 1919 г.: «Собрание земских, правительственных, военных, кооперативных и общественных учреждений и организаций Усть-Цильмы в годовщину освобождения Усть-Цильмы от властителей невежества и темноты приветствует правительство, выражает поддержку в его борьбе за единую свободную Россию и высказывает свою глубокую уверенность, что граждане Печоры и ее воины исполнят долг перед своей Родиной, доведя ее совместно с правительством до Всероссийского Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего прямого тайного и равного голосования».

Примерно такие же телеграммы регулярно посылали в Архангельск и печорские волостные органы власти, например, Пустозерское волостное земское собрание, которое, в частности, заверяло Временное правительство Северной области (ВПСО) в поддержке его борьбы с большевизмом: «С выражением полной готовности поддерживаем борьбу с врагами человечества до полного их уничтожения. Пустозерцы вступили в длительную борьбу с хулиганством с первых дней Августовского переворота, выставляя из своей среды верных защитников... Пустозерская волость... готова отдать все наличные физические и материальные средства, нажитые тяжелым промысловым трудом, на окончание борьбы с хулиганством» [3]. Когда пронеслись слухи об уходе союзников с Русского Севера, Галовский волостной сход обратился в Архангельск с просьбой «об неоставлении союзниками Северную Россию Печору помоществованием продовольствием и военными силами». Британская миссия, разместившаяся в июле 1919 г. в устье Печоры, планировала вывозить с Печоры лес, но эвакуация осенью 1919 г. прервала работу миссии.

Архивные фонды позволяют рассмотреть деятельность Печорской уездной Земской управы в 1918–1920 гг. в следующих областях: продовольственное снабжение уезда, промышленность и торговля, организация транспорта и связи, народное образование, здравоохранение и социальное обеспечение.

Печорский край издавна жил привозным хлебом. Летом 1918 г. Сибирское Временное правительство продало Советской России полмиллиона пудов хлеба для Русского Севера. Часть (по разным данным, до 250 тыс. пудов) до зимы была доставлена в небольшое зауральское с.Саранпауль(Ляпино), откуда планировалось перебросить хлеб на Печору. Ляпино несколько раз переходило из рук в руки, ибо борьба за сибирский хлеб стала главной доминантой военных действий в Коми крае в 1918 г. После того как красные под натиском сибирских белых частей князя Вяземского все же оставили Зауралье и, в частности, Ляпино,

за Урал двинулись печорские хлебные обозы. 10 апреля 1919 г. из Усть-Цильмы были отправлены в Ляпино 527 подвод. Печорская уездная Земская управа телеграфировала в Омск: «В Печорском крае хлеба совсем нет... В Ижемском районе от голода умерло сотни человек. Ели собак, кошек... Ляпинский хлеб – единственная надежда. Просим дать распоряжение уполномоченному Суровцеву не препятствовать в отпуске хлеба на Печору». 30 апреля из Ляпино доносили, что из 527 подвод до места назначения доехали только около 200: «... дожди испортили Щугорскую дорогу». На Печору было доставлено лишь 3000 пудов ляпинского хлеба. В дальнейшем Министерство продовольствия в Омске решило вывезти ляпинский хлеб для снабжения колчаковской армии, оставив только 18 тыс. пудов пшеницы для верхнепечорских волостей, находившихся в то время под юрисдикцией Омского правительства. В Усть-Щугоре на средства печорского земства была построена мельница для размола ляпинского зерна. Не сумев вывезти весь ляпинский хлеб, Печорская уездная Земская управа обратилась за продовольственной помощью в Архангельск. В июле 1919 г. из Мезени на Печору отпустили 10 000 пудов хлеба. В течение летне-осенней навигации 1919 г. пароходами завезли на Печору из Архангельска около 250 тыс. пудов муки (эти данные взяты из телеграммы Усть-Цилемской управы в Архангельск от 12 октября 1919 г.). Для посевной летом и осенью 1919 г. управа организовала доставку семян, сельскохозяйственных машин и инвентаря. 22 июля, например, в Архангельск отправили телеграмму с просьбой доставить на Печору в кредит 10 плугов, 50 косилок, 30 конных граблей, 30 маслобоек, 20 сепараторов, 2 сенных прессы, 300 боронных зубов, 500 кос, 500 серпов, 40 точил и т.д. В сентябре 1919 г. пароход «Ломоносов» привез в Усть-Цильму необходимые сельскохозяйственные машины и инвентарь и 13 тыс. пудов семян. В навигацию 1918–1919 гг. морская пристань Печорского уезда в с. Куя приняла до 30 грузовых пароходов из Архангельска, обеспечивавших уезд продовольствием. Зимой 1919/1920 гг. Печорская уездная управа закупила в Сибири хлеб. В январе 1920 г. в Ляпино находилось 10468 пудов ячменя для Печорского уезда. Продовольствие выдавалось в виде пайков, беднейшим семьям был открыт кредит для закупки всего необходимого. Продовольствие завозили и в Большеземельскую, и Малоземельскую тундры, в ненецкие чумы [4].

Таким образом, в течение 1919 – начале 1920 гг. уездное земство успешно боролось с продовольственной проблемой, пытаясь снабдить уезд хлебом.

17 июня 1919 г. в Ижме состоялось собрание торговопромышленников, которые обратились во Временное правительство Северной области со следующим запросом: «Дозволяется ли частная торговля, промышленность, беспрепятственный ввоз-вывоз товаров и продуктов, гарантируемая от всяких притеснений и захватов?... Разрешается ли

приобретать из других мест продукты вне нормы для увеличения пайка рабочим и служащим, обслуживающим нужды разного рода предприятий, а также оленеводам и промышленникам, проживающим в отдаленных местностях, которым своевременная доставка имеет большое экономическое значение ?» В уезде возродилась деятельность частных торговых компаний, как, например, братьев Терентьевых, братьев Норицыных, торговавших по всему Северу России; их торговые обозы добирались с Печоры до Тобольска, везя туда печорские меха, семгу, замшу, мясо, а взамен привозя хлеб, соль, спички, табак, керосин и др. В ряде волостей на Печоре открылись кооперативы по снабжению населения предметами первой необходимости («Диюрская помощь», «Олень» и др.) [5].

Курс «северного рубля» в отношении к царскому, «николаевскому» рублю 2 июня 1919 г. определялся в 20 коп. Финансовые операции в Печорском уезде осуществлял архангельский Северный промышленный банк. Покупательная способность «северного рубля» в Усть-Цильме в декабре 1919 г. была следующей: пуд масла стоил 1000-1200 руб., пуд оленьего мяса – 100 руб., пуд сала – 400 руб. За пуд сена запрашивали 7 руб., если возами – дешевле. Песец I сорта оценивался в 650 руб., III сорта – 400 руб. Мех лисицы стоил от 400 до 550 руб., горносталя – 55 руб., белки – 6 руб., пимы – 550 руб. и т.д. Военная администрация жестко контролировала цены в уезде на квартиры, дрова, молоко и транспортные перевозки, в частности, плата за перевозки воинских частей и грузов была установлена в 7 коп. с версты и пуда груза, а поверстная плата за лошадь составляла 60 коп. Цены на остальное были коммерческими. Постоянно ощущалась нехватка наличных денег. 22 июля 1919 г. печорская управа просила Архангельск ввиду «2-месячного отсутствия дензнаков в уезде... срочно выслать... до 3 миллионов рублей мелкими купюрами». Из-за отсутствия дензнаков ВПСО в уезде не прекращалось хождение керенок достоинством 20 и 40 руб. Кроме того, на руках у населения верхнепечорских волостей имелось большое количество сибирских дензнаков Омского правительства, обмен которых на «северные рубли» долго не производился, несмотря на неоднократные обращения штаба Печорского района в Архангельск дать указания «имеют ли они обращение в Северной области». Совершенно не котировались на печорском рынке советские рубли, имеющиеся в большом количестве в Ижемском районе. Таким образом, на территории Печорского уезда наблюдалась почти полностью расстроенная финансовая система, стабилизация которой в условиях войны была невозможной, что и определяло финансовое бессилие земства [6].

Любопытно, что уже после окончания Гражданской войны на печорском рынке продолжалось хождение не только царских «орленых» рублей, но и «чайковок» – дензнаков ВПСО. Только в конце 1921 г. уездная газета «Красная Печора» радостно известила читателей об очередной

советской «победе»: «... крестьяне начинают продавать продукты сельского хозяйства на наши советские расчетные знаки». Газета признавала: «... конечно, эти случаи редки», так что можно говорить об обращении на Печоре царских и белогвардейских денег вплоть до 1922 г. (т.е. спустя два года после разгрома белых).

В период войны большую роль играло взимание налога на военные нужды. В Печорском уезде военное налогообложение касалось в первую очередь зажиточного крестьянства. Так, например, в Усть-Цильме военным налогом обложили всего 37 чел. – торговцев и крупных оленеводов с капиталом от 10 до 200 тыс. руб. Суммы налога колебались от 5 до 8% с имеющегося капитала. Интересно, что сборщики налога в начале 1919 г. собирали деньги и на территории, занимаемой советскими войсками, в частности, в Ижме, предупреждая налогоплательщиков, что «в случае неуплаты ими налога в самом ближайшем времени они после занятия Ижмы будут задержаны в Усть-Цильме впредь до взноса ими установленного налога». Как правило, налог поступал исправно, более того, зажиточное население Печоры вносило большие добровольные пожертвования. В марте 1919 г. в Усть-Цильме на нужды Белой армии было собрано более 300 тыс. руб., 1000 пудов мяса, 100 пар белья, одежды, обуви, большое оленьё стадо. В апреле 1919 г. уездное крестьянство передало белым 114472 руб. добровольных пожертвований, сумма военного налога составила 246458 руб. [7].

На Печоре существовали кожевенные, замшевые и прочие мастерские, кирпичные заводи (в пяти верстах от Усть-Цильмы был, например, кирпичный завод А.Ф.Белокопытова), многочисленные маслодельни, мукодельни, мельницы, дегтярни, смолокурни, слесарно-кузнечные мастерские, но крупных промышленных объектов не имелось. В Ижемской волости находилась электростанция мощностью в 11 квт с мельницей и магазином, принадлежащие торговцу А.Е.Филиппову. На лесозаводе «Стелла Поларе» располагались судоремонтные мастерские, рабочие которых получили освобождение от мобилизации. В навигацию 1919 г. по Печоре ходило до десяти речных пароходов (один из пароходов носил громкое название «Титаник»), принадлежащих компании «А.М.Черных», существующей с 1912 г., Ижемской судоходной артели, купцам Норицыным, Суслову. Имелось также большое количество грузовых судов и непаровых кораблей. Весной 1919 г. печорский речной транспорт инспектировала большая группа мичманов из Архангельска (в числе них был, между прочим, некий барон Рокассовский – уже не родственник ли известного советского маршала?). В декабре 1919 г. компания «Черных» объявила о самоликвидации, поскольку все ее пароходы фактически были реквизированы для военных нужд.

В Усть-Ухте с 1909 г. существовал нефтяной прииск А.Г.Гансберга. Здесь имелись электростанция, мехмастерские, кузница, буровая вышка

с паровой машиной и механическим приспособлением для бурения. Прииск был телефонизирован. В начале 1919 г. Гансберг выехал в Архангельск с целью получения субсидий для продолжения нефтедобычи. Осенью 1919 г. Печорская уездная Земская управа получила из Архангельска распоряжение о возобновлении нефтедобычи на Ухте. «Здания нефtezавода целы. Машины имеются, но части их вывоз Гансберг. Насколько пригодны – может определить специалист», – отвечали телеграммой с Печоры в Архангельск. Возобновление нефтедобычи запланировали на лето 1920 г. Нефть решено было вывозить с Ухты бочками, поскольку «специальных нефтянок нет. Есть водонепроницаемые деревянные... Лучше бочками (13 пудов)», – рекомендовал земцам зав. печорским судоходством А.Павловский [8]. Оживление нефтяного дела на Ухте оценил Главнокомандующий Северным фронтом генерал-лейтенант Е.К.Миллер. В своих воспоминаниях «Борьба за Россию на Севере», написанных в апреле 1926 г., он заметил: «На далекой Печоре комиссары и небольшие отряды Красных войск бежали и уверенность населения в возможности спокойно работать была настолько велика, что в Усть-Ухте снова приступили к работам по изысканию и добыче нефти» [9].

Огромная территория Печорского уезда нуждалась в хороших дорогах, транспорте, связи. В течение лета 1919 г. Печорская уездная Земская управа совместно с военными провела ремонт печорской половины Койнасского тракта, соединяющего Усть-Цильму с Мезенским уездом. На ремонте дороги работал специальный рабочий батальон из 340 чел. под командованием подполковника Бараева и инженера Мошинского. Для ремонтных нужд у населения временно реквизируют топоры, лопаты, ломы, прочие шанцевые инструменты. Было отремонтировано 25 мостов. Почтовые земские станции на тракте были выставлены на уездный аукцион (Мыльская станция оценивалась в 16800 руб., Фотеевская – в 20 тыс., Волчковская – 25890 руб. и т.д.). На каждой станции смотритель обязан был содержать не менее десяти лошадей. 28 августа 1919 г. специальная комиссия, где печорское земство представлял П.И.Кириллов, осмотрела отремонтированный тракт и констатировала, что он «приспособлен к автомобильному движению» [10]. В Усть-Вашку из Архангельска привезли автомобиль и мотоциклы, планировалось летом 1920 г. использовать машины на Койнасском тракте. На ремонт тракта из сметы уездного земства было выделено 126 тыс. руб. В смету печорского земства на 1919 г. было заложено также 154 тыс. руб. на строительство тракта Ижма – Диюр – Щельяюр, но реально на изыскательские работы выделили лишь 10 тыс., поэтому строительство так и не началось. Изыскательские работы в 1919 г. велись также по проведению тракта Усть-Цильма – Пеза – Мезень. Намечалось исследование реки Цильма в судоходных целях, но отсутствие денег не позволило земству начать работы.

Планировалось также создание печорского авиаотряда, причем А.Терентьев утверждает, что белые применяли аэропланы на помоздинском направлении в марте 1919 г. [11]. Однако, по всей видимости, это преувеличение. При ставке командующего Мезенско-Печорским районом Северного фронта генерал-майора Д.Д.Шапошникова в Усть-Вашке был создан авиаотряд под началом военного летчика поручика Толстого (в публикации Ю.П.Доронина в третьем номере альманаха «Белая армия. Белое дело» упоминается фамилия этого военного летчика в составе 2-го авиаотряда штабс-капитана Белоусовича на Северном фронте; летом 1919 г. с поручиком Толстым произошла непонятная история: как видно из одной служебной телеграммы, он был арестован по приказу генерал-майора Шапошникова в Усть-Цильме, но за что, выяснить пока не удалось – *М.Т.*), авиационные мотористы для которого нашлись среди уроженцев Печорского уезда. Но собственно аэропланы ни в ставку Шапошникова, ни на Печору не завезли.

Главным транспортным средством на Печоре оставалась лошадь с подводой. Военные реквизиции лошадей, конечно, доставляли массу неудобств печорскому крестьянину. Но поскольку реквизиции были платными, то население в целом шло навстречу требованиям военным. 25 декабря 1919 г., например, Печорская управа сообщала в Архангельск: «Усть-Цилемская, Пижемская, Галовская, Красноборская, Щельяюрская волости заняты исключительно перевозкой военных грузов Верхнепечорского районов, с трудом обслуживают домашние нужды. Бугаевская занята исключительно заготовкой дров для нужд пароходства. Росвинская, Ермицкая, Пустозерская волости лошадей дать могут, но возчиков нет. Население охотно предлагает лошадей с упряжью путем платной реквизиции» [12]. Осенью 1919 г. командующий Печорским районом полковник В.Ахаткин запрашивал Архангельск о выделении 250 тыс. руб. в уплату печорским крестьянам за реквизицию лошадей и 50 тыс. руб. «квартирных денег» [13].

В отличие от транспорта достижения в области связи на Печоре были более значительными. Еще до революции, в 1912–1914 гг. была построена телеграфная линия Усть-Цильма–Хабариха–Куя. Почтовые отделения в Росвино и Тельвисочном были переименованы в почтово-телеграфные. Устье Печоры, Пустозерская волость имели связь как с Архангельском, так и с уездным центром Усть-Цильма. Во время Гражданской войны связью на территории Печорского уезда занялись военные. Для этого при штабе Печорского района был создан особый отдел связи под командованием подполковника Бараева (по всей видимости, это тот самый Бараев, который состоял летом 1918 г. в офицерской монархической организации «Белый крест» в Архангельске), занимавшийся телефонизацией населенных пунктов в уезде и строительством телеграфа. Осенью 1919 г. на Печору прибыл Особый отряд связи Генерального штаба Северного

фронта под командованием штабс-ротмистра Червинского, в задачу которого входило установление телефонного и телеграфного контактов Архангельска с Березовским уездом Тобольской губернии, вошедшим в это время в состав Северной области. 29 ноября 1919 г. Особый отряд связи соединил Усть-Шугор прямым телефонным проводом с Архангельском, а 30 декабря телефон и телеграф были протянуты за Урал до Ляпино (надо заметить, что отряд Червинского, по-видимому, весь состоял из спортсменов, поскольку из служебных телеграмм отряда видно, что связисты нуждались не столько в продовольствии, оружии или техническом снаряжении, сколько в футбольных мячах, шахматах, шашках и прочем спортивном инвентаре). В январе 1920 г. г.Березов – центр Березовского уезда – был соединен с Архангельском телефоном и телеграфом через Усть-Цильму и Пинегу. Для переговоров с Сибирью в Усть-Цильму из Архангельска выслали также полевую передвижную радиостанцию.

О развитии народного образования, здравоохранения и социального обеспечения на Печоре в условиях войны говорить, конечно, не приходится. Тем не менее, земство приложило максимум усилий для нормального функционирования этих отраслей народного хозяйства.

Народное образование в Печорском уезде в условиях войны переживало кризис. Существующие школы нуждались в ремонте, учителя получали скудное жалованье, не хватало элементарного школьного оборудования, дров, учебников и т.д. Тем не менее, школы функционировали. Печорский Учительский союз, образованный еще в начале 1918 г. под председательством М.С.Вайванцева, попытался даже открыть в Усть-Цильме 2-классную гимназию. 13 ноября 1919 г. зав. гимназией Смирнов сообщал в Архангельск, что гимназистов набрано пока семь человек. Земство планировало открыть с 1 января 1920 г. начальное училище в Росвинской волости. Из сметы Земской управы на 1919 г. выделили 80 тыс. руб. на заготовку четырех тысяч бревен для строительства в Усть-Цильме больницы и высшего начального училища. Зав. печорским судоходством А.Павловский, кроме того, выдвинул идею об открытии в Усть-Цильме речного училища. 21 января 1920 г. он писал в Архангельск: «Для развития судоходства и пополнения штата судовых служащих необходимо на Печоре открыть речное училище. Земство идет навстречу, предоставляя помещение и половину расходов...» [14].

В уезде работали четыре библиотеки-читальни и десять пришкольных читален, имелось два Народных Дома в Усть-Цильме и Ижме. При усть-цилемском Народном Доме с начала 1919 г. занимался кружок любителей театра, который ставил спектакли по произведениям А.П.Чехова и А.Н.Островского. Спектакли ставили также школьные ученические театры в пользу «недостаточных» учеников. В Ижме существовал офицерский театр, созданный зав. отделом пропаганды штаба Печорского района Георгиевским кавалером штабс-капитаном Касаткиным. Военные

устроивали для населения еженедельные чтения лекций с показом «туманных картинок», открыли школу грамотности. В начале 1920 г. отдел пропаганды выписал из Архангельска подвижной кинематограф, создавал при штабе духовой оркестр.

В Усть-Цильме существовал Печорский комитет попечительства о народной трезвости. 21 декабря 1918 г. генерал-губернатор Северной области Е.К.Миллер издал специальное постановление о «воспрещении пьянства... на основе военного положения». Согласно постановлению «воспрещалось напиваться пьяным (без появления в публичном месте) до состояния, вызывающего вмешательство милиции... Воспрещается допущение распития всякого рода опьяняющих напитков (как-то: спирта, всякого рода водок и вин, меда, а также других напитков...) в ресторанах, трактирных заведениях, гостиницах... без получения специального разрешения». Ослушавшихся ждал штраф в размере 3 тыс. руб. или 3-месячный арест. Неизвестно, правда, выполнялось ли постановление генерал-губернатора на самом деле.

В ведение Печорской уездной Земской управы находились Опытная сельскохозяйственная станция (зав. агроном Иванов), Усть-Цилемская метеорологическая станция (зав. О.В.Семенова) и несколько лесничеств. Во время эвакуации с Печоры красные мобилизовали и насильно увезли с собой фактически всех лесничих, в том числе главного лесничего Чупрова, поэтому земство с трудом восстановило лесничество, крайне необходимые, в первую очередь, для борьбы с лесными пожарами.

Так же трудно, как с лесничими, было в уезде и с медицинским персоналом. Красные увезли с собой почти всех медработников, некоторые врачи покончили жизнь самоубийством, а те, что остались, были мобилизованы белыми. Летом 1919 г. в уезде вспыхнула эпидемия тифа и дизентерии, от которой в Брыкаланске скончалось, например, 104 чел., в Няшабоже – 12 и т.д. Земство обратилось за помощью к военной администрации. Все лето и осень 1919 г. на Печоре работал эпидемиологический отряд военного доктора Гарсиева. Зимой 1919/1920 гг. печорский эпидемотряд работал за Уралом в районе Ляпино – Березова. Им руководил доктор Саяев, медсестрами были местные учительницы. На базе земских больниц военная администрация развернула лазареты, на Печору привезли необходимое медицинское оборудование, медикаменты. На верхней Печоре, в Троицко-Печорске работал врач Иоллес, добровольно приехавший с началом Гражданской войны на Север из Франции. Выше уже отмечалось, что уездная Земская управа выделила средства на строительство в Усть-Цильме больницы, которую планировали открыть в 1920 г. Постепенно удалось увеличить количество гражданского медперсонала. Если в штате земства в начале 1919 г. были один фельдшер и один акушер, то в феврале 1920 г. имелись уже четыре врача, 14 фельдшеров и три повивальные бабки [15].

Важным направлением деятельности земства являлось социальное обеспечение населения: выплата различных пособий, в первую очередь пострадавшим от произвола большевиков. Архангельское губернское земство в 1919 г. выделило 100000 руб. на пособия лицам, пострадавшим в Печорском уезде от красных.

В Печорском уезде была создана специальная комиссия по оказанию денежной компенсации жертвам советских репрессий. Документы этой комиссии хранятся в некогда секретном фонде 1316 Национального архива Республики Коми [16]. Не было на Печоре ни одной деревни, где бы красноармейцы не произвели реквизиций и конфискации, а попросту грабежа в свою пользу. В течение зимы 1918–1919 гг. красные (база которых располагалась в с. Ижма, где стоял штаб Ижмо-Печорского советского полка) забирали у населения все, начиная от ложек и вилок и кончая коровами и лошадьми. А.П.Рочева из Усть-Усы жаловалась в Усть-Цилемскую Земскую управу, что в декабре 1918 г. красноармейцы увели у нее корову, забрали шесть сарафанов, женскую шубку, одеяло. У крестьянина Е.Г.Кожевина из Брыкаланска отобрали лошадь, овцу, забрали хомут, вожжи, топор, брюки, два шелковых платка, женскую кофту, женскую шубку, пару женских чулков. У А.Н.Терентьева конфисковали малицу, 30 аршин сатина, брюки, крест с цепочкой, два кольца, тарелку, два куса мыла, увели со двора лошадь. И.Х.Терентьев лишился трех охотничьих ружей, пять фунтов дробы, двух фунтов пороха, двух возов сена, розвален, рукавиц. Инвалид Н.К.Артеев из того же Брыкаланска сообщал, что красные увезли у него пять возов сена. У Р.С.Рочева в марте 1919 г. изъяли хомут, вожжи, три веревки. У Г.И.Канева из Кипиево увели лошадь, две пары брюк, настенные часы, сорок возов сена, 25 пар рябчиков. У И.М.Канева красноармейцы забрали пару детских сапог. Его однофамилец из того же Кипиева лишился швейной машинки, трех серебряных крестов, пяти брюк, четырех ножниц, двух кальсон, двух топоров, 10 фунтов масла, трех фунтов чая, всех вилок, ложек и столовых ножей. У крестьянина И.В.Вокуева из д.Захарвань в декабре 1918 г. красноармейцы перебили все окна в доме, убили на мясо корову. В д. Мутный Материк красноармейцы сожгли дом Е.М.Семяшкина [17]. Подобный разбой творился в Мохче, Сизябске, Бакуре, Ижме, Галово и всех других местах, где зимой 1918–1919 гг. стояли красноармейские гарнизоны.

Массовые репрессии красные провели в Брыкаланске. К.И.Попов в своих воспоминаниях особо отмечал, что «в селе Кычкара... Мандельбаум (командующий советскими войсками в Печорском крае – *М.Т.*) много расстрелял здесь людей». Сохранились документальные свидетельства о расстреле семьи Ф.Л.Кожевина (отца, матери и старшего брата). Были расстреляны муж А.В.Торопиной, сын И.К.Сметанина. В Кипиево красные расстреляли двух сыновей Ф.Е.Ануфриева. Репрессии

коснулись и причта православной церкви. Настоятель Усть-Цилемского собора о.Ифаил (Анфаил) Суровцев погиб мученической смертью. Он был приговорен к расстрелу, как один из активных деятелей Печорского правительственного комитета и принял мученическую смерть. Архангельские газеты писали: «Настоятель Усть-Цилемского собора о.Анфал Суровцев претерпел от большевиков мученическую смерть: захваченному в конце сентября о.Анфалу Суровцеву сначала причинили невыразимые страдания, так как целых 10 дней его били нещадно плетьюми, потом постепенно отрезали нос, уши, вырвали язык, застрелили на борту парохода и сбросили в реку».

За время пребывания красных в Печорском уезде в начале 1919 г. были расстреляны еще три представителя РПЦ. Временно исполняющий обязанности зав. Усть-Цилемским соборным приходом священник Иоанн Серебренников представил в Архангельский Епархиальный Совет рапорт о жертвах «красного террора» среди лиц духовного звания в Печорском уезде за первые месяцы 1919 г.: «9 января ст. ст. священник Кипиевского прихода о.Владимир Зуев был взят красноармейцами и увезен в Кычкар и здесь выстрелом из ружья – разрывной пулей в голову – убит. Умер он, как говорят очевидцы, от руки своего прихожанина, ставшего красноармейцем, истинно геройски: «благословейно перекрестившись, он благословил по направлению с.Кипиево. Красноармеец грубо закричал на него: «что ты машешь рукой», прибавив к этому площадную брань. Раздался выстрел и о.Владимира не стало. Тело священномученика две недели валялось на снегу и после того, как жена почившего уплатила красноармейцам 800 рублей, дали ей возможность положить в могилу. После ухода красных о.Владимир похоронен в ограде Кипиевской церкви 7 марта о.Николаем Истоминым. Все имущество о.Владимира Зуева разграблено красноармейцами. Вторую жертвой духовенства стал 19 февраля ст. ст. псаломщик Кычкарского прихода Петр Алексеевич Таратин, преклонных лет старец (свыше 70 лет). Его красноармейцы расстреляли в лесу за то, что будто бы он радовался приближению белоармейцев. Его также похоронил 11 марта ст. ст. священник Кычкарского прихода о.Николай Истомин. После почившего Петра Алексеевича осталась многочисленная семья: старший сын в белоармейцах, второй сын взят красноармейцами и увезен в Ижму, где и расстрелян. Вечная память мученикам... Священник Бакуринского прихода на Печоре о.Иосиф Распутин был схвачен красноармейцами, увезен в Ижму и там, привязанный к телеграфному столбу – расстрелян. Несмотря на мольбы жителей, его не позволили похоронить. Труп священника был обглодан собаками. О.Иосиф прослужил в этом приходе 23 года, за мягкость и кротость характера был особенно уважаем прихожанами...». В заключение своего рапорта Серебренников писал: «В Ижемском районе духовенству грозит от красных страшная опасность

и едва ли кто в них останется в живых, так как красные озверели». К расстрелу был приговорен благочинный Печорского уезда о.Василий Новиков. Однако в последний момент красные ограничились грабежом его личного имущества, конфисковав деньги, продовольствие и выгнав с квартиры. 9 марта 1919 г. о.Василий Новиков умер голодной смертью, специально инспирированной большевиками [18].

Направленный на Печору с инспекцией помощник начальника Архангельской губернии Б.В.Романов отправил в Архангельск отчет, где писал об ужасах «красного террора» в Печорском уезде: «Установлены следующие факты из действий большевиков в районе Ижмы, при посещении его 3-го апреля, т.е. через два дня после ухода большевиков. 1) Расстрелы и убийства могут быть подразделены на три категории: первая – месть и устрашение, активный расстрел, пытки и издевательства; вторая – расстрел по обвинению в чем-нибудь производился ночами; третья – убийство тайком, без шума, когда первые два повода отсутствуют, а люди казались опасными. Среди жертв первой категории много родственников наших партизан. Из числа их жена убитого в бою под Ижмой прапорщика Хозяинова, расстреляна после того, как ее восьмилетняя дочь убита 8-ю штыковыми ударами. Вторая группа наиболее многочисленна. Обвинение обычно – в контрреволюции. К третьему способу прибегали особенно в конце, перед уходом, очевидно, боясь со стороны населения взрыва отчаяния; так была убита группа солдат, вернувшаяся из немецкого плена и отказавшаяся поступить на службу красных. Всех их скопилось в Ижме до 50 человек, по уходе красных, остался один. Едва ли красные увели с собою хоть кого-нибудь, вероятнее, все убиты или брошены в прорубь. Число убитых установить было невозможно, да едва ли и будет когда-либо, так как бросание в прорубь практиковалось параллельно с убийством. Лично я видел более 50 трупов, из них до 25 в одной общей могиле, разрытой жителями, остальных просто брошенных на и вокруг кладбища. Узнать никого нельзя; кто не обезображен, тот поеден собаками. 2) Отношение большевиков к царившему среди населения голоду самое хладнокровное. Все съедобное вначале отбиралось у населения оптом. В дальнейшем остатки разыскивались по инициативе отдельных красноармейцев. Случаи угроз, побоев и насилия при этом неисчислимы. Хотя население не имело возможности ни защищаться, ни даже протестовать, набеги производились чаще ночами, что особенно отразилось на детях (видел сошедшего с ума 14-летнего мальчика). Коров в деревне осталось ничтожное количество. Молоко от них систематически отбиралось красными до последней минуты. В домах, где не осталось ни одной целой вещи, стояли недопитые бутылки молока, которые я видел 3 апреля. Жители в последнее время питались собачиной, редко кониной. Солома почти вся съедена еще в начале марта. Красные в то же время имели хлеб (от 1 1/4 фунта в

начале до 1/2 в конце), мясо в изобилии, так как резали скот, не считаясь ни с чем; и рыбу, которую привозили с Печоры, пока не была занята Кычкара и Кожва. От голода особенно пострадало село Мохча, где умерло к 1 апреля до 100 чел., и где должен был умереть еще не один десяток почерневших и опухших людей, для которых освобождение опоздало. Немногим лучше было положение семей сторонников красных, покинувших район вместе с большевиками. 3) Весь район, богатейшая часть Печорского уезда, подвергся полному и совершенному разграблению и погрому. Взято все, что имело какую-нибудь ценность. Вся домашняя утварь, вся одежда, кроме той, что на людях, все меха и, конечно, все деньги и ценности, которые систематически разыскивались в домах. (В Ижме уцелел один самовар, хозяин которого догадался выломать кран). В большинстве сколько-нибудь богатых домов, вся обстановка разгромлена. Я видел дом, в котором ни одной ножки стульев, столов, кроватей не оставлено целой. Из всех шкафов, комодов все увезено чисто. Лошади угнаны почти все. В селе Ижме осталось 5 лошадей. Обоз большевиков состоял из 1500 подвод, растянувшихся на 30 верст. Говорилось, что на дом будет оставлено по одной корове, но на деле много домов без скота, а уцелевшая скотина еле держится на ногах, так как за сеном для скота ездить было не на чем – все лошади работали на большевиков. Часть населения, семьи и родственники красных добровольно ушли, часть мест; многие были уведены насильно, как, например, фельдшерский персонал. Врач оставлен лишь потому, что болел сыпным тифом. Уведены почти все девушки, до того распределенные между красными. Большевики изображали себя футуристами. Раскрашенные физиономии, женские наряды, всякие пестрые ленты, нашитые в большом количестве на одежде, и другие юродства были обычны и имели особенно отвратительный вид среди шатающегося от голода населения и непогребенных трупов, население почти не выходило из домов. В сумерки стреляли без предупреждения по каждому прохожему, по каждому освещенному окну. Терроризированное население встретило белых колокольным звоном, а затем разошлись по домам и снова впало в глубокую апатию» [19].

Специальная земская комиссия в составе Г.Г.Недашковского, начальника уездной милиции Авдутьева, начальника Печорского уезда Г.П.Алашева и представителей волостных земств организовала сбор заявлений от пострадавших граждан. В сентябре 1919 г. земская комиссия начала выплату пособий. Причем, пособие выплачивалось исключительно бедным семьям, пострадавшим от красных. Ущерб у богатых решено было не компенсировать. Например, пособие не получил Н.В.Сметанин из Брыкаланска. Комиссия отмечала, что он действительно пострадал от красных, у него увели лошадь и много вещей, но «в пособии не нуждается в виду состоятельности». В Галово 24 гражданам отказали в выдаче пособия «в виду их состоятельности». В Бакуринской

волости 40 чел. не получили пособия по той же причине, в том числе священник И.Артеев. В Ижме пособие получили 44 чел., отказали 31 состоятельным, в том числе священнику Н.Порфирьеву. В Сизябске 43 чел. получили пособие, 80-ти отказали. Пособие не получила даже вдова расстрелянного красными сизябского священника В.Зуева, поскольку ее сын работал регистратором в уездной милиции и получал казенное жалование. Сумма пособия колебалась от 100 до 750-1000 руб. в зависимости от понесенного ущерба. Кроме пособий беднейшему населению, пострадавшему от красных, Печорская уездная Земская управа распределяла суммы пособий семьям пленных солдат – участников I Мировой войны (было выделено 50 тыс. руб. на эти цели); семьям солдат и партизан Северной Добровольческой Белой армии (100 руб. на семью ежемесячно) [20].

В отношении лиц, служивших на советской службе и оставшихся на Печоре после эвакуации красных, местное население устраивало самосуды, производило опись имущества для конфискации. Предупреждения властей не останавливали самосуды, которые приняты такой размах, что 8 июня 1919 г. начальник Печорского уезда Г.П.Алашев издал приказ о немедленном прекращении «безобразного произвола» – самочинных обысков и расстрелов. В приказе отмечалось, что «... непрерывные жалобы и донесения пострадавших и обиженных указывают, что самочинные обыски, даже расстрелы не прекращаются. Подобный произвол создает в умах впечатление о новой власти не как о носительнице здоровых начал законности и правопорядка, а как о власти, чуждой этим началам...». Известны отдельные факты вмешательства властей в устраиваемые самосуды населения. Так, в Красноборе в марте 1919 г. волостная управа организовала обыск у учителя В.В.Ильина, акушерки Е.И.Березиной и фельдшера И.И.Чопа. Обыск был произведен на том основании, что у вышеупомянутой троицы «красные ничего не взяли». Во время обыска обнаружили запасы муки. 29 марта 1919 г. уездный правительственный комиссар есаул Н.П.Ушаков в специальном письме в Красноборскую управу заметил, что «произведенный Вами обыск считаю незаконным... Повторение подобного превышения власти повлечет за собой самые серьезные неприятные для Вас последствия». Начальником Печорского уезда Г.П.Алашевым в декабре 1919 г. была составлена для начальника уездной милиции специальная «Инструкция», в которой отмечалось: «... чины вверенной Вам милиции совершенно не понимают возложенных на них служебных обязанностей и не соблюдают порядка и законности при исполнении служебных обязанностей, вызывая тем самым по отношению к себе заслуженное неуважение и нарекания со стороны граждан». Алашев рекомендовал милиционерам: «1. Быть вежливыми, почтительными и предупредительными в отношении со всеми гражданами, независимо от их званий, чина и общественного

положения. 2. Уважать неприкосновенность личности, жилища и имущества каждого гражданина. 3. Никто из чинов милиции не имеет права производить самостоятельных обысков, арестов или дознаний без приказа начальника милиции или иных высших должностных лиц. 4. При производстве арестов или обысков или дознаний милиционер, коему поручено производить оных обязан предъявить постановление об аресте тому лицу, арест или обыск которого производится». Однако все постановления и мероприятия властей оставались по существу на бумаге. В какой-то мере способствовал стабилизации обстановки приказ № 126 генерал-майора В.В.Марушевского о выезде за пределы Северной области всех лиц, симпатизирующих большевизму. С Печоры за линию фронта была выслана группа бывших ссыльных революционеров-борцов с царским режимом. Смогли выехать на родину также несколько бывших военнопленных Германии и Австро-Венгрии, волею случая очутившиеся на Печоре [21].

4 июня 1919 г. ВПСО на специальном заседании постановило «переименовать должности комиссаров в начальники губерний и уезда», поскольку «население присоединяемых областей с недоверием встречает назначаемых комиссаров, думая, что возвращаются большевистские комиссары».

В штабе Печорского района долго обсуждался вопрос о 600 советских беженцах, покинувших Печору весной 1919 г. и попавших в ноябре 1919 г. в плен на Вычегде. Штаб несколько раз запрашивал Архангельск, «как поступить с захваченными беженцами... которые добровольно бежали в прошлом году с большевиками... но попали в наши руки... многие из них участвовали в ... грабежах. Местные общества их обратно не принимают, как вредный элемент... Как поступить с ними, разрешить ли им вернуться на родину или отправить их через фронт в Совдепию?» Судьба беженцев до сих пор до конца не выяснена. В советской историографии утверждается, что 225 чел. из них были расстреляны. В то же время специальные списки погибших от белого террора в годы гражданской войны в Коми крае не содержат фамилий печорских беженцев.

Печора являлась оплотом белых на Севере России. На случай поражения Северного фронта в Архангельске даже существовал план эвакуации ВПСО и части войск на Печору для продолжения борьбы с большевиками (об этом пишет, например, бывший военный прокурор Северной области С.Ц.Добровольский). В самом конце войны на Севере генерал-лейтенант П.П.Петренко получил полномочия командующего всеми вооруженными силами Мезенского и Печорского районов и возможность автономных действий в этом регионе. Однако к этому моменту ситуация на Печоре резко изменилась. 14-15 февраля 1920 г. в Ижме вспыхнул бунт расквартированных в селе солдат нестроевой роты и пулеметной команды 10-го Северного Печорского полка. Бунтовщики аресто-

вали штаб Печорского района во главе с полковником В.Ахаткиным и двинулись на Мохчу, где к ним присоединились учебные команды новобранцев. Численность мятежников достигла около 600 штыков. В Ижме был образован ревком в составе 14 чел. под председательством фельдфебеля Матвеевко. Традиционно считается, что мятеж был организован пленными большевиками и красноармейцами, сидевшими в ижемской тюрьме, однако большевики, по архивным данным, продолжали сидеть в тюрьме и после победы бунтовщиков. К.И.Попов писал в своих воспоминаниях, что «и после переворота арестованных красных в Ижме водили под конвоем». Арестанты, как белые, так и красные недоумевали, кто же захватил власть в Ижме. Только после официального известия о падении Архангельска пленные большевики были освобождены, а Ижемский солдатский ревком признал власть Советов.

Поводом для солдатского бунта на нижней Печоре стал ложный слух о переброске 10-го Северного Печорского полка сначала на архангельское направление Северного фронта, а оттуда в Норвегию. Солдаты полка, в абсолютной массе своей коренные жители Печоры, не желали покидать родные места и пошли на открытое выступление. Для подавления бунта начальник Печорского уезда Г.П.Алашев вызвал войска из Усть-Вашки. Кроме того, к Ижме и Мохче подтягивались роты 10-го полка, не примкнувшие к бунтовщикам и ополченцы под общим командованием поручика А.А.Рочева. Однако известие о падении Архангельска оказало деморализующее воздействие на последние боеспособные белые части на нижней Печоре – они тоже присоединились к мятежникам. Войска из Усть-Вашки не прибыли. 21 февраля 1920 г. Алашев официально известил волостные земства о падении Северной области и созыве в Усть-Цильме общего собрания граждан «... для обсуждения текущих событий». На этом собрании возник Временный Печорский уездный ревком под председательством бывшего земца Г.Г.Недашковского, к которому и отошла власть до прихода советских частей. 25 февраля 1920 г. уездный ревком послал приветствие VI Красной Армии. Ижемский солдатский ревком функционировал самостоятельно, не подчиняясь уездному ревкому до 1 марта 1920 г. За это время из-под ареста по настоянию части солдат были освобождены несколько офицеров, в частности, штабс-капитан Коробов, военный делопроизводитель Уткин. Таким образом, в 20-х числах февраля 1920 г. нижнепечорская группировка белых прекратила свое существование, а власть перешла в руки Временного Печорского уездного ревкома.

28 февраля 1920 г. на переговорах с представителями советских войск под Троицко-Печорском делегация верхнепечорской группировки войск белых заявила о возможности создания в верховьях Печоры и Вычегды Печорской республики – это единственный проект национально-государственного строительства на территории Коми края в годы войны,

выдвинутый белыми. Идея создания Печорской республики принадлежала капитану В.Шульгину и председателю батальонного реввоенкома (незадолго до капитуляции Белой армии в ее частях были созданы ревкомы – *М.Т.*) 10-го Северного Печорского полка Пыжину.

Белые предложили завершить гражданскую войну в Коми крае на следующих условиях: «1. Прекращение активных действий с обеих сторон. 2. Не вводить советские войска в Троицко-Печорский район и в пределы реки Печора... 4. Должны быть даны полные гарантии со стороны советских войск о недопустимости какого бы то ни было террора, как-то убийств, грабежа, насилия, произвола, мародерства, спекуляции, так как таковые нами считаются подсудными преступлениями. 5. Должны быть гарантии всеобщего избирательного права пользующихся авторитетом и доверием от населения лиц...» Предусматривалось создание в верховьях Печоры и Вычегды особой территории – так называемой «нейтральной зоны», свободной прежде всего от советских войск, где будет создано местное самоуправление на основе всеобщего избирательного права [22]. Однако 1 марта 1920 г. командарм 6-й Красной Армии А.А.Самойло отклонил предложение о Печорской республике. В ходе развернувшихся боев верхнепечорская группировка белых была разбита. Судьба авторов проекта Печорской республики неизвестна.

Командарм А.А.Самойло писал в полевой штаб РВС армии: «Ввиду удаленности Печорского края и невозможности отправки отрядов на Печору, и особенно их снабжения, РВС VI армии предлагал: воинские белогвардейские части распустить по приемке их на регистрацию и по сдаче всего оружия, снаряжения нашим частям или местным ревкомам; внутреннюю охрану края возложить и передать губвоенкомам». Парадокс, но советскую власть на Печоре в ряде мест утверждали бывшие белогвардейцы. Показательна в этой связи судьба С.М.Шиманского – виртуозного печорского провокатора с дореволюционным стажем, белогвардейского агента, одного из первых коми Героев Труда Социалистического Отечества, человека, переписывавшегося в начале 1920-х гг. с самим вождем мирового пролетариата.

Родился Сергей Михайлович Шиманский в 1881 г. в г.Валдае, получил профессию типографского наборщика. В годы первой российской революции он вступает в партию эсеров, участвует в организации подпольных типографий в Санкт-Петербурге, знакомится с видными деятелями Петербургской организации эсеров Демьяном Бизюком, Колосовым, Слепяном и др. В сентябре 1906 г. Шиманский был арестован и посажен в тюрьму. Вышел он из нее уже агентом охраны под кличкой «Фрол» (в дальнейшем работал также под прозвищем «Петрозаводский»). В списке агентов охраны по партии эсеров сотрудник Шиманский значился под номером 13, получая в месяц 75 руб. вознаграждения.

В течение трех лет Сергей Михайлович вел двойную жизнь революционера и провокатора. Работал он артистично: сначала создавал подпольную типографию, организовывал выпуск нелегальной литературы, а потом сам же и доносил на дело своих рук в полицию. Таким образом, издание революционной литературы в столице империи вскоре стало весьма проблематичным. Провалилась даже глубоко законспирированная типография, где печатался центральный орган партии эсеров – журнал «Знамя труда». Заодно охранка выследила типографии и социал-демократов (большевиков). Выпуск всей революционной литературы в Санкт-Петербурге временно был приостановлен и все благодаря С.М.Шиманскому.

В 1910 г. Шиманского внезапно сослали в далекий Печорский край, в Усть-Цильму, по всей видимости, со спецзаданием полиции. В его обязанности политссыльного входило информировать власти о жизни и деятельности ссылки. По словам бывшего эсера Б.В.Бабина-Корня, проходившего свидетелем в 1926 г. по делу Шиманского, «...особо важного Шиманский о ссылке сообщать не мог, так как важной партийной работы ссылка не вела, но он мог сообщать о всей обыденной жизни ссылки и ее организациях, за которые особенно строго преследовала жандармерия». В 1913 г. Сергей Михайлович получил от полиции «отпуск» и два года отдыхал в Петербурге, после чего снова вернулся на Печору.

В годы революции и гражданской войны печорские крестьяне избирают политссыльного Шиманского членом уездного исполкома Совета крестьянских депутатов. В декабре 1918 г. после занятия Усть-Цильмы белыми Шиманский был арестован и отправлен под конвоем в Архангельск, как член Совдепа. Но в Архангельске тотчас выяснилось, что на самом деле арестант «свой». По просьбе белогвардейского командования Сергей Михайлович пишет обширный доклад о социально-экономическом положении в Печорском уезде, предоставляет важные данные о местных политических лидерах и организациях.

После вступления Красной Армии в Архангельск С.М.Шиманский с мандатом архангельского губисполкома возвращается на Печору, как «организатор советской власти в Абрамовской, Бугаевской, Ермицкой и Пустозерской волостях». Его здесь встречают как советского героя. В 1921 г. вместе с большевиком А.Ф.Забоевым, назначенным редактором уездной газеты «Красная Печора», Шиманский организует первую в этих местах типографию и становится ее заведующим. Как написано в книге «Борцы за советскую власть», изданной Коми книжным издательством в 1988 г., «...небольшого размера (1/2 листа писчей бумаги), тиражом 650 экз., газета выходила два раза в неделю. Почти в каждом номере были материалы редактора, в которых разъяснялась национальная политика партии, поднимались вопросы подъема экономики края,

приветствовались герои труда... В одном из апрельских номеров 1921 г. газета писала: «В марте с.г. т.Забоевым была послана наша газета т.Ленину».

На самом деле инициатива отправки газеты вождю принадлежала не только Забоеву, но и Шиманскому. Об этом пишет в своих воспоминаниях член печорского укома РКП(б) А.А.Потапова, хранящихся ныне в фондах Коми республиканского государственного архива общественно-политических движений и формирований: «Письмо В.И.Ленину было подписано А.Ф.Забоевым и С.М.Шиманским. Ответное письмо Ленина начиналось «Товарищам Забоеву и Шиманскому»». Публикуя в номере от 11 июля 1921 г. ответ Владимира Ильича, редакция решила опустить фамилии. Так вот и появилось единственное послание В.И.Ленина коми журналистам и издателям: «Спасибо, дорогие товарищи, за присланную газету «Красная Печора». От души желаю Вам успеха в нашей трудной общей борьбе с хозяйственной разрухой, темнотой и невежеством. Пусть эта маленькая газетка послужит светлым началом грядущего расцвета этого далекого и холодного края. Надеюсь, что общими усилиями трудящихся масс мы скоро одолеем и этого внутреннего врага, точно так же, как одолели внешнего». Как писали авторы «Очерков по истории Коми АССР», изданных в 1962 г., письмо «...В.И.Ленина являлось программой действий для работников печати... и всех трудящихся Коми области».

В 1924 г. С.М.Шиманский первым в Коми области был удостоен редкого в те времена почетного звания Герой Труда Социалистического Отечества. Это звание, официально утвержденное ВЦИК и Совнаркомом СССР только 27 июля 1927 г., присваивалось «лицам, имевшим особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы и проработавшим в качестве рабочих или служащих не менее 35 лет)». Приветственный адрес в честь Героя подписал весь состав Ижмо-Печорской организации РКП(б), хотя виновник торжества официально числился беспартийным. 10 мая 1924 г. «Красная Печора» опубликовала большую хвалебную статью о Шиманском, подписанную первым секретарем укома РКП(б) Ф.С.Коковкиным (любопытно, что в комплекте газеты за 1924 г., хранящемся ныне в фондах Национального архива Республики Коми, не хватает одного-единственного номера и как раз за 10 мая).

Через год разразился скандал. В архивах царской полиции были обнаружены доносы Шиманского. Большевики наконец-то нашли человека, который провалил их петербургские типографии за несколько лет до I Мировой войны. В сентябре 1925 г. Шиманского арестовали и привезли в Усть-Сысольск. На его квартире в Ижме был произведен обыск, ничего компрометирующего, разумеется, не нашли, но обвинительного материала, правда, дореволюционных лет, хватало с избытком. Особую пикантность ситуации придавало письмо Ленина бывшему

провокатору. 5 ноября 1925 г. партколлегия Коми ОКК РКП(б) на своем специальном заседании постановила срочно снять звание Героя Труда Социалистического Отечества с С.М.Шиманского.

В январе 1926 г. ленинградский отдел ОГПУ распорядился этапировать заключенного «по месту совершения преступления» в Ленинград, однако этап по неизвестным причинам не был осуществлен. Следствие по делу проходило в Усть-Сысольске. Шиманский сознался в своей работе на царскую охранку, поведал в порыве раскаяния и о своей службе у белогвардейцев. Время до вынесения приговора Шиманский провел, читая книги в камере и участвуя в спектаклях тюремного театра. 19 апреля 1926 г. Особое совещание при коллегии ОГПУ вынесло ему приговор о высшей мере наказания «за преступления, предусмотренные статьями 58 часть 1, 61 и 67 УК» (преступления против порядка управления и контрреволюционные). В час ночи 28 июля Шиманский был выдан коменданту ОГПУ Баюкину для «приведения в исполнение приговора». Уже упоминаемая Потапова в своих воспоминаниях пишет, что перед расстрелом Шиманский снял свои сапоги и попросил передать их Ф.С.Коковкину, с которым дружил. Что это было? Жест презрения или последний провокаторский расчет? Во всяком случае, Коковкину поставили на вид за связь с провокатором. После 1926 г. фамилия С.М.Шиманского исчезла как из истории коми печати, так и вообще Коми края [24].

Печорские советские власти в апреле 1920 г. были вынуждены даже издать специальный приказ к населению Печоры под № 27, в котором угрожали всеми карами революционного времени тем, кто по-прежнему считал красных врагами народа: «... под страхом суровой ответственности перед революцией, всякое притеснение лиц, причастных к революции – прекратить. Каждый сознательный гражданин, у которого бьется революционное сердце, должен помочь пострадавшим от контрреволюции, а не издеваться над ними» [23].

Отдельные белогвардейские офицеры на Печоре из числа непримиримых после поражения Белой армии на Севере не сложили оружия. Вплоть до 1922 г. по печорским лесам и тундрам бродили и пытались как-то продолжить борьбу с большевиками малочисленные отряды белых, традиционно называемые в советской историографии «белыми бандами». Одной из таких «белых банд» являлся отряд поручика А.А.Рочева, в 1921 г. попытавшийся захватить Усть-Цильму и несколько месяцев контролировавший Усинский район Печорского уезда.

Началось все с того, что 17 марта 1921 г. под руководством эсеров вспыхнул мятеж в Обдорске (Салехарде). Красноармейский гарнизон и советские беженцы оставили город и, перевалив Урал, разместились на реке Усе на территории Печорского уезда в селениях Петрунь, Абезь, Фион, Ошвор, Роговая. Штаб салехардской группировки разместился в

Петруни, там же стоял наиболее крупный отряд красных под командованием М.В.Харахорина. 14 апреля 1921 г. отряд салехардских мятежников под началом Фурлет Ваня и Сергеева, идущий по следу беженцев, напал на заставу в Ошворе, где размещалась полурота красноармейцев в 60 штыков под командованием Сергиенко. В бою застава была уничтожена, уцелели только три красноармейца И.И.Мунаров, Войцеховский и Витязев, которые добрались до Петруни. Ошворские события всколыхнули весь Печорский уезд. В Усть-Цильме возник штаб подготовки антибольшевистского восстания на Печоре, возглавляемый, как можно догадаться, Г.Г.Недашковским. В штаб входили ряд ответственных советских работников уездисполкома, уездвоенкомата и других органов. А.А.Потапова пишет в своих воспоминаниях, что советские руководители накануне Усинского волнения (получившего впоследствии известность, как «рочевщина») все выехали: кто в Архангельск, кто в Усть-Сысольск, так что одно время вся власть в красной Усть-Цильме принадлежала двум женщинам – А.А.Потаповой и О.Д.Родевой, членам печорского укома РКП(б). По некоторым данным, антибольшевистский штаб возник и в Троицко-Печорске, где распространялись эсеровские листовки. 30 апреля банда Исаака Меркуша неожиданно напала на архангельский продотряд В.И.Виноградова в деревне Ниедзьель на реке Усе и перебила его. Виноградов погиб. Тогда же был убит советский связной Туркель, посланный из Петруни в Усть-Цильму. В некоторых источниках указывается, что именно Туркель был начальником всего салехардского советского отряда, но Т.Губерман утверждает, что он был лишь рядовым работником штаба. 3 мая в Ниедзьель подошел отряд поручика А.А.Рочева, возглавившего повстанческое движение.

Имущество экспедиции В.И.Виноградова и ценности, которые вез Туркель, были разграблены. По словам одного из мятежников, Ивана Гичева, в руки белобандитов попали бочки с золотом, серебром, ткани, шелка и другой всевозможный товар (надо сразу заметить, что бочки с золотом и другие ценности были захоронены, да так, что до сих пор место клада не обнаружено – М.Т.). В середине мая 1921 г. Рочев занял Колву, где в его отряд вступили десятки местных крестьян, в том числе секретарь колвинского волисполкома В.С.Филиппов, назначенный командиром взвода повстанцев. Точная численность отряда Рочева неизвестна, но составляла не менее 200 чел. В мае 1921 г. печорские повстанцы контролировали часть Усинского района от Ниедзьеля до Колвы, имея связь с Ляпино и Салехардом. Среди населения получили распространение листовки «Да здравствует Советская власть без Коммунистов!» издания Главного Штаба Народной Армии в Тобольске, в то время центре Западносибирского антибольшевистского восстания. Многие большевиков в Усинском районе зверски казнили.

В Печорском уезде было объявлено осадное положение. 29 мая 1921 г. газета «Красная Печора» открыто признала, что на территории уезда идут бои и что «... в нескольких селениях по реке Усе бандитами разграблены местные кооперативы и склады, расхищена часть мяса, предназначенного для распределения населению, бессмысленно испорчена часть постелей, приготовленных к переделке на замшу... затрудняется наш план весенней доставки части Ляпинского и Обдорского хлеба через Урал». Для подавления повстанческого выступления срочно были направлены красноармейские отряды и части ЧОН из Архангельска и Чердыни. Штабы повстанцев в Усть-Цильме и Троицко-Печорске были раскрыты и арестованы (судьба Г.Г.Недашковского, к сожалению, неизвестна). 6 июня 1921 г. красные в Зауралье овладели Ляпино, где им сдались около 200 повстанцев при одном офицере. К концу июня Западносибирское восстание было окончательно ликвидировано регулярными частями Красной Армии. 29 июня 1921 г. отряд поручика Рочева, преследуемый со всех сторон архангельскими, чердынскими и салехардскими частями красных, был окружен у д. Калякурья на Усе (интересно, что проводники красных постоянно пытались увести советские отряды в сторону от повстанцев, пугали следы и в конце концов вывели прямо на заставу мятежников, дав возможность последним предупредить своих о появлении противника). Участник событий тех лет на Усе Н.А.Терентьев писал в своих воспоминаниях, что во время преследования отряда Рочева «...нужна была осторожность, ибо население могло обмануть». По словам Терентьева, во время подавления Усинского волнения части красных, запутанные сложной обстановкой, однажды вступили в перестрелку друг с другом в районе Усть-Усы. Отряд милиции под начальством Шубина два часа вел бой с применением пулеметов с пароходом красноармейцев «Межень», приняв его за пароход белобандитов. Окруженных в Калякурье мятежников несколько часов обстреливали из пулеметов, потом красноармейцы атаковали деревню с криками «ура». Перед самой атакой к красным перебежал Иван Гичев, сообщивший, что самого Рочева в Калякурье нет.

Участник боя, чоновец А.И.Семяшкин рассказывал о взятии Калякурьи: «Среди жителей сел и деревень прошел слух, что банды Рочева-Манзадея обитают в междуречье Косью и Сыни – в тихих, немногочисленных местах. Принимается решение двумя отрядами подняться одновременно по Косью и Сыне. Я был в составе отряда, идущего по Косью. Вторая половина июня месяца. Дни светлые, погода теплая, тихая. Наш маленький пароход, равномерно шлепая колесами по воде, с трудом преодолевает сильное течение реки. Вот показалась небольшая деревушка Калякурья. Раздается команда занять места на носу судна. Зашевелились пулеметчики, по бортам, где кому удобно, разместились солдаты с винтовками. Занималось утро. Над лесом повисло солнце, в

воздухе чувствовалась утренняя прохлада. Бандиты, видать, только встали, тревоги не чувствовалось. Некоторые в нижнем белье играли в городки, другие занимались утренним туалетом. Как только пароход повернул к берегу, сразу же ударили наши пулеметы. Среди бандитов началась паника. Многие устремились к лесу, а небольшая группа с винтовками наперевес побежала к воде и стала отстреливаться, стоя по грудь в воде и ведя прицельный огонь. С приближением парохода выстрелы начали затихать. Было много убитых, раненых. А кто успел убежать, скрылись в лесу». Потери повстанцев под Калякурьей оцениваются по-разному. Н.А.Терентьев пишет, что белобандиты потеряли 16 чел. убитыми, Т.Губерман утверждает, что повстанцы только убитыми потеряли 80 чел. и 20 чел. были ранены [25].

После этого боя Усинское волнение на территории Печорского уезда считалось подавленным, хотя отдельные группы недовольных советской властью (например, банды Кондакова, Дурасова, Петра Рочева, Нерьяки-Мишки и др.) скрывались в тундре и на реке Воркуте до конца 1922 г. и, по мнению современников, «каждый оленевод для них был приютом и долго еще пришлось их искать». Сам А.А.Рочев был выдан собственными дружками в сентябре 1921 г. и без суда расстрелян в Усть-Усе (заодно расстреляли и дружков). Одновременно с ликвидацией отряда Рочева прошла операция по обезоруживанию повстанческого отряда Е.Кириллова, попытавшегося закрепиться на Пижме. Пойманные печорские белобандиты получили разные приговоры о наказании. Так, например, М.Е.Канев, застреливший В.И.Виноградова, был приговорен сначала к высшей мере, но по случаю пятой годовщины Октября отделался пятью годами заключения. Меркурий Рочев (он был пойман после боя в Калякурье, но по дороге сбежал, убив конвоира Смирнова, и сдался властям только в конце 1922 г.), один из активных помощников А.А.Рочева, вначале тоже был приговорен к расстрелу, но по случаю амнистии получил 10 лет заключения. В.С.Филиппов был осужден на пять лет заключения. Большинство мятежников «отделались» пятью годами сроков наказания. Правда, неизвестно, что с ними произошло в 1930-е гг.

Итак, с подавлением «рочевщины» Печорский уезд окончательно признал власть большевиков. Подводя итоги социально-хозяйственных мероприятий земства и военной администрации Белой армии на территории Печорского уезда в годы Гражданской войны, следует особо подчеркнуть, что не только «... грабежи, расстрелы, тюрьмы... несли белогвардейцы беднейшей массе деревни», как написано в старых публикациях по истории революции на Севере. При белых, несмотря на военное положение, на Печоре функционировали школы, больницы, пароходство, ремонтировались дороги, прокладывались телефонные и телеграфные линии, обеспечивалось продовольственное снабжение населения, т.е. осуществлялась политика, главным в которой являлось все же не прове-

дение репрессий, а создание необходимых реальных условий для борьбы с большевизмом.

Литература и источники

1. Архив русской революции. – М., 1991. – Т. 3–4. – С. 76.
2. Вестник Временного правительства Северной области, 1920. – 3 янв.
3. Государственный архив Ненецкого автономного округа. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5. Л. 68–69; Хабаров В.П. Октябрь и гражданская война на Печоре. – Нарьян-Мар, 1999. – С. 56.
4. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 1293. Оп. 1. Д. 41. Л. 37, 73; Д. 42. Л. 3, 7; Д. 48, Л. 47.
5. Там же. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 11. Л. 5; Д. 13. Л. 35.
6. Там же. Ф. 1293. Оп. 1. Д. 4. Л. 37; Д. 41. Л. 118, 129; Д. 44. Л. 35, 74.
7. Там же. Ф. 1293. Д. 14. Л. 10; Ф. 1316. Оп. 1. Д. 14. Л. 5, 16 об; Ф. 1715. Оп. 1. Д. 93. Л. 150.
8. Там же. Ф. 1293. Оп. 1. Д. 92. Л. 1; Ф. 1320. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
9. Миллер Е.К. Борьба за Россию на Севере // Белый Север. – Архангельск, 1993. – Вып. 1. – С. 25.
10. НАРК. Ф. 1293. Оп. 1. Д. 44. Л. 36.
11. Терентьев А. Печора в гражданской войне. – Сыктывкар, 1933. – С. 24.
12. НАРК. Ф. 1293. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.
13. Там же. Д. 4. Л. 20.
14. Там же. Ф. 1293. Оп. 1. Д. 91. Л. 11; Ф. 1320. Оп. 1. Д. 40. Л. 22.
15. Там же. Ф. 1293. Оп. 1. Д. 58. Л. 38.
16. Там же. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–5, 7–9, 13 об; Д. 18. Л. 1–2, 7, 11, 29, 31; Д. 21. Л. 1, 4, 5, 8.
17. Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований (КРГАОПДФ). Ф. 520. Оп. 1. Д. 21; Северное утро (Архангельск), 1919. – 23 (10) февр.
18. НАРК. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 16. Л. 14; Северное утро, 1919. – 9 апр. (27 марта); –18 (5) апр.
19. Северное утро, 1919. – 30 (17) апр.
20. НАРК. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 16. Л. 10–14.
21. Там же. Ф. 1293. Оп. 1. Д. 67. Л. 144; Ф. 1715. Оп. 1. Д. 18. Л. 514.
22. КРГАОПДФ. Ф. 520. Оп. 1. Д. 52. Л. 79–80.
23. НАРК. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–16 об.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 1. Д. 1 ч. Л. 57, 171; Ф. 4888. Оп. 5. Д. 727. Л. 16; НАРК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 13. Л. 12.
25. КРГАОПДФ. Ф. 520. Оп. 1. Д. 41. Л. 14; Губерман Т. Не забывайте Ошвор // Войвыв кодзув (Северная звезда), 1972. – № 5. – С. 47 (на коми яз.); Шашок В., Лыткин Л. Село у Полярного круга. – Сыктывкар, 1991. – С. 19.

С.А.Кропачев*

**ЭВОЛЮЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ О ПОТЕРЯХ СССР И ГЕРМАНИИ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

В 2005 г. в России широко отметили 60-летие Победы СССР в Великой Отечественной войне. Для тех, кто пережил войну и для их потомков, Победа навсегда останется величайшим событием XX века. Важнейшей нравственной и научной проблемой является цена, которую народы СССР заплатили за разгром врага, достижение Победы. На разных этапах послевоенной отечественной истории вопрос о потерях в войне становился предметом острых научных дискуссий, политических игр, идеологических противоборств. В советский период история войны и ее итоги стали заложниками глобального противостояния между Востоком и Западом, аргументами в споре об исторических преимуществах того или иного общественно-политического строя.

Официальная отечественная историография Великой Отечественной войны в целом и ее демографических последствий, в частности, прошла сложный и извилистый путь. От прямых фальсификаций и лжи о потерях СССР в войне до глубоких и объективных исследований, которые приближают нас к исторической правде.

Выделим несколько этапов в истории изучения потерь сторон в 1941–1945 гг.

I этап приходится на вторую половину 1941 – середину 1950-х гг. Первые оценки потерь основных противоборствующих сторон относятся к 1941 г. Завершается этот этап примерно в 1955–1956 гг., когда после смерти Сталина публикации, содержавшие перечисление исключительно позитивных итогов войны, постепенно сокращаются.

II этап тесно связан с хрущевской «оттепелью» и датируется серединой 1950-х – серединой 1960-х гг. Несомненно, его начало относится к 1956 г., XX съезду КПСС, а завершается он примерно в 1965 г., когда была опубликована в издательстве «Наука» книга А.М. Некрича «1941, 22 июня». Последовавшая резкая официальная критика этой книги стала своеобразным водоразделом между «оттепелью» и «застоем» в исторической науке, она словно провела жирную черту под вольностями хрущевской эпохи.

III этап мы датируем второй половиной 1960-х – серединой 1980-х гг. В 1965 г. вышел последний, шестой том фундаментальной «Истории Великой Отечественной войны», сданный в набор в августе 1964 г., еще

*Кропачев Сергей Александрович (Краснодар) – кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета.

при Хрущеве. В следующем году в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС прошло обсуждение книги А.М.Некрича «1941, 22 июня», носившее якобы «абсолютно неофициальный характер» [1], но на деле приведшее (понятно, не только одно это обсуждение) к запрещению книги, частичному уничтожению экземпляров, хранившихся в библиотеках, и исключению автора книги из КПСС [2]. Начиная с этого времени, фактически был наложен запрет на острые публикации по истории войны, исследование сложных, противоречивых проблем, включая и истинные военные потери. Завершается этот этап примерно в 1985 г., когда Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев, объявивший политику гласности и перестройки.

IV этап, пожалуй, самый непродолжительный, но очень важный и даже переломный. Он продолжался со второй половины 1980-х до начала 1990-х гг. Начало этого этапа приходится на 1986–1987 гг. – время первых острых публицистических материалов в СМИ, в том числе посвященных войне, а завершается он примерно в 1992 г. К этому времени в «активе» историков были не только серьезные статьи, но и первые монографии, в которых назывались ошеломляющие цифры прямых и косвенных потерь СССР в 1941–1945 гг. [3]. 8 мая 1990 г. на торжественном заседании Верховного Совета СССР, посвященном 45-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, М.С.Горбачев обнародовал в округленном виде новую официальную версию о числе погибших советских граждан в 1941–1945 гг. – «почти 27 млн. человек» [4].

V этап начинается в 1993 г. В этом году вышла «в свет» книга «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». Начиная с 1993 г., последовательно выходят исторические, статистические, демографические исследования, в которых различные аспекты темы о потерях СССР и Германии в Великой Отечественной войне становятся предметом всестороннего, объективного анализа.

Важнейшими чертами I этапа историографии стали сокрытие истинных данных о потерях СССР в войне, прямые фальсификации на этот счет, завышение сведений о числе погибших военнослужащих и мирных граждан Германии. Литература, выходящая в эти годы, носила исключительно прикладной, пропагандистский характер. Ее задачей являлось обслуживать главный идеологический постулат об итогах войны, а именно: «...победа означает прежде всего, что победил...советский общественный строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность» [5]. Нечего и говорить о том, что в литературе 1940 – первой половины 1950-х гг. даже в постановочном плане не поднимались вопросы о структуре потерь в годы войны, числе военнопленных, масштабах политических репрессий, депортаций и др.

Первым автором, опубликовавшим данные о масштабах потерь СССР и Германии в первые месяцы войны, был И.В. Сталин. Выступая с докладом на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 г., он заявил: «За 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек, а раненых имеем 1 миллион 20 тысяч человек. За тот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными более 4-х с половиной миллионов человек.

Не может быть сомнения, что в результате 4-х месяцев войны Германия, людские резервы которой уже иссякают, – оказалась значительно более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только теперь разворачиваются в полном объеме» [6].

В своем докладе, по расчетам ряда авторов, Сталин завысил потери врага в 6,5–6,9 раза, а собственные снизил в 6–8 раз [7]. Налицо явная фальсификация данных о советских потерях. Не мог Сталин не знать истинного (или близкого к нему) положения дел. Известно, что только пленными Красная Армия в 1941 г. потеряла до 3,9 млн. чел. [8], о которых Сталин даже не упомянул. Сталинские приемы фальсификации – занижение собственных потерь, преувеличение потерь противника, замалчивание «неудобных» тем (количество попавших в плен солдат и офицеров, коллаборационистских формирований, умерших от голода в годы войны, погибших в лагерях и др.) – надолго вошли в арсенал авторов, писавших об итогах войны.

16 декабря 1941 г. газета «Правда» – орган ЦК ВКП (б) – опубликовала выступление Гитлера в рейхстаге от 11 декабря, в котором были названы масштабы потерь Германии на Восточном фронте с 22 июня по 1 декабря: 162 тыс. 314 убитыми, 571 тыс. 767 ранеными, 33 тыс. 334 пропавшими без вести, всего 767 тыс. 415 чел. [9]. Эти цифры почти в шесть раз были меньше названных Сталиным месяц назад, поэтому в СССР однозначно трактовались как лживые. На протяжении военных и послевоенных лет официальные советские издания многократно преувеличивали масштабы потерь противника, а свои – занижали.

К первой годовщине начала Великой Отечественной войны, 23 июня 1942 г. в «Красной звезде» – органе Наркомата обороны СССР – были опубликованы официальные советские данные о потерях воюющих сторон за двенадцать месяцев. Немецкие потери убитыми, ранеными и пленными оценивались в 10 млн. чел., а советские – в 4,5 млн. [10]. Эти данные были обнародованы в крайне тяжелое для СССР время. На южном крыле Восточного фронта провалилось авантюрное наступление советских войск на Харьков. Это привело к тому, что враг получил решающий перевес на сталинградском и кавказском направлениях. Советские части в массовом порядке отступали, неся огромные потери убитыми, ранеными и пленными. Только в районе Харькова в плен попало

240 тыс. солдат и офицеров [11]. По немецким данным, с 1 июня по 1 сентября 1942 г. количество советских военнопленных, находившихся в лагерях верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (ОКВ) и использовавшихся в качестве рабочей силы в немецкой экономике, увеличилось на 1 млн. 74 тыс. 387 чел. [12]. Положение было настолько критическим, что даже Сталин, как известно, вынужден был признать горькую правду о поражениях Красной Армии в печально известном приказе № 227 от 28 июля 1942 г. [13]. При этом, потери противника были все равно выше советских более чем в два раза. Естественно, что оценки Германии собственных потерь, опубликованные по истечении первого года войны с СССР, подвергались сомнению как крайне необъективные [14].

1943 год был объявлен Сталиным годом коренного перелома в ходе войны [15]. Перелом наступил в пользу, конечно же, Советского Союза, а фашистская Германия переживала «глубокий кризис» и стояла «перед своей катастрофой» [16].

Понятно, что в условиях наступления Красной Армии под Сталинградом и Курском, всеобщих успехов и побед, потери врага должны были быть больше, а Красной Армии, перемоловшей «наиболее опытные старые кадры немецко-фашистских войск» [17], – меньше. Выступая 6 ноября 1943 г. с докладом, посвященным 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, Сталин заявил, «что по окончании Сталинградской битвы было подобрано и похоронено 147 тысяч 200 убитых немецких солдат и офицеров и 46 тысяч 700 убитых советских солдат и офицеров» [18]. Сталинград был объявлен «закатом немецко-фашистской армии», после которого... «немцы не могли уже оправиться» [19]. Еще раньше, в апреле 1943 г., газета «Правда» назвала более фантастические цифры потерь врага за период зимнего наступления РККА с 10 ноября 1942 г. по 31 марта 1943 г. – свыше 850 тыс. чел. только убитыми [20]. Битва под Курском, по мнению официальной сталинской пропаганды, во-первых, завершила коренной перелом в ходе Великой Отечественной и всей Второй мировой войн, а во-вторых, нанесла еще больший урон врагу, чем за время зимнего наступления. За период с 5 июля по 5 ноября 1943 г. Советская Армия, по данным газеты «Правда», разбила 144 дивизии противника, который потерял убитыми до 900 тыс. солдат и офицеров [21].

По оценкам Сталина, с ноября 1942 г. по ноябрь 1943 г. Германия «на советско-немецком фронте потеряла более 4-х миллионов солдат и офицеров, из них не менее 1 миллиона 800 тысяч убитыми» [22]. О потерях собственной Армии Сталин предпочел не говорить вообще. Само собой разумеется, что они были гораздо меньше, чем у врага.

За все годы войны в вермахт было призвано 15,8 млн. чел. [23]. Если верить сталинской пропаганде, то уже к концу 1943 г. все они – и мобилизованные, и пока еще нет, – были убиты, ранены, взяты в плен.

Оценки собственных потерь и потерь противника в официальных советских изданиях и выступлениях руководителей СССР не стали более объективными и на завершающем этапе войны. Они были насквозь лживыми, а тональность публикаций становилась все более победной, эйфористичной. Приближался разгром врага, долгожданная Победа. А победителей, как известно, не судят. И не все ли равно – сколько жизней советских граждан пришлось положить на алтарь Победы, и не все ли равно – были ли объективными официальные оценки потерь противника? В своих приказах, докладах, обращениях, опубликованных в 1944–1945 гг., Сталин практически не обращался к масштабам потерь. Он отсылал слушателей и читателей к «сводкам Совинформбюро» [24]. Лишь изредка приводил отдельные цифры – в 1944 г. «было разбито и выведено из строя до 120 дивизий немцев и их союзников» [25], «за 40 дней наступления в январе – феврале 1945 года... Германия потеряла свыше 350 тысяч солдат и офицеров пленными и не менее 800 тысяч убитыми» [26] и др.

После окончания Великой Отечественной войны Сталин был объявлен главным виновником ее победоносного завершения. Вот как об этом говорилось в краткой биографии И.В. Сталина: «Наступил великий день победы над Германией... Все мысли, все чувства советских людей были обращены к тому, кто вел нашу страну через трудности и испытания войны, кто спас страну от гибели, чей гений указал путь к победе, чья воля привела страну к победе, – к великому Сталину!» [27].

После таких оценок роли Сталина в Великой Отечественной войне не трудно понять, почему в литературе военного и послевоенного периода, при его жизни, невозможно найти объективных оценок потерь СССР. Правда об истинных масштабах жертв войны – серьезный повод усомниться в «гениальности» «великого полководца».

Сталин после войны (февраль 1946 г.) все же обнародовал число погибших советских военнослужащих и гражданских лиц – «около 7 млн. человек» [28]. Но уже тогда руководству СССР были известны другие цифры – 15 млн. безвозвратных потерь [29]. Сталин в феврале 1946 г. число погибших советских граждан назвал обобщенно, грубо, не придав этому особого значения. Его волновали совсем другие темы, прежде всего, обустройство своей империи, возникшей на обломках фашизма. После 1946 г. Сталин больше не возвращался к оценке советских потерь в годы войны. В течение пятнадцати лет, до 1961 г., цифры в 7 млн. погибших доминировали на страницах советской официальной идеологической и исторической литературы [30]. Чтобы снять все вопросы и не трогать весьма «острую» тему, Сталин запретил в 1949 г. проводить всеобщую перепись населения СССР, результаты которой могли пролить свет на истинные масштабы советских военных потерь [31].

После войны в западной литературе стали появляться различные оценки безвозвратных потерь военнослужащих и гражданского насе-

ления стран-участниц второй мировой войны. Их амплитуда колебалась от 22–23 млн. до 31 млн. и даже 50–60 млн. чел. [32]. Последние оценивались в советской литературе как преувеличенные [33]. Отечественные авторы давали «умеренную», сдержанную оценку всеобщих безвозвратных потерь в 1939–1945 гг. – 28,5 млн. солдат и офицеров, а также погибших среди гражданского населения [34]. Жертвами Второй мировой войны, включая убитых, раненых и пропавших без вести, по их мнению, стали примерно 46–50 млн. чел. [35].

Первый этап историографии продолжался примерно 15 лет. Сталинские «методы» анализа исторических событий, беспелляционные выводы словно свинцовой плитой придавили все живое, не было даже попыток предложить альтернативные исследования. Авторы либо просто повторяли сталинские цифры, либо обходили вопрос о потерях стороной, предпочитая писать о подвигах и славе [36].

Второй этап историографии существенно отличался от предыдущего. Его особенностями стали переоценка в освещении многих проблем истории войны, появление иных выводов о масштабах потерь в 1941–1945 гг., выход «в свет» фундаментальных работ о Великой Отечественной войне [37] и первых специальных изданий [38]. Существенно расширилась источниковая база исследований. Они основывались теперь не только на личных впечатлениях авторов, мемуарах, газетных публикациях и работах Сталина, как это было до середины 1950-х гг.

Политическая составляющая исторических исследований на данном этапе заключалась в том, что сведения об огромных потерях Советского Союза в войне использовались оппонентами Сталина в качестве инструмента резкой критики его деятельности. Однако по-прежнему последнее слово в отношении оценок потерь СССР в войне оставалось не за историками, а лидерами КПСС. Оценки, как и раньше, носили слишком общий характер, не предпринималось серьезных попыток показать, в результате каких конкретно действий наша страна потеряла огромное количество человеческих жизней. Не только не разрабатывались, но даже не ставились вопросы о масштабах смертности в ГУЛАГе, потерях партизан и подпольщиков, гибели от голода, жертвах среди военнопленных и восточных рабочих и т.д. Да и тема о потерях в РККА была тайной за семью печатями. Н.С. Хрущев обнародовал новые данные о погибших советских гражданах в годы Великой Отечественной войны, но в отношении достоверности этих цифр, структуры потерь можно было лишь строить гипотезы и пытаться читать между строк.

В ноябре 1957 г. в Москве состоялось Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, на котором был принят «Манифест мира». В нем говорилось: «Свыше 30 миллионов человеческих жизней, не считая миллионов раненых и искалеченных, поглотила вторая мировая война...» [39]. Эти цифры, которые были приведены без указания

источников, комментариев, даже серьезные авторы в угоду конъюнктуре положили «в основу итоговых расчетов» о потерях стран-участниц во второй мировой войне [40]. А если бы были названы другие цифры? Их бы тоже положили «в основу расчетов»? Это означает только одно – любые методы демографического анализа, основы расчетов, к сожалению, являлись лишь ненужным, легко корректируемым атрибутом, необходимым для того, чтобы официальные цифры подтверждать, объяснять и начищать до блеска. Все это в какой-то степени не до конца преодолено и до сегодняшнего дня.

В мае 1959 г. Н.С. Хрущев в одной из своих речей сказал об итогах военного периода: «Миллионы людей отдали свою жизнь на полях войны...». Он совершенно справедливо заметил, что «в Советском Союзе трудно найти семью, которой война не принесла бы страданий и жертв» [41]. Действительно, трудно спорить. Каждая семья в СССР знала своих погибших. Многие семьи потеряли несколько человек. Знают и помнят их и сейчас. Только цифр никаких Первый секретарь ЦК КПСС не назвал. Если понимать под «страданиями» голод, холод, потерю крова, раненых, больных, искалеченных, неродившихся и т.д., а под «жертвами» – погибших, умерших от ран и болезней, то нетрудно представить истинные масштабы потерь.

По некоторым авторитетным оценкам, на середину 1941 г. численность населения СССР составляла около 196,7 млн. чел. [42]. По сведениям Всесоюзной переписи населения 1939 г., семьи, состоявшие из двух человек, составляли 27,0% (от всех учтенных семей), из трех – 27,8%, из четырех – 21,8%, из пяти – 12,7% [43]. Подавляющее большинство (89,3%) из всего количества семей составляло «ячейки общества» из двух–пяти человек. Если принять, что средняя семья накануне войны состояла из трех человек, то мы получим более 65,5 млн. семей, из четырех – 49,2 млн., из пяти – 39,3 млн. Используя «подсказку» Хрущева и даже принимая во внимание небольшой процент «одинок», уже в конце 1950-х гг. можно было предположить, что потери СССР в годы войны были действительно огромны.

В ноябре 1961 г. Председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев в письме премьер-министру Швеции Т. Эрландеру сообщил, что война «унесла два десятка миллионов жизней советских людей» [44]. Данные цифры, практически без изменений [45], кочевали из книги в книгу почти тридцать лет, «прожив» во время «застоя» в два раза больше, чем выводы Сталина о потерях СССР в годы войны.

Что касается жертв среди военнослужащих и мирного населения Германии, то и по прошествии более полутора десятилетий после окончания войны, они не были «установлены с достаточной точностью» [46]. Авторы перестали повторять сталинские небывлицы о чуть ли не десятках миллионах погибших и осторожно называли иные, более

взвешенные данные. По расчетам Б.Ц. Урланиса число погибших немецких солдат и офицеров во Второй мировой войне превышало 4 млн. чел. При этом, свыше четырех пятых всех убитых и почти три пятых пропавших без вести приходились на советско-германский фронт [47]. В другом источнике – материалах научной конференции, посвященной 20-й годовщине Победы над фашистской Германией, мы находим иные данные: «Общие потери на советско-германском фронте только сухопутной немецко-фашистской армии с 22 июня 1941 г. по 31 марта 1945 г., по данным главного командования сухопутных войск Германии, составили 6256 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести» [48]. Никаких ссылок при этом сделано не было.

В начале 1960-х гг. в документах Нюрнбергского процесса были опубликованы данные о масштабах уничтоженных и расстрелянных советских граждан на оккупированной фашистами территории СССР. Всего в семи союзных республиках погибло 9 млн. 987 тыс. мирных жителей [49].

Таким образом, в 1961 г. были названы новые данные о числе погибших – 20 млн. чел., из которых одна половина приходилась на гражданских лиц, умерших, замученных и убитых гитлеровцами на оккупированной территории, а вторая, следуя логике, – на погибших в боях, умерших от ран, скончавшихся в плену военнослужащих [50].

Даже после этого некоторые официальные издания старались избегать итоговых оценок о потерях СССР в войне. Например, во втором издании истории КПСС, вышедшей в 1962 г., мы находим лишь бесцветную фразу: «На пути к победе в Великой Отечественной войне советскому народу пришлось преодолеть неимоверные трудности» [51]. Третий том Советской исторической энциклопедии, увидевший «свет» в следующем, 1963 г., ограничился мимолетным замечанием: «Наибольшим был и урон в людях» [52].

Второй этап длился около десяти лет. Однако сделано за эти годы было немало. Самое важное заключалось в том, что успешно преодолевались сталинские стереотипы и штампы в оценках советских потерь и потерь противника в годы войны. Но демократические реформы Хрущева пустили слишком слабые корни и вскоре историческая наука, наиболее тесно зависевшая в те годы от политической конъюнктуры, свернула на привычный путь умолчаний, героических повествований и восхваления выдающейся роли КПСС, общественного и государственного строя СССР и проч. в кровопролитной войне. Завершился этап в 1965–1966 гг. после выхода книги А.М. Некрича «1941, 22 июня» и последовавшей резкой ее критики, о чем говорилось выше.

Третий этап изучения потерь противоборствующих сторон в 1941–1945 гг. самый продолжительный. Он охватывает около 20 лет советской истории. Историческая литература о Великой Отечественной войне,

выходившая в эти годы, отличалась весьма сдержанным обращением к «острым», малоизученным, дискуссионным проблемам, быстрым забвением достижений предыдущего периода, жесткой критикой работ о событиях 1939–1945 гг., выходивших на Западе. После речи Генерального секретаря ЦК КПСС [53] Л.И. Брежнева к двадцатилетнему юбилею Победы [54] в обществе формируется новый, героизированный образ или даже целая мифология Великой Отечественной войны [55]. Официальная историческая литература играла в этом процессе важную роль наряду с пропагандистским аппаратом власти, работой масс-медиа, словесности, визуальных искусств, школ, библиотек, всех репродуктивных систем советского общества [56]. Мифологизированная история войны стала существенным элементом идеологии брежневской эпохи. Люди военного поколения, годы испытаний, подвигов и побед являлись основами патриотического воспитания молодежи, примерами для подражания, позволяли быстро «переключить» (особенно в юбилейные годы) общественное сознание с «острых» проблем на «вечные» (дань уважения павшим и живым героям войны, передача славных боевых и трудовых традиций новому поколению советских людей и проч.).

На страну в 1960–1980-е гг. обрушился «вал» исторической литературы о Великой Отечественной войне. К началу 1980-х гг. о событиях военного времени в стране было издано около 20 тыс. наименований книг, совокупные тиражи которых составляли сотни миллионов экземпляров. За 1976–1985 гг. только по истории советского тыла было защищено около 200 кандидатских и докторских диссертаций [57].

Издание такого количества работ, выходивших особенно активно к юбилеям Победы в 1965, 1975 и 1985 гг., не означало, однако, появления качественно новых исследований, решения накопившихся научных проблем, в том числе касающихся потерь в Великой Отечественной войне. Нельзя сказать, что таких работ не было вообще [58], но практически никаких новаций в отношении определения истинных масштабов демографических последствий войны они не вносили.

Еще одной особенностью данного этапа историографии стало условное разделение в изучении проблем войны между различными научными центрами. Институт военной истории Министерства обороны СССР, созданный в 1967 г., исследовал военные действия на фронтах, отдельные сражения, битвы и операции войны, проблемы военного искусства и др. Сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в котором в 1957 г. был образован отдел истории Великой Отечественной войны, специализировались в основном на изучении партийно-политической работы в войсках и тылу, «ведущей» роли партии в 1941–1945 гг. В 1973 г. в Институте истории СССР и Институте всеобщей истории АН СССР были созданы сектора истории СССР периода Великой Отечественной и второй мировой войн. Ученые этих академических инс-

титуты работали соответственно над проблемами советской экономики, патриотических движений военного времени, дипломатической истории второй мировой войны и др.

В масштабах страны исследования по истории Великой Отечественной войны координировались рядом Проблемных и Научных Советов. В частности, при Отделении истории АН СССР действовал научный совет «История социалистического и коммунистического строительства в СССР», в котором имела секция «СССР в годы Великой Отечественной войны» [59].

Наибольшие возможности в исследовании проблемы потерь советских и немецких войск в Великой Отечественной войне в те годы были в военном ведомстве.

В 1966 г. в Генеральном штабе МО СССР была создана комиссия по определению потерь, которую возглавлял генерал армии С.М. Штеменко. Комиссия завершила свою работу в 1968 г. [60]. Одним из результатов ее деятельности стал статистический сборник «Боевые потери личного состава Вооруженных сил СССР», подготовленный Главным организационно-мобилизационным управлением Генштаба. В сборнике обобщались сведения за 1918–1945 гг. Это издание находилось на особом хранении, и к нему допускался лишь ограниченный круг руководителей Министерства Обороны [61]. До начала 1990-х гг. статистические данные о потерях советских войск в Великой Отечественной войне хранились под грифом «секретно». Публиковались они «лишь частично по отдельным оборонительным и наступательным операциям... в закрытых трудах по истории Великой Отечественной войны, чтобы скрыть от народа подлинные размеры наших тяжелых потерь» [62].

Во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг. было издано значительное количество фундаментальных работ по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн [63]. «Первым капитальным исследованием», по определению академика А.М. Самсонова, основанном «на марксистско-ленинской методологии» [64], стала 12-томная «История второй мировой войны» [65]. Она была подготовлена коллективами вышеперечисленных научных центров.

В данной серьезной работе, а также в других исследованиях по новому трактовались потери стран-участниц Второй мировой войны [66]. В последнем, двенадцатом томе «Истории второй мировой войны» об этом говорилось следующее: в 1939–1945 гг. в вооруженные силы стран-участниц «было мобилизовано более 110 млн. человек. Многие десятки миллионов были убиты, получили ранения, остались инвалидами. Резко возросли потери гражданского населения. Они составили почти половину общих потерь, в то время как в первую мировую войну – 5 процентов» [67]. И далее: «наиболее авторитетные исследования показывают, что в годы второй мировой войны погибло более 50 млн. человек». В

самом общем виде была названа «структура потерь» [68]. На последней цифре остановимся подробнее. Более двадцати лет назад, в 1960 г., очень известный и авторитетный демограф Б.Ц. Урланис писал: «часто встречаются указания о том, что число жертв второй мировой войны достигает 50 млн. и даже 60 млн., но эти цифры преувеличены» [69]. Сам он ориентировался на число общих потерь в 30 млн. чел. Именно такое количество было названо в «Манифесте мира», принятом в ноябре 1957 г. в Москве, на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий [70]. Прошло более двадцати лет, и «преувеличенные цифры» стали «наиболее авторитетными», а планка оценки потерь военнослужащих и гражданского населения стран-участниц в 1939–1945 гг. в официальных советских изданиях была «поднята» на двадцать миллионов человек. Из этого следует два вывода. Во-первых, тем оценкам потерь стран-участниц Второй мировой войны, включая СССР, которые были названы официальными советскими лицами и официальными открытыми изданиями во второй половине 1940-х – начале 1990-х гг. в полной мере доверять мы не можем. Во-вторых, ученый не должен «на веру» принимать оценки и выводы политиков, меняющиеся достаточно быстро, и зависящие от факторов, не имеющих к науке никакого отношения.

«История Второй мировой войны» назвала и общие потери СССР и Германии в войне: «Самые большие прямые и косвенные потери населения понесли государства Европы. Здесь погибло около 40 млн. человек, то есть значительно больше, чем на других континентах, вместе взятых. Половина людских потерь в Европе приходится на СССР. Они составили свыше 20 млн. человек, значительная часть из них – гражданское население, погибшее в гитлеровских лагерях смерти, в результате фашистских репрессий, болезней и голода, от налетов вражеской авиации» [71]. «...война привела к большим потерям самой Германии – свыше 13 млн. человек убитыми, ранеными, пленными, пропавшими без вести» [72]. Что касается оценки потерь СССР в 1941–1945 гг., то они не изменились, – была названа «брежневская» цифра – «свыше 20 миллионов человек», впервые прозвучавшая в 1965 г. В отношении жертв Второй мировой войны в Германии (военнослужащие и гражданское население), впервые, пожалуй, была названа суммарная цифра – «свыше 13 млн. человек», включавшая все категории потерь: убитых, раненых, пленных, пропавших без вести.

В пространной «Истории Второй мировой войны», к сожалению, как мы видим, не было подробно сказано о структуре потерь, методике их исчисления, величине боевого урона вооруженных сил СССР и Германии. Преобладали слишком общие, осторожные оценки, с оглядкой на главного заказчика труда – ЦК КПСС и его Политбюро. Одной из последних работ данного этапа историографии стала книга профессора Л.Е. Полякова «Цена войны» [73]. В ней некоторые важные цифры потерь

были уточнены. Во-первых, названа новая оценка безвозвратных потерь населения Земли во Второй мировой войне – 55 млн. чел. [74]. Во-вторых, общие потери Германии во Второй мировой войне, включая убитых, раненых, пропавших без вести и военнопленных, определялись автором в 13,6 млн. чел., из которых 10 млн. приходилось на Восточный фронт [75]. В-третьих, была предпринята попытка назвать прямые и косвенные потери СССР в Великой Отечественной войне – 46 млн. чел., из которых, по мнению автора, 26 млн. приходилось на «снижение естественного прироста населения» [76].

Подводя итоги третьего этапа историографии потерь СССР и Германии в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн, отметим, что эта проблема была еще более политизирована, а научная добросовестность постоянно предавалась в угоду идеологии [77]. Героизированная история Великой Отечественной войны являлась цементирующей основой политического строя периода «застоя» и стагнации, должна была реально укреплять и укрепляла до определенного времени советский режим. В 1960–1980-е гг. проблема потерь основных противостоящих сторон в Великой Отечественной войне активно разрабатывалась не только в СССР. За рубежом это были советологические центры и ряд институтов и университетов Западной Европы и США, а также эмигрантские издания и литература [78]. Назовем еще одно альтернативное явление, которое противостояло официальной советской историографии. Мы имеем в виду Самиздат. В 1980 г. за распространение в Самиздате работы «Статисты», содержащей анализ потерь населения СССР в различные периоды советской истории, был осужден И.Г. Дядькин. Вот как он сам формулировал свое научное кредо в условиях тоталитарного режима: точно описывать происхождение исходных данных, явно указывать методику расчетов, строго оговаривать допущения и их возможное влияние на «прочность» результатов и т.п. [79]. Его книга, посвященная «неестественной смертности в СССР» в 1928–1954 гг., вышла за границу в 1983 г. и там была оценена как серьезная и добросовестная работа, автора которой, прежде всего, интересовал научный результат. А ее недостатки были «связаны главным образом с неточностями официальной советской статистики, положенной в основу расчета» [80]. И.Г. Дядькин определял количество погибших советских граждан в 1941–1949 гг. от 31 до 34 млн. чел. [81].

Четвертый этап историографии потерь СССР и Германии в годы войны, как уже отмечалось выше, был кратковременным (около семи лет), но весьма бурным, совпавшим с годами горбачевской перестройки. Это было время острых дискуссий, в том числе и вокруг оценок потерь СССР в годы Великой Отечественной войны [82]. Их амплитуда (от 26–27 млн. до 50 млн. чел.) в какой-то степени отражала настроения, царившие в обществе, непримиримость взглядов различных политических сил.

Конечно же, не все дискуссии были результативными, но общественно-политическая ситуация заставила лидеров государства принять меры к выявлению истинных масштабов потерь СССР в войне. В конце 1980-х гг. были созданы в различных ведомствах несколько комиссий, которым поручили решить эту важнейшую историческую и политическую задачу. Опираясь на результаты работы комиссий, Президент СССР М.С. Горбачев 8 мая 1990 г. в своем докладе, посвященном 45-летию Победы, подчеркнул, что война унесла почти 27 млн. жизней советских людей [83]. Эта новая официальная оценка потерь вот уже пятнадцать лет неизменно переходит из книги в книгу, из статьи в статью. За сорок пять лет (с 1946 г.) планка официальных версий о величине урона, причиненного СССР войной, увеличилась на 20 млн. чел.

На данном этапе историографии впервые в открытой советской печати появляются серьезные альтернативные исследования, предлагавшие читателям совершенно иные итоговые данные о величине потерь Советского Союза и Германии в Великой Отечественной войне [84]. Оговорим здесь, что под альтернативными исследованиями мы понимаем работы профессиональных историков и демографов. Яркую, но неоднозначную публицистику А.И. Солженицына, Р.А. Медведева и других авторов, в избытке публиковавшуюся в СМИ в эти годы, в данной статье мы не рассматриваем.

В 1988–1989 гг. в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР работали две комиссии по анализу и подсчету военных потерь в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг: одна комиссия – по личному составу, другая – по вооружению и боевой технике. Итоги работы комиссий в Генеральном штабе были рассмотрены и утверждены [85]. Комиссию по определению потерь личного состава возглавлял доктор военных наук, генерал армии М. Гареев [86]. В третьем номере Военно-исторического журнала за 1990 г. за подписью начальника Генерального штаба ВС СССР генерала армии М.А. Моисеева итоги работы комиссий были опубликованы. Вот их суть в отношении потерь личного состава: «Советские Вооруженные Силы потеряли в годы Великой Отечественной войны (в том числе и в кампании на Дальнем Востоке против империалистической Японии в 1945 г.) убитыми, пропавшими без вести, попавшими в плен и не вернувшимися из него, умершими от ран, по болезни, от несчастных случаев 8 млн. 668 тыс. 400 человек» [87]. И далее: «... безвозвратные потери фашистской Германии составили около 5,5 млн. человек» [88]. Как относиться к выводам комиссии Генерального штаба? Спустя чуть больше двух месяцев, после того как упомянутый номер Военно-исторического журнала был подписан в печать, М.С. Горбачев назвал новую официальную версию об общих потерях СССР в 1941–1945 гг. – около 27 млн. чел. Следовательно, все категории гражданских лиц, погибших в годы войны, составляют около 18 млн. чел. Даже неподготов-

ленному читателю видно явное несоответствие в соотношении погибших военнослужащих и гражданских лиц. Что касается безвозвратных потерь противника, то самым важным для членов комиссии, видимо, являлось стремление доказать, что «... потери фашистской Германии были несколько не меньшими», чем Советского Союза [89]. И последнее замечание. Через год после публикации итогов работы комиссии, в марте 1991 г., на расширенном заседании коллегии Министерства обороны совместно с главной редакционной комиссией 10-томного труда «Великая Отечественная война советского народа» [90] уже упоминавшийся начальник Генерального штаба генерал армии М.А. Моисеев, обращаясь к историкам, заявил: «Мы не давали Вам архивы и не дадим!» [91]. Все это заставляет усомниться в подлинности выводов комиссии М. Гареева. Впрочем, к этому сюжету мы еще вернемся.

Еще одна комплексная комиссия по уточнению числа людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне, носившая статус государственной, работала в 1989–1990 гг. Она состояла из ученых и специалистов Госкомстата, Министерства обороны СССР, АН СССР, МГУ им. М.В. Ломоносова. По ее расчетам и оценкам прямые людские потери в 1941–1945 гг. составили примерно 27 млн. чел. [92]. Видимо, выводы, в том числе, и этой комиссии, озвучил М.С. Горбачев в мае 1990 г.

Обратимся к примерам альтернативных исследований профессионалов. Выделим, прежде всего, работы Б.В. Соколова, появившиеся во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. [93]. Не имея возможности их детально анализировать, назовем самые важные отличительные черты публикаций Б.В. Соколова. Впервые в открытой советской печати была детально исследована структура потерь СССР в годы Великой Отечественной войны. Автор назвал свою оценку потерь Советских вооруженных сил. Они были «надежно установлены» и составляли 8,5 млн. убитыми, 2,5 млн. умершими от ран и болезней и 3,7 млн. скончавшихся в плену. Всего погибло, по мнению Б.В. Соколова, 14,7 млн. военнослужащих [94]. Это на 6 млн. больше данных, обнародованных М.А. Моисеевым год назад. Была названа и «чистая убыль населения... за военные годы – 29,6 млн. человек» («около 30 млн.») [95]. Действительные и потенциальные потери СССР в Великой Отечественной войне, по Соколову, составляют около 46 млн. чел., из них 16 млн. – неродившихся детей [96]. Нужно заметить, что цифра 46 млн. в качестве прямых и косвенных потерь СССР уже звучала ранее в открытых советских публикациях [97]. Но только в пропорции 20 млн. безвозвратных плюс 26 млн. потенциальных потерь [98]. Были названы и потери Германии – 4 млн. военнослужащих и 2 млн. гражданских лиц [99].

Отметим, что Б.В. Соколов был и остается на протяжении почти двадцати лет основным «альтернативным» автором, безуспешно доказывающим иные, нежели официальные, масштабы потерь основных

противоборствующих сторон в годы Великой Отечественной войны. Однако и его выводы на протяжении небольшого отрезка времени существенно менялись.

Подводя итоги четвертого этапа историографии отметим, что он заканчивается вместе с развалом СССР, гибелью мировой системы социализма. После 1991 г. исчезают такие понятия как «официальная», «советская» историография. Снятие политической цензуры и идеологических запретов приводит к появлению такой научной среды, в которой самой важной задачей исследователя становится научный результат, без оглядки на «власть предрешающую».

Пятый этап изучения потерь основных противоборствующих сторон в 1941–1945 гг. отмечен продолжением острых научных дискуссий [100], свободной публикацией ранее запрещенных авторов [101], появлением новых исторических источников [102]. После 1992 г. выходят многочисленные статьи и монографии [103], а также не менее десяти интересных коллективных трудов [104], в которых различные аспекты проблемы исследуются на общесоюзном и региональном уровнях.

Выделим авторов, внесших за последние пятнадцать лет особый вклад в освещение проблемы: В.В.Алексеев, Е.М.Андреев, В.М.Андроников, Н.А.Араловец, П.Д.Буриков, О.М.Вербицкая, В.В.Гуркин, Н.Я.Гущин, Л.Е.Дарский, В.Б.Жиромская, В.Н.Земсков, В.А.Ионцев, В.А.Исупов, Г.Е.Корнилов, Г.Ф.Кривошеев, А.И.Круглов, С.Максудов, С.Д.Морозов, С.Н.Михалев, Ю.А.Поляков, П.М.Полян, В.А.Пронько, Е.И.Родионов, Б.В.Соколов, М.В.Филимошин, Т.Л.Харькова, А.А.Шабаев, А.А.Шевяков и др.

Давая общую характеристику указанных выше коллективных и других работ, отметим, что их, как правило, отличает попытка учесть всю полноту данных исторических источников и научной литературы. В этих работах для исчисления всей полноты людских потерь СССР применяется метод демографического баланса [105], дается классификация их различных категорий [106], впервые объективно освещаются реальные масштабы смертности заключенных в ГУЛАГе, депортированных на спецпоселениях, военнослужащих в плену и т.д.

Однако существуют и в серьезных публикациях недостатки и противоречия. Остановимся на упоминавшемся методе демографического баланса (МДБ). Людские потери, оцениваемые этим методом включают:

- «1. Всех умерших в результате военных и иных действий противника.
2. Умерших в результате повышения уровня смертности в период войны как в тылу, так и в прифронтовой зоне и на оккупированных территориях.
3. Тех людей из населения СССР, которые покинули территорию СССР в период войны и не вернулись до конца 1945 г., исключая воен-

нослужащих, дислоцированных за пределами СССР и других граждан, работающих за границей, а также членов их семей.

В людские потери, подсчитываемые методом демографического баланса, не включают детей, не родившихся в период войны вследствие снижения уровня рождаемости, а также лиц, умерших вследствие повышения уровня смертности в послевоенные годы, т.е. так называемое «демографическое эхо» войны» [107].

Реализовать все вышесказанное невероятно трудно. Тем не менее, авторы ряда коллективных монографий [108], используя МДБ, получают следующие оценки численности населения СССР: а) на середину 1941 г. – 196716 тыс.; б) на начало 1946 г. – 170548 тыс., из которых в) 159456 тыс. родилось до середины 1941 г. Вычитая из первой цифры третью, получают итог – 37,2 млн. чел. [109]. «Однако вся эта численность не может быть, конечно, отнесена к людским потерям, так как и в мирное время за 4,5 года умерла бы некоторая часть живших. Если бы возрастные коэффициенты смертности населения СССР в 1941–1945 гг. оставались такими же, как в предвоенном 1940 г., то число умерших за 4,5 года составило бы 11,9 млн. чел. Таким образом, людские потери этих поколений составили в общей сложности 25,3 млн. чел. (37,2 млн. – 11,9 млн.)» [110]. Не подвергая сомнению высокий профессиональный уровень указанных расчетов, заметим, что, во-первых, это все-таки оценки, а не истина в последней инстанции, а, во-вторых, на другой странице уважаемого труда мы находим иную цифру естественной смертности населения СССР в 1940 г. – 4,2 млн. чел. [111]. Следовательно, «число умерших за 4,5 года» значительно выше, чем 11,9 млн. чел. И, наконец, цифра в 25,3 млн. не соответствует официальной оценке погибших в СССР – около 27 млн. (26,6 млн.) чел. Чтобы получить желаемый результат, авторы прибавляют к ней «потери вследствие более высокой, чем перед войной, смертности детей, родившихся в годы войны, которая... составила 1,3 млн.». Итого получается 26,6 млн. чел. [112].

Есть и еще одна важная научная проблема – существенные различия в официальных оценках потерь военнослужащих в 1941–1945 гг. Назовем в хронологической последовательности данные, опубликованные военными историками или чиновниками в официальных СМИ и литературе.

1. В 1988 г. начальник Центрального архива МО СССР генерал-майор Н.И. Луцев доложил в Генеральный штаб о том, что в «Алфавитной картотеке персонального учета безвозвратных потерь рядового и сержантского состава Красной Армии» учтено 14 млн. 507 тыс. 296 чел. Здесь же было оговорено, что картотеку можно использовать как вспомогательный источник, так как в ней много повторно учтенных, учтенных как без вести пропавших, но вернувшихся домой из плена и т.д. [113].

2. Начальник Генерального штаба ВС СССР генерал армии М.А. Моисеев сообщил в интервью, опубликованном в 1990 г., что «Советские

Вооруженные Силы потеряли в годы Великой Отечественной войны (в том числе и в кампании на Дальнем Востоке против империалистической Японии в 1945 г.) убитыми, пропавшими без вести, попавшими в плен и не вернувшимися из него, умершими от ран, по болезни, от несчастных случаев 8 млн. 668 тыс. 400 человек» [114]. Эта цифра надолго войдет в арсенал «парадно-глянцевых», «праздничных» изданий, потому что позволяет сделать простой и гладкий вывод: потери Советских Вооруженных Сил и фашистской Германии с сателлитами примерно равны – «у Красной армии погибло 8 млн. 668 тыс. 400 человек, у вермахта и союзных с ним армий – 8 млн. 649 тыс. 500 человек» [115]. Т.е. потери РККА были лишь на 18900 солдат и офицеров больше, чем у войск противника.

3. В одном из последних интервью, бывший член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев вспоминал, что к очередному юбилею Победы, очевидно, в 1990 г. министр обороны СССР Д.Т. Язов назвал цифру в 19 млн. погибших советских военнослужащих [116].

4. В известной книге «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование», которая вышла в 1993 г., были названы иные данные: «с военно-оперативной точки зрения в ходе Великой Отечественной войны с учетом пропавших без вести и оказавшихся в плену из строя безвозвратно выбыло 11 444,1 тыс. военнослужащих» [117].

5. Бывший начальник Генерального штаба, президент российского фонда «Реквием» генерал армии В.Н. Лобов сообщил, что на начало 1994 г. электронный банк фонда «уже содержит 17 млн. имен погибших, а вскоре пополнится еще 5 млн.». Генерал-полковник Г.Ф. Кривошеев весьма критически прокомментировал цифру в 17 млн. чел., назвав ее «сырьем для последующей статистической работы» [118].

6. В мае 1994 г. газета «Известия» писала о 17 млн. чел., занесенных в электронный банк данных о погибших и пропавших без вести военнослужащих во время Великой Отечественной войны при Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве [119].

7. И, наконец, самое известное издание, подготовленное сотрудниками Генерального штаба и Военно-мемориального центра ВС РФ «Россия и СССР в войнах XX века», вышедшее в 2001 г., называет новые версии общих безвозвратных потерь Красной Армии и Военно-Морского флота на советско-германском фронте и в войне с Японией – 11 млн. 285 тыс. 57 и 12 400,9 тыс. [120].

И это далеко не полный перечень официальной статистики о погибших в годы войны советских военнослужащих. При внимательном чтении последней из названных книг, можно по приводимым статистическим данным вычислить еще один вариант потерь Красной Армии (без ВМФ) в 1941–1945 гг. – 9 млн. 302 тыс. 766 чел. [121].

Как мы видим, амплитуда оценок очень широка – от 8,6 млн. до 17 млн. и более человек. И это, повторяем, цифры, приводимые в официальных изданиях. Чтобы объяснить такие разночтения приходится прятаться за наукообразные, специфические термины, понятия [122], завуалировать данные о потерях в многочисленных таблицах, абсолютных и относительных цифрах [123]. Смущает многое во всем этом многообразии данных. В частности, то, как военные историки легко называют суммарные цифры потерь вплоть до человека, а через несколько лет «увеличивают» их на миллионы. Что касается безвозвратных потерь вооруженных сил Германии, то они определялись авторами вышеназванного статистического исследования в 7 181,1 тыс., а вместе с союзниками – 8649,3 тыс. чел. [124]. Получается, что потери РККА и вермахта вполне сопоставимы, и воевали мы умением, а не числом.

Обратимся к альтернативным исследованиям. Один из самых известных «альтернативных» историков Б.В. Соколов в работе, вышедшей в 1998 г. [125], назвал следующие масштабы потерь населения СССР: в рядах Советских Вооруженных Сил погибло в общей сложности 26,4 млн. чел. (ранее он упоминал о 14,7 млн. погибших), безвозвратные потери мирного населения составили 16,9 млн. (ранее – 14,7 млн. – мирные граждане и жертвы ГУЛАГа), и, наконец, суммарная величина военных потерь населения СССР выражается в 43,3 млн. (ранее – около 30 млн.). Автор привел и цифру общих безвозвратных потерь Германии – 5,95 млн. (ранее – 6 млн. чел.). По Соколову, общие безвозвратные потери Германии в 7,3 раза меньше советских безвозвратных потерь [126]. Выводы напрашиваются сами собой.

Другой жесткий критик сталинизма и официальных «липовых цифр» о потерях СССР в войне В.Г. Первышин называет свою версию общих потерь населения СССР – 38794 тыс. человек, из которых 17 841,7 тыс. составляли военнослужащие. Сухопутные войска Германии (без ВВС и ВМФ) потеряли погибшими 6 млн. 332 тыс. 466 чел., кроме того, жертвами войны стали 2,15 млн. чел. гражданского населения [127].

Так сколько же на самом деле погибло в СССР и Германии в годы Великой Отечественной войны? Что касается мирных жителей Германии, то достаточно много источников называют цифру около 2 млн. чел. Число жертв среди военнослужащих колеблется от 4 до 7 млн. чел. С определением количества погибших советских граждан в 1941–1945 гг., как мы видим, дело обстоит значительно сложнее. Последователи метода демографического баланса вполне резонно считают, что «простое суммирование разных категорий людских потерь, которые понесло население в результате Великой Отечественной войны, не даст полной картины» [128]. Это понятно. При простом суммировании не избежать двойного счета. Один и тот же человек мог числиться погибшим в плену, но остаться в живых и вернуться на Родину, пропавшим без вести, но

оказаться в партизанском отряде и т.д. Но все же рискнем суммировать различные категории людских потерь по открытым официальным, наиболее авторитетным источникам:

– Безвозвратные потери личного состава РККА, ВМФ, пограничных и внутренних войск – 11 444,1 тыс. чел. [129].

– На оккупированной фашистами территории было уничтожено и расстреляно 9 987 000 мирных жителей [130].

– В плену умерло и погибло примерно 3,9 млн. военнослужащих [131].

– Из 5,3 млн. гражданских лиц, насильственно вывезенных на работы в Германию, погибло 2,2 млн. чел. [132].

– От голода, болезней, непосильного труда и иных жестоких воздействий оккупационного режима погибло 4,1 млн. мирных граждан [133].

– Стали эмигрантами из числа оstarбайтеров 451 тыс. чел. [134].

– В 1941–1945 гг. в СССР умерло более 1 млн. заключенных (из них свыше 620 тыс. – в лагерях ГУЛАГа) [135].

– На спецпоселениях и в ссылке в 1940–1952 гг. умерло почти 0,5 млн. депортированных, большая часть из которых приходилась на военные годы [134].

– По политическим мотивам в 1941–1945 гг. было осуждено 476 тыс. 615 чел., из них 42 тыс. 149 – расстреляны [137].

В итоге получается 33 млн. 624 тыс. 249 чел. Без учета сотен тысяч гражданских лиц, погибших в результате боевых действий, бомбежек, артиллерийских обстрелов, а также в блокадных и осажденных городах [138]. Конечно же, эта цифра ни на что не претендует, она лишь необходима для демонстрации определенных тенденций. Чем меньше будет тайн, «закрытых зон», тем цифра военных потерь СССР быстрее приблизится к истине. А.Н. Яковлев в упоминавшемся интервью утверждал, что СССР в 1941–1945 гг. потерял «более 30 млн.» [139]. Видимо, истинные масштабы потерь следует уточнять в диапазоне от 30 млн. до 35 млн. чел.

Подведем некоторые итоги историографии потерь СССР и Германии в годы Великой Отечественной войны.

1. За последнее время проделана большая работа по ликвидации «белых пятен» в отношении определения истинных потерь основных противоборствующих сторон в 1941–1945 гг. При этом историческая литература до сих пор не свободна от эмоций и амбиций, политической конъюнктуры.

2. После крушения коммунистического режима в 1991 г., упразднения политической цензуры и жесткого идеологического контроля, появилась возможность выявить истинные масштабы потерь сторон в военный период. Вместе с тем, последняя официальная оценка – 27 млн. погибших советских людей, рожденная в недрах тоталитарной системы, является весьма привлекательной, продолжает довлеть над исследователями, гипнотизируя их, как удав кролика.

3. За пятьдесят лет (1941–1991 гг.) в СССР по истории Великой Отечественной войны были опубликованы десятки тысяч монографий, брошюр, статей, суммарный тираж которых составлял сотни миллионов и даже, может быть, несколько миллиардов экземпляров. Но среди этого океана исторических повествований не находилось места островкам правды. Подавлялось любое свободомыслие, желание приблизить историческую истину. Историки вынуждены были изучать прошлое только в рамках дозволенного. Поэтому подлинные масштабы потерь за эти годы невозможно было определить. За последние пятнадцать лет, наряду с официальной («подлинно научной»), появилась альтернативная литература, а публикация работ бывших идеологических противников коммунистического режима (буржуазные авторы, эмигранты, диссиденты), прошедшие дискуссии позволили решать научные проблемы, не преследуя политические цели.

4. Амплитуда в оценках потерь основных противоборствующих сторон в 1941–1945 гг. очень велика. Иногда она достигает десятков миллионов человек. Но постепенно власть и официальная историография приходят ко все новым и новым выводам. За 45 лет оценка потерь СССР была скорректирована на 20 млн. чел. Еще вчера «преувеличенные» данные, высказывавшиеся в западной или альтернативной литературе, становились «наиболее авторитетными».

5. Во всех последних серьезных работах говорится о том, что вопрос о людских потерях в годы войны изучен недостаточно и продолжает оставаться остродискуссионным. Академик Ю.А. Поляков так выразился по этому выводу: «Многое еще не ясно, спорно, скрыто» [140]. С этим трудно не согласиться. В популярных изданиях встречается утверждение о том, что до сих пор около 2 млн. погибших советских воинов последней войны не предано земле. А по Суворову, если не похоронен последний солдат, война не закончена. Для нашего общества она не завершена в том отношении, что, несмотря на все усилия, издания во всех субъектах Федерации Книг памяти [14], мы не можем назвать точно количество погибших военнослужащих и гражданских лиц. И, вероятно, до человека, десятков, сотен, тысяч, десятков тысяч солдат, офицеров и мирных граждан назвать уже не сможем.

После окончания войны, невозможно было предположить, что менее, чем через полвека, официальная оценка потерь СССР увеличится на 20 млн. чел. И сегодня нам трудно представить, что гипотезы о 35 млн. и даже 40 млн. погибших, спустя определенное время, возможно, станут общепризнанными.

Литература и источники

1. Некрич А.М. 1941, 22 июня. 2-е изд., доп. и перераб. – М., 1995. – С. 279.
2. Там же. – С. 3.
3. См., напр.: Горов В.Я., Самсонов А.М. 1941–1945. На подступах к истине // Историки спорят. Тринадцать бесед. – М., 1988; Кваша А. Цена побед // СССР: демографический диагноз. – М., 1990; Соколов Б.В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. – М., 1991; Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). – Новосибирск, 1991; Павленко Н.Г. Сталинские концепции военной истории // История и сталинизм. – М., 1991 и др.
4. Горбачев М.С. Уроки войны и победы // Известия, 1990. – 9 мая.
5. Сталин И.В. Сочинения. Т. 16: 1946–1952. – М., 1997. – С. 7.
6. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. – М., 1952. – С. 20.
7. Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей). – СПб., 1998. – С. 249; Первышин В.Г. Сталин и Великая Отечественная война. – М., 2004. – С. 325.
8. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. – М., 2001. – Т. 2: 1940–1959. – С. 143.
9. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). – СПб., 1994. – С. 198.; Далее ссылки на эту книгу мы делаем по изданию 1994 г. Впервые работа «вышла в свет» в 1960 г.
10. Соколов Б.В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. – С. 175; Соколов Б.В. приводит данные Гитлера, высказанные на совещании 6 декабря 1941 г. с руководством сухопутных сил о потерях русских в 8–10 млн. чел. // Правда о Великой Отечественной войне. – С. 248.
11. Кропачев С.А. Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. – Краснодар, 1998. – Ч. 2: 1941–1953 гг. – С. 9.
12. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М., 2001. – С. 460 (расчет наш).
13. См.: 1418 дней войны: Из воспоминаний о Великой Отечественной. – М., 1990. – С. 223–226.
14. Германия оценивала свои потери к середине 1942 г. в 337 342 убитых и пропавших без вести // Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. – С. 198.
15. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – С. 110–115.
16. Там же. – С. 115.
17. Там же. – С. 112.
18. Там же. – С. 113.
19. Там же.
20. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. – С. 196–197.
21. Там же. – С. 197.

22. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – С. 112.
23. Первышин В.Г. Указ. соч. – С. 346.
24. См., напр.: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – С. 156.
25. Там же.
26. Там же. С. 178–179.
27. И.В. Сталин. Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. – М., 1953. – С. 219.
28. Большевик, 1946. – № 5. – С. 3.
29. Об этом упоминал Д.А. Волконогов // Триумф и трагедия. – М., 1990. – Кн. 2. – С. 418.
30. См., напр.: Голиков С. Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. – М., 1954. – С. 275 и др.
31. Первышин В.Г. Указ. соч. – С. 345.
32. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. – С. 402–403.
33. Там же. – С. 403.
34. Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1956. – С. 13.
35. Там же.
36. См., напр.: Минц И. Великая Отечественная война Советского Союза. – М., 1947; Анисимов И.В., Кузьмин Г.В. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг. – М., 1952; Тельпуховский Б.С. Великая Отечественная война Советского Союза: 1941–1945 гг. – М., 1952 и др.
37. Развитие тактики Советской армии в годы Великой Отечественной войны. – М., 1958; Вторая мировая война 1939–1945: Военно-исторический очерк. – М., 1958; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 в 6-ти томах. – М., 1960–1965; Боевой путь Советских Вооруженных сил. – М., 1962; Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. – М., 1965 и др.
38. Урланис Б.Ц. Методы исчисления людских потерь от войн // Проблемы демографической статистики. – М., 1959; Он же. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). – М., 1960; Птуха М.В. Очерки по статистике населения. – М., 1960; Соколов П.В. Война и людские ресурсы. – М., 1961; Подъячих Г.П. Население СССР. – М., 1961 и др.
39. Правда, 1957. – 23 нояб.
40. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. – С. 403.
41. Правда, 1959. – 17 мая.
42. Население России в XX веке: Исторические очерки. – Т. 2. – С. 131.
43. Там же. – Т. 1. – С. 188.
44. Международная жизнь, 1961. – № 12. – С. 8.
45. Через четыре года преемник Н.С. Хрущева на высшем партийном посту – Л.И. Брежнев – сообщил, что страна потеряла «свыше 20 миллионов

- человек» // Война и общество, 1941–1945: В 2-х кн. – М., 2004. – Кн. 2. – С. 387. В своем докладе, посвященном 30-летию Победы, в 1975 г., он, уже не называя никаких данных, ограничился общей фразой: «Тяжелым был путь к победе. Многих потеряли на этом пути» // Тридцатилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. – М., 1975. – С. 19.
46. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. – С. 199.
47. Там же. – С. 205, 210.
48. Вторая мировая война. – М., 1966. – Кн. 2. – С. 23.
49. Нюрнбергский процесс. – М., 1961. – Т. VII. – С. 307–315; История Великой Отечественной войны в 6-ти томах. – М., 1965. – Т. 6. – С. 30.
50. Впрочем, о потерях военнослужащих до начала 1990-х гг. в официальной открытой литературе никаких сведений не было.
51. История КПСС. 2-е изд. доп. – М., 1962. – С. 596.
52. Советская историческая энциклопедия. – М., 1963. – Т. 3. – С. 109.
53. Л.И. Брежнев реанимировал сталинское наименование высшей партийной должности в 1966 г.
54. Брежнев Л.И. Великая победа советского народа. – М., 1965.
55. Об этом подробнее см.: Дружба О.В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. – Ростов-на-Дону, 2000; Дубин Б. Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России // Мониторинг общественного мнения, 2003. – № 1 (63). – С. 13–25; – № 2 (64). – С. 26–40 и другие работы автора.
56. Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» Победа. О конструировании и передаче коллективных представлений в России 1970–2000 годов. Рукопись. С. 13.
57. Сводный перечень исследований, ведущихся в СССР в 1981–1985 гг. по проблеме «Советский тыл в Великой Отечественной войне». – М., 1982. – С. 3, 5, 6.
58. См., напр.: Урланис Б.Ц. Динамика населения СССР за 50 лет // Население и народное благосостояние. – М., 1968; Он же. История одного поколения. – М., 1968; Он же. Проблемы динамики населения СССР. – М., 1974; Гозулов А.И., Григорьянц М.С. Народонаселение СССР. – М., 1969; Яцунский В.К. Историческая демография в СССР // Вопросы географии. Сб. 83. – М., 1970; Дробижев В.З., Поляков Ю.А. Народонаселение СССР и история советского общества // Вопросы истории, 1974. – № 4; Смирнов Е.И. Война и военная медицина. Мысли и воспоминания. 1939–1945. – М., 1976; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. – М., 1977; Проблемы исторической демографии СССР. – Таллинн, 1977; Проблемы исторической демографии СССР. – Томск, 1980; Шелестов Д.К. История и демография // Вопросы истории, 1981. – № 5; Он же. Демография: история и современность. – М., 1983 и др.
59. Сводный перечень исследований, ведущихся в СССР в 1981–1985 гг. по проблеме «Советский тыл в Великой Отечественной войне». – С. 3, 4; Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. – М., 1985. – С. 305.

60. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – С. 5.
61. Первышин В.Г. Указ. соч. – С. 360.
62. Там же.
63. Вторая мировая война. – М., 1966. – Кн. 1–3.; Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк. – М., 1970; Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во Второй мировой войне. – М., 1971; Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. – М., 1975; История дипломатии. – М., 1975. – Т. 4.; Советская военная энциклопедия. – М., 1976–1980. – Т. 1–8; Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. – М., 1985 и др.
64. Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. Исторический очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1982. – С. 13.
65. История второй мировой войны 1939–1945 гг. – М., 1973–1982. Т. 1–12.
66. См., напр.: Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. Исторический очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1982. – С. 7; Поляков Л.Е. Цена войны. Демографический аспект. – М., 1985. – С. 42, 43, 87 и др.
67. История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. – М., 1982. – Т. 12. – С. 150.
68. Там же. – С. 148, 150.
69. Урланис Б.Ц. Война и народонаселение Европы. – С. 403.
70. Там же.
71. История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. – Т. 12. – С. 150–151.
72. Там же. – С. 151.
73. Поляков Л.Е. Цена войны: Демографический аспект. – М., 1985.
74. Там же. – С. 42.
75. Там же. – С. 44.
76. Там же. – С. 87.
77. Дядькин И.Г. Послесловие к статье С. Максудова // Звенья. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 111.
78. К последним отнесем, например, газету «Новое русское слово» и журнал «Посев», которые, впрочем, публиковали работы, рассчитанные на пропагандистский эффект. См.: Сергей Максудов. Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья. – Вып. 1. – С. 69, 106, 107, 108.
79. Звенья. – Вып. 1. – С. 111–112.
80. Там же. – С. 71, 107, 108, 111.
81. Там же. – С. 111.
82. Историки спорят. Тринадцать бесед. – М., 1988; Самсонов А.М. Знать и помнить. Диалог историка с читателем. – М., 1988; Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. – М., 1989; СССР: демографический диагноз. – М., 1990; Рыбаковский Л.Л. Двадцать миллионов или больше? // Политическое самообразование, 1990. – № 10 и др.
83. Горбачев М.С. Уроки войны и победы // Известия, 1990. – 9 мая.

84. См., напр.: Соколов Б.В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории, 1988. – № 9; Он же. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. – М., 1991; Козлов В.И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // История СССР, 1989. – № 2; Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история, 1992. – № 3 и др.
85. Цена Победы // Военно-исторический журнал, 1990. – № 3. – С. 14.
86. О деятельности комиссии см.: Красная звезда, 1992. – 16 июля.
87. Цена Победы // Военно-исторический журнал, 1990. – № 3. – С. 14.
88. Там же. – С. 16.
89. Там же.
90. Не был подготовлен и опубликован.
91. Первышин В.Г. Указ. соч. – С. 347.
92. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. – Т. 2. – С. 131–132; Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – С. 229.
93. См., напр.: Соколов Б.В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории, 1988. – № 9; Он же. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. – М., 1991 и др.
94. Соколов Б.В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. – С. 11.
95. Там же. – С. 12, 15.
96. Там же. – С. 14.
97. Поляков Л.Е. Цена войны. Демографический аспект. – С. 87.
98. Там же.
99. Соколов Б.В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. – С. 18, 19.
100. Дискуссии проходили не только на страницах известных исторических журналов. См., напр.: Максудов С. О фронтовых потерях советской армии в годы Второй мировой войны // Свободная мысль, 1993. – № 10; Поляков Ю.А. Великая война: дискуссии продолжаются // Свободная мысль, 2000. – № 5 и др.
101. Имеются в виду массовая публикация работ А.И. Солженицына, Р.А. Медведева, Р. Конквиста, В. Суворова и др.
102. Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. – М., 1992; Полвека назад: Великая Отечественная война: цифры и факты. – М., 1995; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». – М., 1996; Население России за 100 лет. Стат. сб. – М., 1998 и др.
103. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. – Екатеринбург, 1993; Гушин Н.Я. Население Сибири в XX веке: Основные тенденции и катаклизмы в развитии. – Новосибирск, 1995; Михалев С.Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Красноярск, 1998; Исупов В.А. Демогра-

фические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. – Новосибирск, 2000; Шабаев А.А., Михалев С.Н. Трагедия противостояния: Потери вооруженных сил СССР и Германии в Великой Отечественной войне. – М., 2002; Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Араловец Н.А. «Демографическое эхо» войны // Там же; Пронько В.А. Цена победы // Война и общество, 1941–1945: В 2-х кн. – М., 2004. – Кн. 2. и др.

104. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. – М., 1993; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. – М., 1993; Население России в 1920-е – 1950-е годы: численность, потери, миграции. – М., 1994; Народонаселение. Демографический энциклопедический словарь. – М., 1994; Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. – СПб., 1995; Население и общество. Информационный бюллетень, 1995. – № 5; Народонаселение: современное состояние и перспективы развития научного знания. – М., 1997; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России. 1927–1959. – М., 1998; Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. – М., 2001; Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х т. – М., 2001. – Т. 2: 1940–1959 и др.

105. Описание метода см.: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. – М., 1993. С. 73–80; Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. – Т. 2. – С. 130–131 и др.

106. См., напр.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – С. 227.

107. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. – Т. 2. – С. 130.

108. Там же. – С. 131; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. – С. 74–77.

109. Там же.

110. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. – Т. 2. – С. 131.

111. Там же. – С. 14.

112. Там же. – С. 131; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. – С. 75–77.

113. Первышин В.Г. Указ. соч. – С. 360–361.

114. Цена Победы // Военно-исторический журнал, 1990. – № 3. – С. 14.

115. См., напр.: Туритов Ф.Н. О Великой Победе только правду // 60 лет битвы под Москвой в Великой Отечественной войне. – М., 2005. – С. 76; Бельков О.А. Помнить войну // Власть, 2005. – № 5. – С. 4 и др.

116. Аргументы и факты, 2005. – № 8.

117. Гриф секретности снят. – С. 129–130.

118. Красная звезда, 1994. – 18 марта.

119. Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне. – С. 208, 260.

120. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – С. 239–240.
121. Там же. – С. 402, 409 (расчет наш – С.К.).
122. Об этом весьма эмоционально написал В.Г. Первышин // Указ соч. – С. 358–359.
123. В книге «Россия и СССР в войнах XX века» на 599 страницах приводится 229 таблиц, т.е. одна таблица на неполные три страницы.
124. См.: Там же. – С. 514–515.
125. Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей). – СПб., 1998.
126. Соколов Б.В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. – С. 11, 12, 14, 15, 18, 19; Он же. Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей). – С. 208, 225, 230, 231, 257, 310.
127. Первышин В.Г. Указ. соч. – С. 367–370, 343–344.
128. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. – Т. 2. – С. 130.
129. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – С. 237.
130. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. – Т. 2. – С. 50; Существуют и другие оценки числа жертв среди гражданского населения СССР, преднамеренно истребленных фашистами в период оккупации – 7420379 человек // Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – С. 233.
131. Там же. – С. 144; П.М. Полян называет 3,3 млн., погибших в плену // Жертвы двух диктатур. – М., 2002. – С. 130.
132. Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. «Россия». – М., 2004. – С. 387 (далее – БРЭ); П.М. Полян указывает, что вовне СССР было перемещено 5,45 млн. гражданских лиц // Указ. соч. – С. 135.
133. БРЭ. Т. «Россия». – С. 387; Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – С. 232.
134. БРЭ. Т. «Россия». – С. 387; П.М. Полян определяет количество эмигрантов из числа перемещенных лиц («невозвращенцев») в 0,7 млн. человек // Указ. соч. – С. 141. Но были эмигранты, не подвергавшиеся депортациям, те из них, кто ушел на Запад добровольно.
135. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. – Т. 2. – С. 194; Б.В. Соколов называл 611 тыс., погибших в ИТЛ ГУЛАГа // Соколов Б.В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. – С. 12.
136. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. – Т. 2. – С. 182.
137. Там же. – С. 191.
138. В блокадном Ленинграде по различным оценкам умерло от голода, холода, болезней от 600 тыс. до 1 млн. чел., погибло от артиллерийских обстрелов противника 17 тыс. жителей города. В Сталинграде только в августе 1942 г. во время массированных налетов немецко-фашистской авиации погибло свыше 40 тыс. гражданского населения. Десятками тысяч исчис-

ляются потери мирных граждан от бомбардировок Севастополя, Одессы, Керчи, Новороссийска, Смоленска, Тулы, Мурманска, Харькова, Минска и других городов. Мирные жители погибали не только от вражеских бомб и снарядов. 17 ноября 1941 г. Приказом Ставки ВГК № 0428 советским частям ставились задачи «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск». Во исполнение этого и подобных приказов были сожжены тысячи населенных пунктов, огромное количество советских людей осталось без крова, многие погибли. Только в полосе действия 5-й армии Западного фронта к 25 ноября 1941 г. в ходе выполнения Приказа Ставки № 0428 нашими войсками было полностью или частично сожжено и разрушено 53 населенных пункта // Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – С. 233; 60 лет полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (14–24 января 1944 г.). – М., 2005. – С. 328–330; Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. – С. 211, 213, 214.

139. Аргументы и факты, 2005. – № 8.

140. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – С. 3.

141. См.: Всероссийская Книга памяти, 1941–1945. Обзорный том. – М., 1995.

Е.Н.Боле*

**«БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ» В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА**

Установление судьбы всех участников Великой Отечественной войны, особенно тех, кто считаются «без вести пропавшими», несмотря на давность событий, сохраняет свою остроту в семьях потомков, переживших в послевоенные годы боль утрат и более чем сдержанное отношение властей к родным попавших в эти скорбные списки. Тема представляет и научный интерес с точки зрения восстановления исторической справедливости и поиска ответов о причинах и исторической достоверности возникновения самой проблемы как таковой.

Целью работы является выявление факторов, способствовавших увеличению в списках безвозвратных потерь действующей армии категории «без вести пропавшие» и обращение внимания на еще имеющиеся возможности сокращения ужасающих цифр в современных условиях. Работа в данном направлении ведется заинтересованными государствен-

*Боле Елена Николаевна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

ными и общественными организациями, к их числу относятся госархивы, военкоматы, региональные редколлегии Книг памяти и поисковые общественные объединения.

Не углубляясь в дискуссионную проблему о людских потерях в Великой Отечественной войне, укажем цифры, размещенные на интернет-сайте soldat.ru [1]. Опираясь на работы Кривошеева Г.Ф., вышедшие в 1998–2002 гг., на нем было указано, что безвозвратные потери* Вооруженных Сил СССР в 1941–1945 гг. составили 11.944 тыс.чел. Из этого числа пропали без вести 5.059 тыс. чел. Чем объясняются такие огромные цифры без вести пропавших воинов, составляющие более 42% к общему числу безвозвратных потерь? Здесь хронологически прослеживаются ряд известных причин как объективного, так и субъективного характера.

Первый период – период тяжелейших боев и поражений армии, особенно на начальном этапе Великой Отечественной войны. К середине июля 1941 г. из 170 советских дивизий 28 оказались в окружении и не вышли из него, 70 – понесли серьезные потери и нуждались в пополнении [2]. Большая часть из числа «пропавших без вести» оказалась в немецком плену. Но даже в том случае, когда командиры и штабы знали об этом, они нередко записывали «попавших в плен» в графу «пропал без вести», ибо за них вышестоящие начальники спрашивали меньше, чем за попавших в плен. Исследования материалов, в том числе архивных документов немецкого военного командования, подтверждают, что 4559 тыс. (из 5.059 тыс.чел. – *Авт.*) советских военнослужащих оказались в немецком плену, а остальные погибли в боях [3]. С изданием Книг памяти во всех регионах (работа по их подготовке началась в 1989 г.) были выяснены десятки тысяч судеб «пропавших без вести». Однако анализ содержащихся в мартироLOGах сведений по мобилизованным на фронт гражданам, все же позволяет судить о том, что примерно у половины из числа не вернувшихся с войны неизвестна фронтовая судьба, и они до сих пор числятся «пропавшими без вести». Кто-то из них погиб при транспортировке в лагеря военнопленных или во вражеском плену, другие были наспех похоронены в перерывах между боями в братских могилах, надписи на которых позднее были утрачены. Многие бойцы и командиры Красной Армии без вести пали в местах массовой гибели (в «котлах» либо при прорыве из окружения), но из-за отсутствия документов были учтены как «пропавшие без вести».

*В это число включены убитые в боях и умершие от ран при санитарной эвакуации или в госпиталях, пропавшие без вести и попавшие в плен военнослужащие (в том числе призванные по мобилизации, но по причине захвата их противником не зачисленные в списки частей действующей армии), а также не боевые потери (умершие от болезней, погибшие в результате происшествий, расстрелянные по приговорам военных трибуналов за воинские преступления).

Долгие десятилетия отношение к «пропавшим без вести» и их родственникам в стране было, мягко говоря, настороженным. Лишь в 1990-е гг. «пропавшие без вести» были приравнены к погибшим на поле боя, а в те годы розыском сведений о пропавших мужьях, братьях, отцах занимались исключительно их родственники. Парадоксально, но есть факты, когда еще в ходе войны родственники получали извещения о погибших с формулировками «пропал без вести», а после возвратившиеся с войны однополчане рассказывали им об условиях и местах гибели конкретных воинов. В ходе своих поисков официально продолжали получать все те же ответы. Из уст членов таких семей и в настоящие дни слышны обидные интонации и укорительные фразы относительно выгоды государства в социально-экономическом плане, однако состоятельность подобных эмоциональных заявлений следует подтвердить серьезными научными исследованиями в области данной проблемы, что требует детального ее изучения.

Имена тысяч советских солдат из безызначности возвращают поисковые отряды, работающие в полевых поисковых экспедициях в поисках останков павших в местах бывших сражений. На вопрос, почему до сих пор существует проблема не захороненных воинов Великой Отечественной войны, не один ответ даст любой из поисковиков. Касаясь темы «без вести пропавших», непременно отметит то, что цифры по этой категории, в числе других причин, росли в связи с несоблюдением правил учета потерь личного состава. Здесь следует упомянуть о солдатском медальоне образца 1941 г. В ноябре 1942 г. медальоны были отменены, взамен солдату выдали красноармейскую книжку. Инструкция по учету потерь нарушалась, прежде всего, из-за сложного использования медальона, его несовершенства, да и в других смыслах. Как известно, медальон должен был хранить два бланка с биографическими данными о военнослужащем. Если солдат погибал, то один экземпляр должна была изъять похоронная команда и доставить в штаб части для учета потерь и сообщения родным о гибели солдата. Вторым вкладыш полагалось оставить в медальоне при погибшем. Однако в условиях боевых действий это требование практически не выполнялось. И не стоит здесь винить кого-то в безалаберности или некомпетентности. Чтобы изъять медальон у погибшего, бойцу похоронной команды требовалось предпринять слишком много действий. Во-первых, найти место, где погибший хранил медальон, были то карман или голенище сапога. Далее следовало снять винтовую крышку футляра, вытащить один из бланков, оставив при этом другой, снова закрыть медальон, наконец, вернуть его обратно в карман. Длинную процедуру с окровавленными телами, случалось и под пулеметным огнем, выдерживал не каждый.

Негативно на учет потерь сказались и ментальные особенности русского человека – бытование в армии различного рода суеверий: думая о

том, что ношение заполненного медальона неминуемо приведет к гибели, владельцы медальонов не всегда использовали их по назначению. Об этом свидетельствуют данные результатов поисковых работ. Так, поисковиками из Республики Коми только за время одной экспедиции весной 2006 г. на одном участке были найдены 15 смертных медальонов, и лишь только пять из них содержали вкладыши. Горькие поисковые находки показывают, как солдаты обрекали себя на безвестность, делая из медальонов мундштуки или применяя их в качестве футляров для ношения иголки с ниткой и т.д.

Нельзя сказать, что о нарушениях учета личного состава в годы войны не было известно в высших командных кругах. В директиве ГЛАВПУ РККА Военным советам и начальникам Политуправлений фронтов и армий «Об организации погребения трупов погибших красноармейцев» от 22 декабря 1942 г. звучало следующее: «Главное политическое управление Красной Армии располагает фактами, когда многие командиры и комиссары действующих армий не заботятся о том, чтобы организовать сбор и погребение трупов погибших красноармейцев, командиров, политработников. Нередко трупы погибших в боях за нашу Родину бойцов не убираются с поля боя по несколько суток и никто не позаботится, чтобы с воинскими почестями похоронить своих боевых товарищей, даже тогда, когда имеется полная возможность. ... Отмечаются также случаи, когда погибшие бойцы не имеют при себе красноармейских книжек, а командиры и политработники – удостоверений личности, что затрудняет опознавание погибших на поле боя. ... Индивидуальные и братские могилы не регистрируются и не отмечаются на картах, должным образом не оформляются» [4].

Документы свидетельствуют, что ситуация по учету потерь мало изменилась в лучшую сторону и в последующие годы войны. Из письма бывшего заместителя председателя Львовского облисполкома Н.М.Петренко в Главное политуправление Красной Армии, датированное октябрём 1943 г., известно следующее: «Я считаю вопрос о правильном погребении погибших советских бойцов и командиров вопросом важным, влияющим на боевой дух армии. Немцы крепко учитывают психологическое воздействие на живых солдат соблюдения ритуала погребения и воспринимают его как заботу о человеке, даже после его смерти. У нас же наоборот, полное пренебрежение к трупам убитых. По дорогам от города Каменска Ростовской области до Харькова я немало встречал убитых красноармейцев, трупы которых валялись по 10-15 дней на дорогах в грязи, в канавах, в полях. По этим дорогам проезжают воинские части и наблюдают эту недопустимую картину нашей халатности. Для каждого воина Красной Армии совсем не страшна смерть, по-моему, очень страшно очутиться на месте убитого, брошенного на дороге, как что-то никому не нужное, забытое...» [5].

Проведение полевой поисковой работы в послевоенное время позволяет восстанавливать имена по найденным солдатским медальонам и именным вещам, и, тем самым, «возвращать» имена «без вести пропавших», определяя место и время гибели. Однако во многом это определяется качеством производимых работ и рядом сопутствующих, в том числе неблагоприятных факторов. С одной стороны, из рассказов местного населения открываются грустные картины первых послевоенных лет. Именно в те годы, уходя в леса и гуляя в опасных для жизни, но невероятно любопытных для подростков местах боев, среди сияющих на солнце гильз, рядом с побелевшими останками солдат, еще не полностью затянутых дерном и травой, местная детвора находила и некие «интересные черные пенальчики». Как ни кощунственно теперь это звучит, но местные жители, ныне уже зрелые мужчины признаются в том, что часто «неведомые бумажки» из черных футляров, напоминавшие самокрутки, выкуривались тут же, как папиросы. С другой стороны, с подачи государственных органов и во исполнение инструкций в те же, в первые десятилетия после войны, в попытках скрыть масштабы потерь, поля сражений вокруг населенных пунктов перепаживались, либо на них организовывались лесопосадки. Поиск останков погибших воинов сегодня в таких местах сильно затруднен, но еще более становится печальным, когда обнаруживаются медальоны с механическими повреждениями и прогнившими или обгоревшими вследствие такой «обработки» полей формулярами. Сколько было тогда утеряно подобным образом имен из медальонов (не говоря уже об отношении к телам и останкам павших), хоть на сотую долю имевших надежду на восстановление, пусть и спустя полвека и более – не скажет никто.

«Человеческий» фактор продолжает делать свое «черное дело» и в настоящие дни. Известно, что эбонитовые футляры являются отдельным предметом поиска «черных копателей». Найденные ими медальоны в лучшем случае продаются (чаще можно увидеть только футляры), а в худшем – ломаются назло «белым» поисковикам. В том и другом случае это означает, что утеряно еще одно имя и на погибшего солдата не внесут поправки о точном месте гибели (выбытия) в Книге памяти, не оповестят родственников о месте захоронения близкого им человека.

Сегодня в России более 400 различных поисковых отрядов, 52 региональных поисковых объединения [6]. Официально и организованно поисковые работы проводятся с 1988 г. За это время в рядах поисковиков побывали тысячи соотечественников, и лишь десятки людей остались и работают на благо поискового движения с самого его основания. Найденные в ходе полевых экспедиций медальоны, именные вещи, боевые награды позволяют установить имена их владельцев, а в сравнении с данными Книги памяти – сокращать в мартирологах графу со списком «без вести пропавших» в 1941–1945 гг. Приведем небольшой пример,

касающийся уроженцев и призванных на фронт из Коми республики по состоянию на 2004 г. Из 44-х фамилий погибших воинов, останки которых были найдены на поле боя в разных областях страны, по Книге памяти РК краткие биографические сведения о фронтовой судьбе по большинству фамилий нуждались в уточнениях и дополнениях, особенно по времени и месту гибели. Более того, из 44-х воинов числились без вести пропавшими 13 чел., а еще 11 чел., отдавших жизни за Родину, оказались вовсе забытыми. Имена погибших на поле боя уроженцев и призванных из республики никак не были увековечены в мартирологе. По представленным поисковиками сведениям об их эксгумации и захоронении, по всем из них были внесены поправки в электронную Книгу памяти Республики Коми. Таким образом, результаты поисковых экспедиций, прежде всего, на региональном уровне позволяют произвести переучет потерь.

В масштабах страны, как отмечает С.И.Садовников, на основании информации, поступающей от поисковых организаций, в документах Центрального архива Министерства обороны РФ производится переучет сведений о судьбах этих военнослужащих – перевод их из категории «пропавшие без вести» на «погибшие» с указанием места захоронения [7]. Однако насколько системно в архиве проводится работа по переучету потерь, автору настоящей статьи выяснить не удалось. Также безуспешной оказалась попытка определения общей цифры «переведенных» из одной категории в другую по предоставленным поисковиками данным.

Отчасти такое положение объяснимо тем, что на всероссийском уровне за двадцатилетний период официально проводимых поисковых работ так и не был создан постоянно действующий координационный центр, куда могла бы стекаться вся информация о результатах поисковых экспедиций. Инициировали и реализовали идею по сбору и систематизации этих материалов поисковики-энтузиасты. В 2005 г. вышли в свет две уникальные книги, где названы имена воинов, обретенных в ходе поиска. Книга «Имена из солдатских медальонов» (составители А.Ю. Коноплев, Р.Р. Салахийев) [8] представляет собой крупный фолиант, в который вошли биографические сведения о 6410 погибших воинах, установленных по найденным медальонам, наградам и именованным вещам 495 поисковыми организациями. Как отмечают авторы-составители, эта книга является результатом общего труда всех поисковиков страны. Основная цель издания – собрать и сохранить разрозненные списки установленных имен в единую базу данных, доступную каждому не только сегодня, но и в будущем, понятную не только поисковикам, но и любому, кто ею заинтересуется [9]. Материалы книги показывают масштабы работы поисковиков по установлению имен и их неоценимого вклада в дело увековечения памяти павших защитников Родины.

«Новые» имена возвращаются в народную память с каждым новым полевым сезоном, планируется издание других томов книги «Имена из солдатских медальонов». Эту серию книг возможно отнести и рассматривать как исторический первоисточник. Размещенная в ней информация «собранная с полей» позволяет предпринять следующий этап научных исследований: в сравнении с архивными документами о безвозвратных потерях, сведениями Книг памяти исследователям предоставлена возможность, несмотря на столь давний срок событий, определения близкого к истине числа «без вести пропавших» воинов на фронтах Великой Отечественной войны.

Обобщение данных по людям, чьи имена установлены по боевым наградам с привлечением архивных документов и других справочных материалов, сделано С.И. Садовниковым в книге «Чтоб не распалась связь времен... Опознаны по боевым наградам» [10]. Представленные в книге 324 найденные награды принадлежали 308 воинам (у 14 павших было выявлено по две–три награды). Автором этой книги составлен именной список награжденных, выявлены довоенные адреса, описаны подвиги, прослежены их фронтовые судьбы.

С течением времени меняются подходы к проведению поисковых работ. Очевидно одно – пришло время научного осмысления работы поисковых отрядов от сугубо практической значимости для отдельных граждан общества – родственников погибших, до изучения проблемы «без вести пропавших» в Великой Отечественной войне в кругах специалистов. Важно подчеркнуть, что первые шаги в этом направлении поисковиками-общественниками уже сделаны.

Литература и источники

1. http://soldat.ru/doc/seach/destiny/1_contents.html.
2. Всероссийская Книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. – М.: Воениздат. – С. 450.
3. Там же. – С. 411.
4. Русский архив: Великая Отечественная война. Т. 17–6 (1–2). – С. 97–98.
5. Родина, 1991. – № 6–7. – С. 152.
6. Юров Д. Вернуть героям имена // Красная звезда, 2006. – 3 мая.
7. Садовников С.И. Чтоб не распалась связь времен... Опознаны по боевым наградам. – М., 2005. – С. 7.
8. Имена из солдатских медальонов / Сост. А.Ю.Коноплев, Р.Р.Салахиев. – Казань: «Отечество», 2005. – 579 с.
9. Отечество // Газета ОМО «Объединение «Отечество» Республики Татарстан, 2006. – № 1 (57). – Февраль.
10. Садовников С.И. Чтоб не распалась связь времен... Опознаны по боевым наградам. – М., 2005. – 295 с.

О.Е. Бондаренко, Т.М. Хорунжая*

ФРОНТОВОЙ БЫТ

(по материалам сборника «Фронтовые письма 1941–1945»)

В 1995 г. к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне в Коми книжном издательстве вышел сборник «Фронтовые письма 1941–1945». Коллектив составителей (Л.Д. Шарая, В.Д. Захаров, Е.Э. Макеева, Э.В. Роттэ, А.Ф. Сметанин) выявил и опубликовал письма военных лет жителей Коми АССР, которые долгие годы хранились в семейных архивах, в школьных, городских и районных краеведческих музеях. Всего в сборнике опубликовано 213 писем, они приведены в хронологической последовательности. Среди авторов писем люди разных профессий: учителя, студенты, директора школ, редакторы газет, поэты, медицинские работники, бухгалтер, оленевод, лесоруб и т.д. На фронте они стали рядовыми, командирами, политработниками, воевали в разных подразделениях войск, на разных фронтах, участвовали в партизанском движении. Бойцы принимали участие в боях под Ельной, участвовали в обороне Москвы, Сталинграда, воевали в Белоруссии, Эстонии, Латвии, на Украине, служили на Северном флоте, сражались на различных фронтах, освобождали от фашистов Польшу, Румынию, Венгрию, вели бой на территории Германии.

Авторы писем затрагивали многие вопросы фронтовой жизни, в данной статье предпринята попытка на основе их содержания более подробно рассмотреть фронтовой быт участников войны, наших земляков.

Человек на фронте не только воевал: наступало затишье, и в эти часы он был занят работой, множеством больших и малых дел, выполнение которых входило в его обязанности, и от которых во многом зависел его успех в новом бою. Солдатская служба включала в себя, прежде всего, тяжелый, изнурительный труд на грани человеческих сил.

В понятие фронтового быта или уклада повседневной жизни в боевой обстановке входит «заполнение» времени служебными обязанностями (несение караульной службы, обслуживание бытовой техники, забота о личном оружии, выполнение других работ, свойственных родам войск и военных профессий и т.д.), а также часы отдыха и досуга, в том числе и организованного, то есть все то, что составляет распорядок дня» [1].

***Бондаренко Ольга Евтихеевна** (Сыктывкар) – член-корреспондент Академии военно-исторических наук, кандидат исторических наук, доцент Сыктывкарского государственного университета.

Хорунжая Татьяна Михайловна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент Сыктывкарского государственного университета.

Основными составляющими фронтового быта являются также боевое снабжение и техническое обеспечение войск (оружием, боеприпасами, средствами защиты, передвижения, связи и т.п.), жилье, бытовое снабжение (продуктами питания и обмундированием), санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие, а также связь с тылом (переписка с родными, посылки, шефская помощь, отпуска).

От качества быта, его организации во многом зависели моральный дух войск и их боеспособность. Недостаточный учет отдельных факторов быта мог негативно сказываться на ходе боевых действий или приводил к неоправданно большим потерям и тяготам личного состава. Фронтовой быт играл важную роль в достижении победы или же напротив мог являться одной из причин поражения.

В первые дни войны, когда происходило отступление советских войск, было не до организации быта. Так, А.А.Старцев 30 июня 1941 г. сообщал своей жене, что находится «на поле боя по обороне г.Могилева. Спать приходится где попало, ну, конечно, просто на земле. Ночью бывает сильно холодно. Умываться также не все время представляется возможным. Война это есть война, она стирает различия между людьми, для всех: и для колхозника, и для инженера, приходится выполнять одни и те же порядки, испытывать одни и те же бытовые и прочие условия. Здесь все равны. Ушли мы с казармы быстро, чемодан с вещами я так и оставил (как и все), теперь не знаю, увижу ли я эти вещи или нет – не знаю».

В.Ф. Каракчиев в письме жене Татьяне Ивановне 20 ноября 1941 г. писал, что находится на Карельском фронте, не мог сообщить ей точный адрес, так как «живем то в шалаше, то в блиндаже, а то и под открытым небом, когда как приходится».

Размещение воинов происходило в основном в землянках и блиндажах. Описание одной из таких землянок дано в письме В.И. Куштысева: «Я живу по старому, дерусь с немцами. Сижу сейчас в фронтовой землянке, сквозь щели проходит дневной свет... Постель из хвои, печка из бака, стол из ящика, ложка из банки...»

Николай Федорович Попов в письме своей жене А.Ф. Веховой писал: «Началась распутица, снег повсюду начал днем и ночью таять. В землянке сыро, не знаю, как избавиться от воды».

В дальнейшем произошли перемены к лучшему. Землянка воспета в песнях Великой Отечественной войны.

Определенное место в письмах занимали вопросы питания. Летом 1941 г. А.А.Старцев жене сообщал: «Питаемся больше сухарями, супом, воблой, кашей. Кормят хорошо». Возможно, последняя фраза была предназначена для успокоения жены. В письме А.П.Филиппова, адресованном отцу, речь шла в том числе и о еде: «...больше месяца уже не ел

горячей пищи и горячего чая не пил. Питаемся консервами, сухарями или хлебом, и сахар иногда дают. Сегодня была получка, получили 17 руб. за два месяца, но не знаю, что и купить, в лавках ничего нет, все отвозят назад». Иван Алексеевич Коновалов, который сражался под Ленинградом, сообщал матери Александре Павловне 30 ноября 1941 г., что «Еду доставлять неоткуда, поэтому все время впроголодь, кормят два раза в сутки и еда – одна вода. В сутки дают триста граммов хлеба, да и тот сегодня украли».

В письме В.Я.Попова жене Анастасии Дмитриевне от 7 марта 1942 г. содержится информация об одном из ужинов: «Пужинал. Ужин был плохим: кусочек рыбы с ладошку Шурика*... и 150-200 г. хлеба. Вечером полагается 200 г., а на руки, конечно, достанется поменьше. Песок выдали 200 г. на 5 дней, сел и ел его ложечкой. Думал, если бы этот песок Милюше,** с каким удовольствием она макала бы теплым хлебом. Но это же несбыточное».

Ф.И. Малофеев сообщал жене насчет еды: «Кормят когда как, но голодными пока не оставались».

Трапезников Евгений Константинович в письме из прифронтовой полосы Сталинградского фронта 8 июня 1942 г., не вдаваясь в подробности, отмечал, что «с питанием здесь очень хорошо».

Старцев Алексей Александрович в 1942 г. в письме любимой жене сообщал, что «настроение хорошее, питание тоже, табаком снабжают нормально».

Во многих письмах содержится информация об обуви: «...портянок у меня 3 пары, их ношу зараз: сапоги большие и вполне позволяют наvertывать три пары. Я уже писал, что хожу в своих сапогах, они очень удобные: с кожаной подошвой и легкие. В них ноги не потеют и мало устают». Не повезло с обувью В.Ф. Каракчиеву: «Немного я в сапогах подморозил ноги, т. к. сапоги были очень малы. Но это пройдет». А.М.Быков сообщал родным 27 декабря 1941 г., что «главным образом холодно, сапоги неважные, с дырами, ноги постоянно мерзнут, не привыкаем и не привыкнем».

На фронтовой быт (одежду, обувь) влияние оказали морозы, советское командование стремилось учесть негативные последствия недостаточной подготовки обмундирования Красной Армии в советско-финляндской войне 1939–1940 гг., когда замерзали и теряли боеспособность по причине обморожения целые воинские части. В годы Великой Отечественной войны особое внимание обращалось на зимнее обмундирование. Филиппов Викентий Петрович письмо от 29 декабря 1941 г. заканчивал словами: «Одежда и обувь теплая: валенки с теплыми портянками, шинель, фуфайка и двойное белье».

*Шурик – малолетний сын автора письма.

**Милюша – дочь автора письма.

С.И. Безносиков 27 ноября 1942 г. писал жене, что «валенки, меховой жилет, большие рукавицы у меня сохранились. Кроме того, здесь дают шубу, шапку, валенки, теплые шаровары. Наш тыл, Маруся, работает очень и очень хорошо. Одевают фронтовиков лучше некуда. Пожалуй, некоторые до армии не носили то, что носят сейчас». Об этом же идет речь и в письмах В.Ф. Каракчиева и Ф.Т. Обрезкова: «Теперь мы получили все новое. Новый полушубок с воротничком, новые валенки серые, шапку теплую с ушами, рукавицы и ватные брюк», из другого письма: «Одели обули хорошо. Дали валенки, шубу, куртку, шинель, одним словом, одеты тепло и хорошо».

В то же время некоторые письма содержат информацию противоположного содержания. А.П. Размыслов сообщает сестре Лине 12 декабря 1942 г.: «Пока мы стоим на берегу реки Дон. Живем во временных землянках, впритык в песке. Очень холодно. Зимнее обмундирование еще ожидаем».

Особое место во фронтовом быту занимало употребление алкоголя личным составом. Алкоголь, как и некоторые другие вещества, оказывает разностороннее действие на организм и психику человека в сильнейшей стрессовой ситуации боевой обстановки. Первый и, пожалуй, единственный опыт узаконенной выдачи алкоголя в отечественной армии в XX в. относится ко Второй мировой войне. Примечательно, что почти сразу после начала Великой Отечественной войны спиртное было официально узаконено на высшем военном и государственном уровне и введено в ежедневное снабжение личного состава на передовой. В подписанном И.В.Сталиным Постановлении ГКО СССР «О введении водки на снабжение в действующей Красной Армии» от 22 августа 1941 г. говорилось: «Установить, начиная с 1 сентября 1941 г. выдачу 40-градусной водки в количестве 100 грамм в день на человека красноармейцам и начальствующему составу первой линии действующей армии» [2].

Об этом есть упоминание только в нескольких письмах. Так, в письме офицера В.Н. Холопова отцу 19 декабря 1942 г. есть строки о выдаче по 100 грамм водки.

Многие воины стремились следить за своим внешним видом и на фронте. Так, А.А.Старцев в письме к родным от 31 января 1943 г., описывая день, отмечает, что и сейчас вот только что кончил бриться. «Бреюсь я часто, через каждые 3-4 дня. Правда, борода у меня не большая, такая же, какая была, когда я был дома. Волосы тоже аккуратно подстрижены и причесаны, как бывало дома. Моюсь тоже аккуратно каждый день». В то же время были проблемы с организацией бани, иногда несколько месяцев не мылись в ней.

В перерыве между боями участники военных сражений занимались мирными делами – читали книги, газеты. В.П. Куштысев в письме от 24 мая 1944 г., написанном сестре Лидии писал: «Здесь были книги, я

читал, солдат ко всему привыкает. Под разрывами снарядов, под свистом пуль привыкаешь и книги читать, и все (что) угодно».

Особенно бойцы были заинтересованы в получении районных и городских газет из своих мест, чтобы быть в курсе тех дел, которые происходят дома. Сержант В.А.Злобин писал Мановой 3 июля 1943 г.: «Дорогие подруги! Мы от вас получили письмо и газету «Стахановец», за которую мы вас очень благодарим. ...мы, бойцы и командиры, просим о нас не забывать, писать письма высылать газету почаще, а для нас это тыловая газета, а особенно из своего района, и знаешь теперь, как работают наши колхозы, и колхозники, и колхозницы». В редакцию районной газеты «Стахановец» обратился фронтовик Пудов Иван Иванович с просьбой следующего содержания: «С начала войны я нахожусь на фронте, защищая свою Родину и не зная, как проходит жизнь и работа в своем районе. Я бы очень желал и прошу вас выслать газету на родном языке. Прошу не отказать».

Перед бойцами выступали артисты. Р.Р.Козловский, очевидно, был в составе танцевальной бригады. 20 июня 1941 г. он пишет матери, что был в поездке 7 дней. «Выступали на открытом воздухе, в землянках, клубах, в гаражах и ангарах, танцевали на столах, на фанерном листе в 1 кв. м.... Всюду принимали исключительно тепло, благодарили нас».

Удивительно, как на фронте, несмотря на тяжесть боев и усталость, бойцы реагировали на изменения в природе. Виталий Николаевич Холопов в письме к жене Вере Павловне обращает внимание на то, что «скоро наступит весна. Во всем чувствуется приближение весны. И птички стали щебетать по-иному, по-весеннему. Как-то вот они живут, несмотря на вой снарядов и грохот разрывов». О.В.Иевлев пишет родным 4 июня 1943 г.: «Сегодня идет теплый, теплый дождик. Недавно я принес и посадил в ящике из-под патронов несколько тюльпанов, сейчас уже распустились большие синие цветы. Все кругом цветет, зеленеет...».

Отмечали на фронте и праздники. Из письма П.А.Ромашкова преподавателю пединститута А.Ф. Веховой: «Пишу это письмо 1.01.44 г., в день, который бывает один раз в году, и его нам приходится праздновать в военной обстановке... Мы Новый год проводим весело, несмотря на то, что температуру повысить нет возможности, а в отношении самостоятельности русский солдат очень смекалистый. У него идет в ход все: ложки из жести, тарелки, битые тазы и т. д.».

Бойцы ждали из дома не только письма, но и посылки, которые им присылали родные, земляки, а также они поступали и от других лиц. Евгений Николаевич Потолицын, обращаясь к матери, писал: «Мама, посылай быстрее посылку, только не ложи теплой нательной рубашки, потому что здесь не разрешают носить теплых рубашек. А положи рукавицы, джемпер, материал для воротничков, рукавицы и сухарей или сухеш обязательно. Только посылай быстрее. А то не дойдет». Р.В. Коз-

ловский сообщал, что «приехав в Полярное, получил посылки от тетки, сразу две, одну для тебя (матери), другую для меня. Переслать не удалось, так как не принимали их на почте. Вот я их обе и употребил, а папиросы так до сих пор курю и не покупаю в буфете».

Посылки приурочивались к праздникам. В одном из писем встречается описание встречи Нового 1942 года на фронте. А.С.Ладанов пишет родным, что поступили подарки из Архангельской области, ему «дали бритву, бритвенный прибор, печенье, колбасу, носовой платок», «послали большую благодарность жителям Архангельской области и города, что не забывают нас и помогают нам».

Подарки, подготовленные жителями Коми АССР, также направлялись на фронт и 5 января 1942 г. военный комиссар 54-й армии М.Медведев информировал, что они получили подарки и «неоценимо рады проявленной вами заботе о Красной Армии».

10 марта 1943 г. комсомольцы Усть-Усинского райисполкома получили письмо Н.К. Щебелева, в котором он от имени красноармейцев и комсомольцев 445-й части благодарил за посылки: «Ваши гостинцы овеяли нас радостью и теплом, у каждого забилося сердце и вспомнили свой родной дом. Получая подарки, каждый боец вспоминает о родных, о близких знакомых, в особенности о тех, которые находятся в оккупированных районах...Ваши подарки напомнили нам всем красноармейцам и командирам о нашей дружбе советского народа, усилили ненависть к врагу».

Существовала традиция писать несколько слов о присланных предметах. Автор письма Н.К. Щебелев лично благодарил Е.Белозерцеву за блокнот, на котором стояла ее фамилия и были написаны слова «Дорогому воину от комсомольцев», этот блокнот был передан Н.И. Щебелеву как заместителю командира части.

Н.И. Потолицин информировал жену, что посылку он получил 9 декабря 1944 г. и благодарил за все дорогие и неоценимо высокие подарки в посылке: «Вот я еще и теперь, спустя 1,5 месяца, имею возможность наслаждаться подарками, кушать сухарики и печенье, пользуюсь духами, эмульсионом и т. д. Очень дорог и вкусен для меня был спирт». «Добрый день, Лиечка и Граня. Сегодня мне принесли вашу посылочку. Очень благодарю. Только зачем вы послали сухари и белье. Ведь я сыт по горло и одет по-настоящему. Очень понравился мне кисетик. Долго их я ждал и буду хранить до... возвращения домой. Сухари положил в мешок на неприкосновенный запас, на случай, если когда-нибудь придется голодать. Ведь здесь все возможно. Фронт – фронт и есть. Сегодня сыты по горло, а завтра может и крошки не увидишь», – сообщал родным Д.И. Зезегов.

В 1945 г. посылки начинают поступать уже с фронта. Сергей Андреевич Горчаков писал, что «послал я к вам маленькую посылочку

и не знаю, получите, нет. А если получите, это все можно загнать на хлеб, или с кем-нибудь сменить на хлеб. Много послать нельзя. Можно хоть немного послать, но нельзя было.... Здесь много чего валяется, но послать пока не могу. Уже готова вторая посылка, но послать пока никак». П.Ф. Тырин просил родных сообщить о получении посылки, которую он им выслал в феврале 1945 г. 31 марта 1945 г. В.И. Куштысев информировал родных: «Хотел бы послать посылку, но как-то не нашел времени во время боев, а сейчас пока трофеев нет, немножко отошли в тыл, ну, в следующий раз обязательно что-нибудь пошлю». Тимофей (фамилия не установлена) фронтовому товарищу Алексею писал 25 апреля 1945 г.: «Алексей, я тебе приготовил посылку: два костюма и одни ботинки и одну рубашку, больше веса нельзя положить – 5 кг. А после 1 мая буду сдавать и тебе отправлю. Когда вышлю, то письмо напишу, что выслал».

В понятие фронтового быта, как уже отмечалось раньше, входила и переписка с родными. Солдаты очень ждали писем, подсчитывали, сколько их получили, просили родных писать чаще, для них это было очень важно – получит весточку из дома, быть в курсе домашних дел. Об этом хорошо сказано в одном из писем: «...я тебя прошу больше всего – чаще пиши мне письма, а через письма я буду знать всю жизнь вашу, и вместе с вами буду жить одной жизнью, как и жили вместе».

С.Г. Чупров отмечал, что получение писем имело для бойцов психологическое и политическое значение и разъяснял: «Когда я получаю письма из дома от своих родных и знакомых, от товарищей, находящихся в тылу, я вижу в этих письмах выражение органической связи между армией и тылом, единство и общность нашего дела, великого дела защиты Родины. В этих письмах я ощущаю всю силу великой идеи защиты Отечества, которой охвачены и движимы теперь все слои нашего советского общества, благодаря неустанной работе партии Ленина, Сталина. Вот почему дни получения писем надолго запечатлеваются в памяти, тем более, когда получаешь письма, пылающие ярким пламенем советского оптимизма». Письмо датируется 11 марта 1942 г. и адресовано преподавателю пединститута А.Ф. Веховой. Из письма Н.П. Потоплицына жене: «Родненькие, вот представьте, как радостна для меня каждая строчка Вашего письма. В дни разлуки с Вами письма подкрепляют и морально, и знаешь жизнь друг друга».

Содержание писем позволяет проследить отношение фронтовиков к своим родным: матери, жене, детям, родственникам. Жилин Александр Алексеевич, очевидно, незадолго до войны женился. Его письмо, адресованное жене Глафире Ильиничне, отражает боль от разлуки с любимой женой и тоску по ней: «Гранечка, уже 12 суток, как мы расстались». Вовремя отправить письмо не удалось, посылает его позднее и снова фраза «прошло 20 дней как мы расстались». Счет в 1941 г. еще шел на

дни. А.А. Жилин был ранен на фронте во время боя в грудь и плечи, находился в госпитале в Кременчуге, очень волновался о своей жене, так как не получал от нее известий, не знал, удалось ли ей добраться до дома. Жену, которая ждала ребенка, он просит беречь себя, отдыхать и «сохранить мое наследство». «Если благополучно обойдется и родится мое наследство, то пусть растет. Жив буду, вместе будем, а погибну – останетесь с ним и храните его за меня, вырастите и воспитайте. Пусть останется хотя бы он за меня или она. Гранечка, если меня не будет, то не пожелаю вам найти другого, живите одна, красуйтесь, веселитесь, но не срамите мое достоинство. Живите в Глотова с матерью вместе, помогите ей. В числах 20-х сентября буду ожидать телеграмму (родится сын или дочь), тот день мне будет самым счастливым днем и праздником в моей жизни». Автор этих писем погиб в 1942 г.

Ожидал прибавления семейства и Василий Яковлевич Попов из с. Ыб Сыктывдинского района. 25 сентября 1941 г. Он писал жене Анастасии Дмитриевне: «Любимая Настя, дорогая, любимая жена, любимая Эмилия, хорошая дочь моя, здравствуйте. Если письмо будет идти 10-20 дней, ты, Настя, уже родишь. Если все будет благополучно, у нас уже будет сын или дочь. Я думаю, что до получения вами этого письма, я через телеграф узнаю, как сложится дело» и добавлял: «Настюша, что тебе снится. Я часто вижу вас во сне». Он успел получить известие о рождении ребенка, погиб в бою в 1944 г.

Беляев Андриян Андреевич обращается в письме к жене с просьбой: «В этом письме посылаю 30 рублей денег. Купи на эти деньги исключительно игрушки моим милым деточкам и скажи им, что папа им велел купить. Клаша, ты подумала, как мне жалко ребят и, черт его знает, увижу ли моих крошечек. Томочка в этом году пойдет в школу, купи ей книги, тетрадки, карандаши. Если нет в магазинах возможности купить сумочку, то мой портфель перемени на меньший портфель и пусть будет ей сумочка ходить в школу, как память от папы».

Бойцы тоскуют по детям, в письмах спрашивают об их здоровье, просят жен больше уделять им внимания и беречь. В семье Зезеговых двое детей, отец пишет в письме: «Граня! Я понимаю, что тебе совсем не весело. Но рекомендую, поменьше оставлять Лию (старшую дочь) нянькой. Дом строить нанимай работников, а сама детей воспитывай, чтобы они были здоровы. Ведь их счастье – наше счастье». Обращаясь к жене, А.А. Старцев обращает внимание на то, что она «должна в детях воспитывать честность, любовь к труду и родителям, чтобы они выросли и стали гордиться тобою и мною». Просит Людмилу Петровну, чтобы она берегла его пространные письма «может, когда-нибудь они еще понадобятся для детишек».

Своим женам они адресуют ласковые слова. Интересное обращение в письме В.Я. Попова: «Любимая Настя, дорогая, любимая жена,

Любимая Эмилия, хорошая дочь моя, здравствуйте». Чувствуется, что ему приятно употреблять эти слова, ласковые и повторяющиеся в обращении к жене и дочери. «Душа переполнена тоской. Сегодня уже 6-й день, как не писал вам. Чем дальше, тем больше скучаю по вам».

Горечь звучит в его письме от 2 ноября 1941 г.: «Была у нас прекрасная жизнь, но разъединили. Теперь живем отдельно. Ты одна и я один. Далеко. Презренный гадин Гитлер сделал всё так. Но когда «собаку» истребим, будем снова жить хорошо. Очень хорошо. Еще лучше, чем жили».

Степан Матвеевич Политов 18 июля 1941 г., адресуясь к жене Филлицате Павловне, отмечал: «Финна, Вы, может, думаете, что я про вас не думаю, как это бывало вы писали раньше, так не думайте. Ведь у меня тоже есть сердце, которое чувствует. Безусловно, я много могу терпеть, выдерживать, что незаметно внешне».

Тех, кто на фронте, волнует и интересует жизнь родных, земляков, они искренне переживают за родителей, жен, понимая, что им нелегко без мужских рук и помощи. В.Я. Попов интересуется урожаем: «Настя, как прошла уборка? Осталось ли что-нибудь на поле? Кто убрал нашу картошку? Здесь погода паршивая. Чтобы никогда больше такой погоды не было. Это важно для всех – для вас, для колхозников и для бойцов на фронте». В следующем письме он спрашивал: «Какой был лук, морковь, огурцы, редька. Что вы там кушаете? Какой в этом году поросенок. Сколько денег дают на трудодень? И вообще, как с хлебом? Смолотили хлеб в колхозе или нет?».

Д.И. Зезегова заботило начатое строительство дома накануне войны – «насчет строительства. Ты постарайся закончить строительство как можно скорее. Я едва ли приеду скоро. Дадут ссуду – бери. Но на зиму, если хорошенько не проконопатишь – не переселяйся. Холодно там будет». Многие вопросы содержит и письмо А.А. Старцева: «Меня лично интересует все, в частности, кого из моих знакомых взяли в армию в Сыктывкаре, как прошел выпускной вечер в фельдшерской школе. Фотографировался ли 3-й курс и просили ли мою карточку, получила ли от меня перевод, как доехали в Усть-Вымь и долго ли вы собираетесь там быть. Напиши, как идут дела в музее. Начат ремонт и подготовка к выставке?» В. Козловский интересуется здоровьем матери и попутно спрашивает: «Как кончился учебный год в школе и что делают ребята? Как идет жизнь в Ухте? Ты обо всем мне напиши, потому что меня это интересует».

Леонид Тимофеевич Филиппов интересуется в письме, адресованном в Усть-Вымь: «Как охотится отец? На сколько рублей убил белок. Есть ли дичь сей год? Убил ли зверей? Как здоровье отца, матери... пускай берегут свое здоровье. Помногу ли давали на трудодни хлеба, картошки

и других продуктов? И вообще, какова жизнь с продуктами и как Вы сами живете».

Письма содержат массу бытовых деталей. Е.И. Мартюшев пишет брату Александру, чтобы он аккуратно пользовался ружьем, так как «сейчас пока ружье взять негде будет», «еще пишу одно слово: сапоги мои где попало не носи, по праздникам одевай, когда не будя». Н.В. Трофимова просит мать Анну Александровну прислать ей сушеную черемуху, «а то уже(давно) не видела никаких ягод».

На фронте бойцы вспоминают не только довоенные будни но и то, как проводились праздники. В письме, написанном 2 октября 1941 г. В.Я. Поповым, содержатся следующие строки: «Настуся, когда это письмо дойдет до вас, время уже, наверно, будет после праздников. Какой будет у вас праздник? Раньше-то готовили брагу, выпечки, другие вкусные вещи. Напиши, Настя, как пройдет праздник. Я вас поздравляю с праздником и желаю успехов, здоровья, счастья, желаю от всего сердца».

Во многих письмах речь идет о фотографиях. Вдали от родных фронтовики любили разглядывать фотографии близких, взятые из дома, кто не успел их захватить просили прислать, посылали и свои фотографии уже в гимнастерках, в военной форме. В.Я. Попов в письме к жене просит, чтобы они чаще писали «Очень ведь скучаю. Сердце разрывается, когда о вас думаю. Рассматривал фотографии. Нас троих соединил и долго-долго смотрел. Золотые мои, сидят Настуся с Милюшей на фотографии, как живые». Вокуев Петр Иванович сообщал родителям: «(Так) как я еще заказал фотокарточки добавочные 6 штук, получили – храните и смотрите, вставьте в рамки. И еще я вам советую на память сфотографироваться, если мы приедем и вас не будет, а у вас нет фотографий, и этот совет вы обязательно сделайте».

Анализ содержания писем, касающегося вопросов фронтового быта, позволяет установить, что в определенной степени фронтовики затрагивали практически все стороны быта, но в письмах, адресованных родным, больше внимания уделялось вопросам жилья, бытового снабжения, что в определенной степени было обусловлено тем, что они стремились успокоить своих родных и не всегда могли писать о боевом снабжении и техническом обеспечении войск.

Литература и источники

1. Синявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999. – С. 74–75.
2. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999. – С. 83.

С О О Б Щ Е Н И Я

А.А. Башлыков*

К ВОПРОСУ О ПОЛЬСКО-ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ

Начало XVII века – один из самых трагических периодов в истории России. Современники событий этого времени метко именовали его «смутным». Сложность обстановки, многогранность борьбы (политической, социальной и национально-освободительной), трагизм многих явлений нашли широкое отражение у современников в летописях, повестях и сказаниях, житиях святых, различного рода записках иностранцев, преданиях и легендах.

Проблема польско-шведской интервенции на Европейском Севере России рассматривалась в полном объеме не достаточно подробно в современной исторической науке. Однако на основе ряда работ можно дать довольно четкую картину этих событий, в частности на данной территории. Этот регион интересен тем, что стал театром военных столкновений во время вторжения войск поляков и шведов в Россию.

Проблема изучения польско-шведской интервенции на Европейском Севере России поднималась в трудах Е.А. Разина, Я.Г. Солодкина, И.А.Смирнова, отдельные сюжеты были представлены в трудах Г.А.Антипина, З.С. Кочиной, А.Н. Кирпичникова, Ю.С. Васильева.

Источниками послужили Сказания о нашествии поляков на Устюжну Железнопольскую, Вологодско-Устюжская летопись, Повесть об обороне Устюга Великого в 1613 г.

Цель данной работы – наиболее полное рассмотрение событий Смутного времени, происходивших на территории Европейского Севера России.

Пресечение со смертью Ивана Грозного (1584 г.) и его сыновей Дмитрия (трагически погиб в Угличе в 1591 г.) и Федора (1598 г.) царской династии усилило борьбу боярских группировок за власть, способствовало появлению в стране многих самозванцев [1].

В 1601–1603 гг. по причине неурожая цены на хлеб возросли в десятки раз, страну охватил голод. Голод способствовал еще большему

* Башлыков Андрей Анатольевич (Сыктывкар) – аспирант Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

обострению социальных противоречий. Во многих регионах страны вспыхивают восстания крестьян, холопов, посадских людей, казаков.

Напряженной внутренней обстановкой в России решили воспользоваться Польша и Швеция. Магнаты и шляхта Польши при официальных мирных отношениях между государствами оказали значительную помощь Лжедмитрию I, выдававшему себя за Дмитрия, сына Ивана IV. В конце октября 1604 г. Лжедмитрий I перешел границу Польши и России и при мощной поддержке восставших против правительства Бориса Годунова городов юга страны 20 июля 1605 г. вступил в Москву, а через месяц был коронован в Успенском соборе. Однако правление его было не долгим: на рассвете 17 мая 1606 г. набат возвестил о начале восстания в Москве и конце царствования Лжедмитрия I. Самозванец был убит, труп его сожжен. А к власти в стране пришло боярство во главе с Василием Шуйским [2]. Но уже в конце мая 1606 г. на воротах домов в Москве появились «воровские листы», сообщавшие о чудесном спасении Дмитрия (17 мая 1606 г.). Новый самозванец под этим именем объявился в г. Стародубе в июле 1607 г., когда правительственные войска осаждали в Туле армию восставших под предводительством одного из воевод Лжедмитрия I, И.И. Болотникова.

В мае 1608 г. царские войска были разгромлены под Болховом, и Лжедмитрий II во главе крупных отрядов польских и литовских магнатов двинулся на Москву. По пути к нему присоединились уцелевшие болотниковцы, а также казачьи отряды атамана Ивана Заруцкого. Уже в июне этого же года войска Лжедмитрия II подходили к Москве, царю Василию Шуйскому нужны были ратные люди и деньги для содержания войска. Окружение Москвы войсками Самозванца и возможность похода отрядов Лжедмитрия II для покорения других городов прибавили забот Василию Шуйскому. Одним из неприятных последствий возможного похода Лжедмитрия II к Ярославлю, было то, что там содержались в заложниках поляки. Царь Василий Шуйский решил наиболее знатных поляков – Марину Мнишек, ее отца и часть из их свиты – отпустить на родину, а других отправить в дальние города: Вологду, Устюжну, Белозерск [3].

В июле царь Василий Шуйский заключил мирный договор с Польшей, по которому он обязался отпустить польских заложников к концу сентября того же года, а Польша – отозвать польских воевод с их отрядами, воюющими на стороне Лжедмитрия II. Польские заложники, бывшие в Вологде, получили жалованье, обещанное им русским государем, и были отправлены на родину водным путем. Подробное описание их поездки из Вологды и далее к границе описано в книге «Дневник Марины Мнишек» [4].

Лжедмитрий II, происхождение которого остается не выясненным, стал послушным орудием в руках польской шляхты, отряды которой

продолжали пополнять войска самозванца. В стране создается два политических центра: один – в Москве, другой – в Тушино. Население городов и уездов страны приводится к присяге царю Дмитрию. Самозванец раздаёт полякам и русским боярам и дворянам, перешедшим на его сторону, чины, города, земли. Население было обложено тяжелыми поборами, нередко подвергалось грабежу и насилию, особенно со стороны поляков, которые вели себя как завоеватели.

В начале ноября 1608 г. отряды Лжедмитрия II были уже в Ярославле, и город покорился самозванцу. Путь на Вологду был открыт. Первые отряды сторонников Лжедмитрия II, шедшие к Вологде, были разбиты, но сподвижники Самозванца, бывшие в Ярославле, стали угрожать вологжанам жестокой расправой, если Вологда не покорится ему. Воевода Пушкин и дьяк Воронов пытались оборонять город, но народ боялся жестокой расправы от сторонников Лжедмитрия II и занял выжидательную позицию, тем более что Лжедмитрий II обещал льготы жителям. Воевода Пушкин и дьяк Воронов были «заключены в темницу» [5].

На первый взгляд, далекие от западных границ мирные северные города и те попали в зону вражеского нападения. В условиях нарастающей смуты не покорились Самозванцу и остались верны царскому правительству жители Кириллова. В 1608 г. вдохновленные подвигом защитников Троице-Сергиевой лавры они переходят к ускоренным оборонительным приготовлениям монастыря [6]. В конце года началась открытая польская интервенция, в страну вторглись шведы, пламя военных пожаров приблизилось к границам Вологодско-Белозерского края. В этой обстановке в Кириллове, одновременно с вооружением бойцов, приступили к спешному обновлению недавно созданных укреплений.

В конце ноября 1608 г. в Вологду от Лжедмитрия II прибыли новый воевода и сборщики податей с грамотой от самозванца, где перечислены названия и количество съестных припасов, которые должны собрать и прислать вологодские посадские люди в полки Тушинского вора для его ратных людей. Одно только перечисление названий продовольственных товаров заняло бы целый лист. Вологжане поняли, что их обманули, и новый царь не такой добрый и ждать льгот от него бесполезно. Вследствие этого в конце ноября – начале декабря 1608 г. вслед за Галичем одно за другим поднимаются восстания против тушинцев в городах Севера России. Вологжане выпустили из темницы воеводу Пушкина и решили прогнать сторонников Лжедмитрия II из города. 29 ноября 1608 г. началось восстание в Вологде. Приспешники «Тушинского вора» и их воевода Федор Нащекин были арестованы [7]. С победой восстания вологжане рассылают письма в города края, призывая последовать их примеру. Их сразу поддержало население Великого Устюга, Тотьмы, Соли Вычегодской. Царь Василий Шуйский, узнав о победе вологжан

над сторонниками Лжедмитрия II, благодарит воеводу Пушкина за письма в Северные города с призывом объединиться для борьбы с мятежниками. Вологда становится местом сбора ратных людей из северных и сибирских городов, идущих на помощь Василию Шуйскому, что подтверждено историческим документом: 1609, февраля 20. «Царская грамота Вологодскому воеводе Пушкину, о том, чтобы он имел постоянное сношение с Поморскими и другими городами по Государевым ратным делам» [8].

В начале декабря поднялось восстание против «тушинцев» и на Белоозере. 6 декабря посыльные с Белоозера прибыли в Устюжну. Город сразу примкнул к восстанию. Как отмечается в «Сказании о нашествии поляков на Устюжну Железнопольскую», тушинцы были арестованы и отправлены на Белоозеро, а население стало ковать доспехи и строить укрепления, которых Устюжна не знала [9]. Население Устюжны, годное к военной службе, было переписано и поделено на сотни, полусотни и десятки, из уезда были вызваны служилые дворяне, приписные крестьяне. Летом здесь был разбит большой отряд тушинцев, посланный на север. После восстания в Устюжну прибывает из Москвы воевода Андрей Петрович Ртищев, а из Белоозера – Фома Подщипаев и с ним 400 человек ратных людей. Сам факт помощи Устюжне находит свое документальное отражение в грамотах. В конце «Сказания» отмечается, что Устюжну пытались взять Наливайко и Захьяр Заруцкий.

В мае 1609 г. царь Василий Шуйский шлет похвальную грамоту вологжанам с обещанием льгот за помощь в борьбе с мятежниками. Государь прислал грамоту на имя воеводы Пушкина, в которой «не винит вологжан за то, что они, боясь «от воров и Литовских людей убийства и разорения, вору крест целовали неволею». Василий Шуйский просит воеводу Пушкина и вологжан содействовать освобождению городов от сторонников Лжедмитрия II. Все это время в Кириллове ведутся оборонительные работы. Но уже с 1612 г. защитные работы ведутся буквально под огнем врага.

В тот момент, когда земское ополчение освободило от интервентов Москву, их недобитые отряды, обрстая по пути всяким сбродом, устремились в богатые Северные области. Пользуясь отсутствием войск и растерянностью или беспечностью воевод, вражеские отряды беспрепятственно продвигались по северным дорогам. Война со стороны захватчиков носила ярко выраженный грабительский характер. Нигде долго не задерживаясь, они стремились внезапно захватить город и через несколько дней бросали его сожженным дотла и разграбленным. Неприятелю сдавались такие крупные города, как Белоозерск, Вологда, Тотьма, Сольвычегодск и др. [10].

Один из немногих центров Севера – Кириллов – смог сразу же оказать серьезное сопротивление, став на шесть лет фронтовым городом.

Однако ни военная предусмотрительность, ни дисциплина все же не спасли кирилловцев от внезапной первой атаки неприятеля. Как отметил летописец, нападавшие сожгли деревянные постройки, находившиеся за стенами монастыря, где по оплошности оказались запасы и скот [11]. Монастырь в те дни напоминал разворошенный муравейник: прибыли стрельцы, вернулись освобождавшие Москву ополченцы, укрылись бежавшие от разорения крестьяне и дворовые люди, собрались даточные люди, военные слуги, окрестные и пришлые дворяне. Из Кириллова писали в Москву о разорении Белозерских вотчин и о том, что около монастыря стоят литовцы. В ответ же один из героев освободительной борьбы, Дмитрий Пожарский, лишь освободил Кириллов от посылки даточных людей в Москву.

5 сентября 1612 г. начался штурм крепости осаждавшими, но штурм провалился. На этом грабители не остановились. Осаждавшие, возбужденные слухами о несметных богатствах обители, снова начали штурм. 9 сентября начался общий штурм крепости. Нападавшие штурмовали со всех сторон с лестницами и различными осадными орудиями [12]. Бой длился около двух часов, но интервенты не смогли сломить оборону, и вынуждены были отступить.

Героическая защита Кириллова была одной из первых серьезных неудач интервентов на Севере. Она показала всю своевременность оборонительных приготовлений.

Бои за Кириллов, а также за Каргополь создали перелом в зимней кампании 1612–1613 гг., они остановили панику, показали успех организованной крепостной обороны. Следует отметить тот факт, что после этих событий интервенты не берут крупных городов и все реже решаются на прямые штурмы [13]. К борьбе поднимаются недавно сожженные Вологда и Белозерск. Убедившись в надежности Кириллова, правительство обещало ему военную помощь.

Как уже отмечалось выше, недостаток правительственных войск сильно ослабил северные центры. Это позволило интервентам совершать летучие рейды и длительное время держать военную инициативу в своих руках. Захватчики грабили крупные кирилловские села, разорили соседние Феропонтовский и Горицкий монастыри [14].

Как отмечает летопись в 1613 г. «...польские и литовские люди были на Вологде, град Вологду пожгли весь и в полон с собою увезли многих людей...» [15].

Правительство не выполнило данное обещание Кириллову и не смогло прислать свежих войск, но насколько это было возможно, следило за военным порядком.

Между тем интервенты не оставляли намерения взять Кирилловскую твердыню. Осенью 1613 г. вокруг крепости собралось около трех тысяч литовцев, черкасов и шведов. Однако, узнав, что крепость сильна, они

не решались на лобовую атаку. Сходная ситуация повторилась и в 1614 г. К этому моменту положение крепости ухудшилось. Кольца постоянных осаждающих вокруг не было, но окрестности контролировались интервентами. Война вступила в ту фазу, когда одна сторона, не производя крупных операций, занималась фактически бессмысленным разрушением ценностей, а другая, отбив все атаки, находилась в оборонительном ожидании.

К 1615 г. половина кирилловской Белозерской вотчины была уничтожена, население сократилось на 75%. Разрушенное в большинстве не восстанавливалось. К 1617 г. число осажденных, в том числе и стрельцов, сократилось вдвое. Обнаружились признаки ослабления обороны. К внутренним и внешним трудностям добавилось «моровое поветрие» [16]. Следует отметить, что даже в эти годы Кириллов сохранял некое подобие военной организации. Однако к концу польско-шведской интервенции, закончившейся в 1618–1619 гг., Кириллов находился на грани полного краха.

Годы польско-шведско-литовской интервенции оказались временем небывалого напряжения физических и духовных сил сотен мастеров и воинов. Никогда еще в истории население севера не показывало и не знало такого народного мужества, такого патриотического долга. Современники и потомки оценили народный вклад в общерусскую борьбу. Из множества далеких событий именно это «лихолетье» укрепилось в народной памяти: по деревням Вологодчины еще поныне кое-где удержались глухие воспоминания о бедах «литовского» нашествия и разорения.

Литература и источники

1. Васильев Ю.С. Исторические реалии «Сказания о нашествии поляков на Устюжну Железнопольскую» // Устюжна: историко-литературный альманах. – Вологда, 1993. – Вып. II. – С. 174.
2. Там же. – С. 175.
3. Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Великая государева крепость. – Л., 1972. – С. 85.
4. Дневник Марины Мнишек. – СПб., 1995. – С. 12.
5. Кочина З.С. Вологодские воеводы XVII в. – Вологда, 2000. – С. 10.
6. Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Великая государева крепость. – Л., 1972. – С. 91.
7. Кочина З.С. Вологодские воеводы XVII в. – Вологда, 2000. – С. 11.
8. Там же. – С. 11.
9. Васильев Ю.С. Исторические реалии «Сказания о нашествии поляков на Устюжну Железнопольскую» // Устюжна: историко-литературный альманах. – Вологда, 1993. – Вып. II. – С. 176.

10. Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Великая государева крепость. – Л., 1972. – С. 93.
11. Там же. – С. 94.
12. Антипин Г.А. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря. – Кириллов, 1934. – С. 13.
13. Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Великая государева крепость. – Л., 1972. – С. 94.
14. Там же. – С. 94.
15. ПСРЛ. – Л., 1982. – Т. 37. – С. 175.
16. Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Великая государева крепость. – Л., 1972. – С. 100.

Н.И.Сурков*

БРАЛ ШТУРМОМ КРЕПОСТЬ КАРС

В Национальном архиве Республики Коми хранится уникальный в своем роде документ. Приведем его содержание полностью.

«1886 года июля 31 дня, я нижеподписавшийся запасный рядовой Давид Андреев Овчинников, проживающий в дер. Ивановской Ношульской волости, дал эту подписку господину приставу 1 стана Устьсысольского уезда в том, что предписание Устьсысольского уездного полицейского управления от 30 июня за № 231 мне объявлено и светло-бронзовую медаль «За взятие штурмом крепости Карс» при сем представляю.

Рядовой Давид Овчинников.

Пристав 1 стана Устьсысольского уезда В.Попов» [1].

Появлению этого документа предшествовало отношение командира 4-го гренадерского Несвижского полка от 19 июня 1886 г. в адрес уездного полицейского управления об изъятии указанной медали у солдата Давида Овчинникова, а взамен ему высылалась серебряная медаль [2].

Полицейское управление поручило выполнить эту функцию приставу 1-го стана, который позднее доложил начальству об успешном выполнении задания.

Давид Андреевич Овчинников участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказе, где находилась русская армия, насчитывавшая свыше 100 тыс.чел. с 276 орудиями. Но более трети войск было разбросано в нескольких населенных пунктах для усмирения восстаний. Непос-

*Сурков Николай Иванович (Сыктывкар) – член-корреспондент Академии военно-исторических наук, кандидат исторических наук, доцент Коми государственного педагогического института.

редственно в военных действиях участвовал корпус (60 тыс. чел.) во главе с генералом Лорис-Меликовым.

Первые сражения складывались для русских успешно. Штурмом овладели крепостью Ардаган, заняли Баязет, осадили Карс. Но успех развить не удалось. Русские военачальники допустили медлительность, что позволило неприятелю подтянуть подкрепления. Осаду Карса пришлось снять.

Новое наступление на Карс предприняли в октябре 1877 г. Заметную роль в подготовке наступления сыграли начальник штаба Кавказской армии генерал Н.Н.Обручев и командир одного из отрядов генерал А.Н.Лазарев. Под его командой был и 4-й гренадерский Несвижский полк, в котором служил рядовой солдат из Коми края Давид Овчинников.

Крепость Карс была хорошо укреплена. Этому способствовало отсутствие удобной артиллерийской позиции для атакующих. Форты взаимно оборонялись, был широкий обстрел перед ними. Гарнизон крепости насчитывал 30 тыс.чел. со 122 орудиями [3]. Некоторые иностранные военные считали крепость Карс неприступной. Так, французский генерал де Курси, покидая Кавказ, говорил русскому командующему: «Я видел карские форты, и одно, что я могу посоветовать, – это не атаковать их, на это нет никаких человеческих сил. Ваши войска так хороши, что они пойдут на эти неприступные скалы, но вы положите их всех до единого и не возьмете ни одного форта» [4].

Но русские военачальники все же приняли решение штурмовать крепость притом не днем, а в ночное время. В войсках распространили инструкции с особенностями боя в ночных условиях. Особо стремились сохранить военную тайну. Для того, чтобы усыпить бдительность противника, сформировали команды, которые по ночам нападали на аванпосты турецких войск и поднимали тревогу в гарнизоне. Турки свыклись с постоянными набегами русских и ограничились только стрельбой дежурных команд.

К штурму подготовились заранее. Изготовили штурмовые лестницы. Офицеров снабдили чертежами укреплений. Распространили слух, что штурм начнется утром 18 ноября, а начали его в 20 часов 17 ноября.

В местах сбора войск запретили зажигать огни, подавать какие-либо звуковые сигналы.

Во всех приготовлениях к штурму участвовал Давид Овчинников, но, как и его однополчане, он не знал точной даты и времени наступления, так как солдатам начало операции не сообщали. Кстати, заметим, исходя из выявленных на настоящее время документов Национального архива РК, Давид Андреевич Овчинников единственный солдат из Коми края, участвовавший во взятии штурмом крепости Карс.

Большую помощь атакующим оказали проводники-армяне, указавшие русским войскам пути к фортам крепости, которую штурмовали семью колоннами одновременно со всех сторон.

При штурме Карса проявились боевые качества русских солдат и офицеров, их самоотверженность, инициатива, мужество, взаимная выручка в критических ситуациях боя, упорство в достижении цели. Один участник штурма позднее писал: «Солдаты лезли на бруствер, цепляясь друг за друга, втыкая штыки в бруствер, подставляя плечи друг другу... но лезли вперед» [5]. Так вел себя и отважный солдат Давид Овчинников.

В итоге осажденные не смогли сдержать натиск наступающих. Сдались около 18 тыс. турецких солдат и офицеров. На поле боя похоронили 2500 солдат противника, а в госпиталях находилось 4,5 тыс. турок. Потери русских составили: убитыми – один генерал, 17 офицеров и 470 солдат; ранеными – 77 офицеров и 2196 солдат [6]. Давида Овчинникова судьба хранила. Он остался жив после такого ожесточенного сражения, притом даже не был ранен.

События на Кавказе в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в которых участвовал мужественный солдат из Коми края Давид Овчинников, не были определяющими. Но эти сражения все же сковали часть турецких войск и способствовали более успешному развитию событий на Балканском полуострове и ускорили поражение Турции на главном направлении и в конечном итоге приблизили освобождение братского болгарского народа от многовекового турецкого ига.

Оставшихся в живых солдат, среди которых был Давид Овчинников, наградили светло-бронзовыми медалями «За взятие штурмом крепости Карс». Но спустя почти девять лет русское правительство вернулось к этому славному событию и, видимо, решило особо выделить доблесть своих солдат. Результатом этого явилось награждение более значимой – серебряной медалью, которую заслуженный воин Давид Андреевич Овчинников носил до конца своей жизни.

Литература и источники

1. НАРК. Ф.6. Оп. 1. Д. 1250. Л. 185.
2. Там же. Л. 184.
3. История СССР. – М., 1968. – Т. V. – С. 259.
4. Там же.
5. Русско-турецкая война 1877–1878. – М., 1977. – С. 231–232.
6. Там же. – С. 231.

А.Д.Напалков*

РЯДОВОЙ ОТЕЧЕСТВА

Лева Гриша – так его знали в Кужбе, что в Усть-Куломском районе нашей республики.

Григорий Левонтьевич Кузнецов был человеком в своем селе известным. Являлся одним из первых председателей сельского Совета, а чуть позже – колхоза. Он – очевидец и участник эпохальных событий: Первой мировой, гражданской и Отечественной войн. Родившись в 1893 г., умер Григорий Левонтьевич на 88 году жизни. Прожив достаточно долгую жизнь, он в полной мере испытал все тяжести и трудности военных лихолетий и их последствий. Но что интересно – он никогда не жаловался на жизнь, был оптимистом, не осуждал – публично, громко – недостатки, поступки людей. Не раз повторял: «Вёрас и то пуыс абу ёткодь» (В лесу и то деревья не все одинаковые). Иными словами, одинаковых по характеру и стати людей не бывает.

Григорий Левонтьевич был человек немногословный. Однако умел рассказывать различные истории из своей жизни, тонко подмечал события, и всегда с юмором. Он не распространялся о своих, так сказать, ратных и трудовых делах, более того, не очень любил об этом говорить. Все больше внимания обращал на какие-то, на его взгляд, небольшие эпизоды. Но именно они передавали всю атмосферу эпохи, характеризовали Григория Левонтьевича как человека незаурядной личности. По прошествии времени я много раз жалел, что не сделал никаких записей его рассказов. Остались в памяти лишь некоторые зарисовки.

Григорий Левонтьевич никогда не учился в школе, самостоятельно постиг грамоту и был достаточно образованным человеком. Выписывал газеты, живо интересовался событиями в стране, за рубежом, любил читать произведения коми писателей. Журнал «Войвыв кодзув» был для него любимым.

Мое близкое знакомство с Григорием Левонтьевичем состоялось в 1970 г. К этому времени он уже более 10 лет был вдовцом и жил вместе со средней дочерью и двумя внуками. Одна из них, Раиса Васильевна, работавшая тогда директором Объячевской восьмилетней школы, стала моей женой. Таким образом, я стал близким родственником. Несмотря на большую разницу в возрасте, мы быстро подружились. Григорий Левонтьевич был рад тому, что в доме появился молодой мужчина, и проникся ко мне большим уважением. Разумеется, я отвечал с еще большей симпатией.

*Напалков Анатолий Дмитриевич (Сыктывкар) – член-корреспондент Академии военно-исторических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Многое из того, что он мне рассказывал, к большому сожалению, не осталось в памяти. Более четко запомнил три эпизода из его жизни, которые, на мой взгляд, в определенной мере характеризуют моего героя и дают возможность почувствовать атмосферу тех давно прошедших лет. Я повторяю, из своей долгой жизни Григорий Левонтьевич чаще вспоминал незатейливые события, наполненные юмором, улыбкой.

Грише было лет 16-17, когда в его родное село, где была двухклассная начальная школа, направили учительницу из числа тех, кто отбывал ссылку в Усть-Куломе – это в километрах 9-10 от Кужбы. Азы грамоты Гриша уже знал, но молодая учительница изъявила желание вечерами заниматься с молодыми людьми, которые желают улучшить свои знания или получить его. Смешливый и любознательный юноша, несмотря на большую занятость в домашнем хозяйстве, охотно посещал вечерние занятия. Между тем «вольнодумка» учила молодых не только грамоте, но и разучивала революционные песни. И вот на одном из вечерних посиделок Григорий вместе со своим двоюродным братом запел: «Смело товариши ногу, дуком укрепим борбе...». Смысл исполненного они не очень хорошо понимали, но очень уж мелодия была хорошая. Мелодия мелодией, но песня крамольная. И этот факт быстро стал известен полицейским чинам. И задушевное исполнение песни было «достойно отмечено» властями. Братьям назначили наказание – пятнадцать дней тюремного заключения.

Но отбывать этот срок они должны были не где-нибудь, а в Усть-Сысольске. Причем добираться до него они должны были сами, без всякого сопровождения. Между тем – это середина лета, пароходы не ходили. Таким образом, единственный шанс – от села к селу кто-то подвезет на телеге, на что было мало надежды. Это сегодня, когда между Сыктывкаром и Усть-Куломом, Кужбой есть асфальтовая дорога, можно это 200-километровое расстояние покрыть на машине за 2-2,5 часа. А по тем временам и расстояние было больше, да и единственным видом транспорта была лошадь. Поэтому приходилось рассчитывать только на свои ноги.

Через несколько суток, с небольшой провизией в котомках, братья дошли до Усть-Сысольска. Я спрашивал у Григория Левонтьевича, нельзя ли было эти пятнадцать суток где-то отсидеться, чем самим добровольно преодолеть больше 200 верст, чтобы сесть в тюрьму. Наверное, говорил, можно. Но ведь уряднику необходимо было представить документ с гербовой печатью, что в такой-то день прибыл в тюрьму и отсидел назначенный срок. В противном случае ожидала более суровая кара.

По прибытии в Усть-Сысольскую тюрьму братьев посадили в камеру, окна которой выходили в тюремный двор. Они не были зарешечены. Во дворе начальник тюрьмы держал кур, а в углу на цепи был привязан медведь. Как вспоминает Григорий Левонтьевич, кормили в

основном ячневой кашей. И мы, говорит, с вождением смотрели, как дочь начальника тюрьмы время от времени давала корм курам и подбирала яйца. Попросили у нее дать несколько штук. Однако она грубо ответила: «Арестантам яйца не положены». Не положено, так не положено. И молодые «революционеры» решили отомстить. Взяв горсть ячневой каши, Григорий бросал в окошко курам, те, разумеется, набрасывались на еду. И он стал бросать все дальше, все ближе к привязанному медведю. Как только куры бросились к каше, медведь с удивительной быстротой хватал первую попавшую в лапу и бросал себе в пасть. Через пару дней кур стало меньше. Хозяйка заметила потерю и пожаловалась отцу, но доказать вину арестованных не смогли, однако окно зарешетили.

Первая мировая война не обошла стороной Григория Левонтьевича. В 1915 г. его призвали в армию. Новобранцев из Коми привезли в Вологду, где формировался запасной полк. Из числа тех, кто знал грамоту и более менее сносно понимал русский язык, определили в школу по подготовке младших унтер-офицеров. Григорий Кузнецов по всем статьям подходил. Высокий, статный, ростом за 180 см, читал, писал – что еще надо!

Учеба в школе велась интенсивно. Кроме военного дела много внимания уделялось изучению уставов. Занятия по ним вел, как правило, фельдфебель. Кто такой фельдфебель в царской армии? Это старший унтер-офицер, обычно из сверхсрочников, он являлся помощником командира роты по хозяйственным делам, внутреннему распорядку. Одним словом – гроза для солдат и младших унтер-офицеров. Между собой солдаты его звали не иначе как «внутренний враг». Для коми человека более легко было сказать на свой лад – «нутренной враг». В те времена всех противников царской власти называли «внутренними врагами».

На одном из занятий фельдфебель задает вопрос курсанту из числа коми: «Кто такой есть фельдфебель по Уставу?» Новобранец, не очень владея русским языком, никак не может вразумительно ответить. Тогда курсант Кузнецов тихо ему подсказывает: Это «нутренной враг». «Господин Пельдпебель! Пельдпебель есть нутренной враг», – звучит ответ новобранца. Фельдфебель побагровел от злости и крикнул: «Садись, мерзавец! Два наряда вне очереди».

Время от времени пускали солдат и в увольнение. «Вот однажды иду по улице, – вспоминает Григорий Левонтьевич, – и вижу, навстречу идет ротный вместе с полковым священником. Что делать? По Уставу перед священником я должен снять головной убор и стать «во фронт». А перед офицером, став «во фронт», должен отдать честь, приложив руки к головному убору». Как выйти из положения? Смешленный паренек, недолго раздумывая, взял в зубы козырек фуражки, стал «во фронт» и отдал честь. Ротный вначале недоуменно посмотрел, затем подбежал к нему и закры-

чал: «Ты что же, – говорит, – сукин сын, к «пустой» голове руки прикладываешь». «Ваше благородие! Как сказано в Уставе, я перед священником снял фуражку и стал «во фронт». А перед Вами, встав «во фронт», приложил руки не к пустой голове, фуражка у меня была в зубах, а не в руках». Офицер рассмеялся, похвалил за сообразительность и дал немного денег на калачи и чай.

Будучи унтер-офицером Григорий Левонтьевич принимал участие во многих боевых действиях на фронтах Первой мировой войны. После одного из ранений ему дали длительный отпуск, и он прибыл в родную Кужбу. В этот период уже бушевала гражданская война. Приняв сторону красных, еще не один год он воевал.

Григорий Левонтьевич был не только активным участником гражданской войны, но и очевидцем ее завершения в Коми крае. Как известно, один из последних оплотов белых пал в селе Аныб (ныне Усть-Куломский район), 4 марта 1920 г. Начальник обороны Вычегодско-Кайчердынского края П.И.Малков в своем донесении вышестоящему начальству телеграфировал: «На вычегодском участке 4 марта после обстрела Аныба ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем гарнизон белых сдался, сложив оружие...» Артиллерийский огонь обеспечивал именно Григорий Левонтьевич Кузнецов. Как он вспоминал, было у них два орудия, и произвели из них четыре выстрела. Три снаряда взорвались, не задев ни один дом, а последний проломил стену одного из изб, к счастью, не взорвался. После двух залпов всякая стрельба из пулеметов и винтовок прекратилась, рассказывал он.

Григорий Левонтьевич с женой Парасковьей Карповной, которая была старше его на шесть лет, вырастили и воспитали троих дочерей. Парасковья Карповна относительно рано ушла из жизни, в 62 года. Став в 56 лет вдовцом, Григорий Левонтьевич дал слово больше не жениться, хотя желающих выйти за него замуж было немало.

Их дочери были под стать своим родителям, работающими на совесть, болеющими душой за дело. Старшая, Анна Григорьевна, – участница Великой Отечественной, воевала в зенитных частях. Война для нее закончилась только в Маньчжурии. Затем в мирное время работала в торговле, умерла, когда ей было за 85 лет.

Средняя, Елизавета Григорьевна, мать моей жены, в начале 1943 г. скрыла свою беременность и добровольцем попросилась на фронт, именно на тот участок Карельского, где воевала старшая сестра. Замечу, на фронт был мобилизован и ее отец Григорий Левонтьевич, для которого это была уже третья по счету война. Ему было за 50, поэтому на передний край Григория Левонтьевича не послали. Служил, как он вспоминал, «в обозе». А что же касается средней дочери, то ее направили на фронт, и, как ни странно, в Сыктывкаре комиссия не заметила беременность. Но скрыть этот факт ближе к военным действиям, в Карелии она

уже не смогла. Осматривавшая Елизавету Григорьевну врачебная комиссия вначале направила ее в госпиталь, а затем обратно домой. По пути к родному селу 4 марта 1943 г. в Сторожевске Елизавета Григорьевна родила свою первую дочь. К сожалению, жизнь самой Елизаветы Григорьевны оборвалась трагично. В 1981 г., в год кончины отца, она в возрасте 57 лет погибла в результате авиационной катастрофы. Два самолета АН-2 около села Усть-Кулом столкнулись. И тот, на котором летела Елизавета Григорьевна, разбился; второй с трудом сумел сесть на поле Усть-Куломского аэропорта.

Младшая, Анастасия Григорьевна, всю жизнь работала в сельском хозяйстве. Возглавляла бригаду в колхозе, затем долгие годы до выхода на пенсию – отделение совхоза «Усть-Куломский», награждена правительственными наградами, имела почетное звание «Заслуженный работник народного хозяйства Коми АССР». Умерла в 77 лет.

Многие годы мы с женой проводим лето в ее родительском доме в Кужбе, в доме, который во второй половине 1930-х гг. возвел Григорий Левонтьевич. Вместе с нами и ее сестра Зоя Васильевна, также внучка Григория Левонтьевича. Ее мужем стал мой земляк из Пыелдино Владимир Георгиевич Третьяков. Он многие годы проработал в правоохранительных органах республики, подполковник милиции в отставке. Еще при жизни Григория Левонтьевича мы значительно обновили дом, покрыли крышу шифером, стены – вагонкой, доделали еще одну комнату. Сделали большую веранду, построили летнюю кухню, новую баню. Вокруг избы посадили много деревьев, одна из рябин, которая сейчас разветвилась и обильно плодоносит – дело рук Григория Левонтьевича. Вообще, надо сказать, он любил все эти новшества, но все же главным вдохновителем и организатором перемен была Елизавета Григорьевна, моя теща.

Дом для всех нас – родное, любимое место. Здесь в один из летних месяцев 2003 г. состоялось выездное заседание президиума Коми отделения Академии военно-исторических наук, на котором обсуждались некоторые проблемы военно-патриотического воспитания молодого поколения. Кстати, именно на нем было предложено написать мне о Григорие Левонтьевиче Кузнецове, что несколько запоздало я и сделал. Повторяю, это не очерк, рассказ о его ратных и трудовых делах. А небольшие зарисовки забавного, юморного характера из его жизни.

Разумеется, мы часто посещаем кладбище, где рядом с могилами наших матерей покоится Григорий Левонтьевич и его жена Парасковья Карповна. На небольшом обелиске укреплен медная пластинка, на которой выгравированы даты рождения и кончины, а также фотография на керамике. Ее я сделал года за два до смерти Григория Левонтьевича. С фотографии, прищурив глаза и мягко улыбаясь в усы, смотрит он на нас, и как бы спрашивает: все ли ладно дома, все ли в порядке в Отечестве.

Если на первую часть его безмолвного вопроса я отвечаю однозначно положительно, то на вторую – у меня пока не находится вразумительного ответа. Ибо в Отечестве, которому многие десятилетия верой и правдой служил его рядовой Григорий Левонтьевич Кузнецов, еще много и много нерешенных проблем, и оно нуждается в верной службе подобных ему патриотов.

Н.С.Калинин*

**КАЛИНИНЫ – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Мне удалось изучить свою родословную за 380 лет. Только по мужской линии в родовом древе Калининых из Вендинги Удорского района отмечено более 500 имен – 13 поколений людей. Самый дальний известный предок мой – Иван Калинин родился в 1628 г. Он был крестьянином-хлебопашцем, как и большинство его потомков.

Я не знаю, в каких войнах участвовали мои далекие предки, но за XX в. такие сведения мне удалось установить. В первой мировой войне принимали участие двое из Калининых – Дмитрий Алексеевич (1883 г. рождения) и Николай Дмитриевич (1891 г. рождения), оба погибли на фронтах. В годы гражданской войны и военной интервенции пятеро из нашего рода защищали Родину от белогвардейцев и интервентов на Удорской земле и на других фронтах. Все остались живыми.

В годы Великой Отечественной войны было мобилизовано 18 человек – 17 мужчин и одна женщина, 14 из них сражались на фронтах, остальные служили в тыловых частях. Шестеро за годы войны погибли на фронте и умерли в тылу, 12 человек остались живыми. О двух Калининых – Александре Ивановиче и моем брате Константине Степановиче – я уже писал (см.: Калинин Н.С. Командир штрафного батальона // Великая Отечественная война в судьбах жителей Коми республики. – Сыктывкар, 2005. – С. 16–19 (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; Вып. 3); Калинин Н.С. От солдата до генерала // Там же. – С. 24–29).

В этой статье мне хочется рассказать о фронтовых дорогах еще двоих участников Великой Отечественной войны.

*Калинин Николай Степанович (Сыктывкар) – краевед, исследователь истории Удорского района Республики Коми.

Ученый – фронтовик

Павел Дмитриевич Калинин (1905–1983 гг.) – представитель Калининского рода, посвятивший свою жизнь науке, участник Отечественной войны.

Непростым был путь вхождения в науку удорского парня. В возрасте 6 лет Паша остался без отца, в I мировой войне погиб старший брат Николай. Хозяйство было такое слабое, что старшей сестре Марии пришлось несколько лет батрачить у местного богатея. С 14 лет Павел вышел в тайгу, стал охотничать, чтобы помочь семье сводить концы с концами. Стрелок он был незаурядный – птицу бил на лету.

С установлением советской власти жизнь изменилась к лучшему. В Вендинге организовали комсомольскую ячейку, в селе появился телефон, открылась почтовая служба. Павел вступил в комсомол, средняя сестра Глафира работала телефонисткой, сам стал письмоношцем. Пешком таскал почтовую сумку по семи населенным пунктам верхней Вашки.

Прошли годы. Павлу исполнилось 22 года. Как жить дальше? Помог комсомол. В 1927 г. Вендингская комсомольская ячейка направила его учиться в Пермский рабфак. Три года проучился в рабфаке. Нелегко давались знания: 10 лет назад окончил церковно-приходскую школу, многое забыто. Но молодой человек не отступил. После рабфака поступил в Свердловский горный институт, на неологический факультет. Прошли студенческие годы. В 1935 г. инженер-геолог П.Д.Калинин вернулся на родину. 40 лет проработал в Коми АССР, из них 30 лет – в Коми филиале АН СССР. В августе 1939 г. П.Д.Калинина назначают руководителем первого в Коми крае научного учреждения по исследованию богатств недр земли – председателем Сыктывкарской группы Северной базы, позднее преобразованной в Коми филиал АН СССР.

22 июня 1941 г. П.Д.Калинин оказался в Москве, куда его вызвали с отчетом о работе руководимой им группы Северной базы АН СССР. Началась война. Пришлось срочно вернуться домой, в Сыктывкар. Съездил в Вендингу, попрощался с родными и знакомыми. В июле 1941 г. в числе других сверстников он был призван в Красную Армию. Но получилось так, что на фронт Павел Дмитриевич попал лишь три года спустя. Человека с высшим образованием направили учиться, чтобы подготовить его для обучения призывников. Это было в г.Череповце Вологодской области, где затем он больше года занимался с новобранцами. Тяга к общественной работе была свойственна Павлу Дмитриевичу со студенческих времен. И здесь, в воинской части, он успешно совмещал основную деятельность с участием в военном трибунале гарнизона.

В 1943 г. военный инженер П.Д.Калинин участвовал в строительстве и эксплуатации важных военных объектов. В г. Котлас, например, был начальником базы по формированию составов горюче-смазочных материалов для фронта. В жизни базы был такой случай. Как-то один из

заправщиков по неосторожности упал в емкость из-под мазута и стал задыхаться. Выручил его Павел Дмитриевич. Рискуя собственной жизнью, он с трудом вытащил пострадавшего из загазованной цистерны.

А затем была еще одна военная школа, после чего П.Д.Калинин стал строевым офицером. Летом 1944 г. старший лейтенант Калинин назначается командиром роты 59-го стрелкового полка в составе II Прибалтийского фронта.

Бои шли тяжелые, с большими потерями. Было время, когда в роте оставалось 43 бойца. Вспоминается такой случай. Как-то на наблюдательном пункте Калинину попала винтовка с оптическим прицелом. Глядя через прицел, он увидел фашиста, стрелявшего по позициям роты из ручного пулемета. Лицо перекошено от злобы, каска съехала на макушку, стреляет с упоением. И тут во мне загорелась страсть охотника на зверя, – вспоминает Павел Дмитриевич. Первым выстрелом поразил немца. От убитого фашиста выскочил второй, его помощник и бросился бежать. Уложил и его. Пулемет умолк. Гитлеровцы замешкались, кое-кто стал отходить. Усилился огонь с нашей стороны. Тогда через оптический прицел Калинин заметил, как среди немцев поднялся офицер, стал размахивать руками, требуя атаковать противника. Третья пуля была тоже удачной. Еще дважды меткие выстрелы бывшего охотника достигли цели. Тогда фашисты, поражаемые дружным огнем бойцов роты, стали спешно отходить, углубляясь в ближайший лес, на старые позиции.

Калинин знал, что гитлеровцы на этом не успокоятся, будут снова наседать на них, а задача перед ротой была одна – выбить фашистов из леса. Надо было разведать расположение противника, уточнить его огневые точки. С этой целью командир роты посылает в разведку сначала одного, затем второго бойца, но ни тот, ни другой не возвращаются. Тогда он решает сам обследовать позиции врага. Со всеми предосторожностями проходит через открытое место, входит в лес, углубляется в него, изучая расположение вражеских окопов и огневых точек. В момент очередной перебежки от дерева к дереву прогремел выстрел. Фашистская пуля, будто камень, ударила по левой ноге выше колена. «Ну вот и отвоевался», – думал Павел Дмитриевич. Видимо, немецкий снайпер подкараулил и его, как и двух предыдущих солдат, посланных в разведку.

Теперь встала проблема – как выбраться к своим. К счастью, ординарец шел следом за ним и видел все происшедшее. Он и помог выбраться командиру роты – вытащил его на шинели.

Ранение было тяжелое. «Придется отрезать ногу», – сказали врачи военного госпиталя. Калинин отказался. Сделали несколько операций: одна тяжелее другой. Где только не лечился за два года. Пролежал в нескольких госпиталях, последний раз в Москве. Ногу удалось сохранить, но полевые работы для геолога были заказаны.

В октябре 1946 г. П.Д.Калинин возвращается в Сыктывкар, продолжает работать сначала в научно-исследовательской базе, созданной здесь в 1944 г., а затем – в преобразованном в 1949 г. Коми филиале АН СССР. Занимаясь в геологическом секторе, он руководит группой шлихового анализа, которая активно содействовала геологам в поисках и разведке полезных ископаемых.

12 лет своей деятельности младший научный сотрудник П.Д.Калинин посвятил составлению 8-томной монографии под названием «Геологическая изученность СССР», где 5-й том посвящен Коми АССР. Этот капитальный труд содержит сведения о геологической изученности Коми края за период с 1611 по 1970 г. и является настольной книгой геологов республики.

Кроме основной работы Павел Дмитриевич активно участвовал в общественной жизни города. Более 20 лет он был народным заседателем Сыктывкарского городского и Верховного судов, состоял членом Всесоюзного географического общества, был лектором республиканского общества «Знание». Удостоен девяти правительственных наград.

Гвардии старший сержант

Мой старший брат – Степан Степанович (1904–1976) – прошел всю войну от начала до конца. Призванный 25 октября 1941 г. в возрасте 37 лет, он начал войну в Заполярье и кончил на Ленинградском фронте. Служить ему пришлось в разных частях и на разных должностях. Был каптенармусом (хозяйственником воинской части) отдельного саперного батальона, химинструктором 38-й отдельной лыжной бригады, но настоящая боевая жизнь началась для него в ноябре 1942 г., когда он был назначен заместителем командира орудия 211-го гвардейского отдельного минометного отделения. Как известно, эти бесствольные системы реактивной артиллерии (гвардейские минометы), любовно называемые в народе «катюшами», сыграли большую роль на фронтах Отечественной войны. Отбор людей для службы на этих засекреченных установках производился особенно тщательно. Степан рассказывал, как около двух месяцев проверяли его биографию и родственные связи до назначения в гвардейскую часть. Кроме того, отобранные мужчины должны были иметь соответствующий рост и недюжинную физическую силу, так как реактивные снаряды имели массу от 40 до 90 кг и поднимать их нужно было на высоту до 1,5 м, чтобы установить на направляющие рельсы.

Немало удачных рейсов на передовую произвело отделение в составе дивизиона, где работал Степан в течение 11 месяцев. Но он не любил рассказывать о своих военных подвигах, да и служба у него была особая – засекреченная. Однако боевые награды старшего сержанта Калинина говорят сами за себя. За время службы на «катюше» он получил орден Славы III степени и медаль «За боевые заслуги».

Конечно, всякое бывало и в этих частях – успехи и неудачи. Об одном случае, запомнившемся брату на всю жизнь, он не мог промолчать. Дело было зимой 1943 г. Дивизион гвардейских минометов выдвинулся на опушку леса, произвели запланированные залпы по передовым позициям противника и должны были срочно отойти. Но на установке, где служил Степан, случилось непредвиденное – один реактивный снаряд остался лежать на рельсах. Что делать? По приказу командира, орудия осторожно опустили смертоносный груз на снег, и тут он сработал, с опозданием. Бойцы пережили шоковое состояние, но не растерялись: сумели направить шестипудовую «сигару» между ближайшими деревьями – снаряд с гулом пронесся по снежному насту и ахнул-взорвался в глубине леса, столкнувшись с каким-то препятствием.

После этого случая данный расчет уже не мог обслуживать пусковую установку и был расформирован. Старшего сержанта Калинина назначили писарем 20-го гвардейского минометного полка, где и прослужил до демобилизации в июле 1945 г.

После войны продолжал работать бухгалтером в системе потребкооперации Удорского района, где и работал до призыва в армию. Перед выходом на пенсию несколько лет трудился наблюдателем водомерного поста Вендингской метеостанции.

Несколько слов скажу и о себе. Я младший из трех братьев – 1924 года рождения. В 1942 г. был призван в армию, но по состоянию здоровья служил в нестроевой части – строительном батальоне, расположенном в г. Архангельск. Там мы строили военные объекты, выгружали английские суда с оружием и боеприпасами.

После демобилизации окончил Воркутинский горный техникум (в 1949 г.) и Московский горный институт (в 1954 г.). 30 лет занимался подготовкой кадров для угольной промышленности и строительства в Тульской области и Воркуте. Лектор общества «Знание» с 1972 г. Последние 13 лет читаю лекции по военно-патриотической тематике среди учащейся молодежи республики. Председатель комиссии по работе с молодежью республиканского Совета ветеранов на общественных началах. Имею 10 правительственных наград. С апреля 2005 г. – Заслуженный работник Республики Коми.

С.С.Лобанова*

СЕЛО ПЕТРУНЬ – ФРОНТУ

9 мая 1945 г. – День Победы. Эта великая неизгладимая из памяти человека дата наступила после 1418 дней и ночей, именно столько дней длилась Великая Отечественная война.

Первые выстрелы войны разорвали предутреннюю тишину 22 июня 1941 г. Гитлеровские полчища внезапно и вероломно нарушили границу и вторглись на нашу землю. Весть о начале войны в Петруни была принята по радиации радистом, Шугиевым Александром Васильевичем.

Жить... Право на жизнь защитили, отстояли и кровью оплатили советские люди в годы ВОВ. В снегах Подмосковья, на полях Белоруссии, на берегах Вислы и Одера, на многих фронтах сражались они за жизнь и счастье родной земли, за свободу поработанных фашизмом народов.

В памяти человечества навсегда останется тот светлый майский день 1945 г., когда над нашей Родиной, над всем миром понеслась весть о победоносном окончании войны. Война закончилась там, откуда она пришла.

Величественна и грандиозна победа Советского народа в ВОВ. Но трудным и долгим был путь к ней.

Война страшная и беспощадная, война не на жизнь, а на смерть, когда поднимались и шли в бой «Не ради смерти, ради жизни на земле».

В нашем северном селе не было слышно залпов, не вздрагивало от взрывов, не топтал нашу землю фашистский сапог. Но своим черным крылом война задела и жителей нашего села. В годы Великой Отечественной войны ушли на фронт почти все трудоспособные мужчины села, оставались женщины, дети, старики.

Не было дома, которого бы не коснулась война. Из некоторых семейств ушли на фронт по пять человек. Например: у Хозяинова Григория Ивановича ушли на фронт пять сыновей, и не вернулись три из них, у Рочевой Надежды Петровны ушли на фронт три сына, и все трое погибли смертью храбрых за Родину, за нас с вами. У Терентьева Егора пять сыновей и внук Данил Наумович ушли на фронт, и ни один из них не вернулся, все шестеро погибли. У Ануфриевой Анастасии Васильевны сражались три сына, и ни один не вернулся. У Василия Яковлевича Сметанина воевали четыре сына, и два из них не вернулись.

На разных фронтах Отечественной войны сражались 150 человек наших односельчан и жителей деревни Роговая и Ларки, больше поло-

*Лобанова Светлана Степановна (Петрунь) – старший научный сотрудник Петруньского историко-этнографического музея (филиала Интинского краеведческого музея).

вины из них погибли смертью храбрых в боях за Родину. В первые же месяцы войны из села Петрунь и деревни Роговая ушли на фронт более 50 человек. В августе прибыл буксирный пароход «Иванов» и на нем отправились мужчины на фронт. Перед отправкой состоялся митинг, на котором выступили Хозяинов Николай Григорьевич, Витязев Петр Александрович и др. Было это в разгар сенокоса, некоторые из мужчин не успели даже сменить одежду после работы. Провожали их всем селом, не скрывая своих слез матери, жены, дети, невесты.

Неувядаемой славой покрыли себя советские солдаты, матросы, сержанты, старшины, вынесшие на своих плечах основную тяжесть войны. Их отличали высокие качества: сознание дома, беспримерное мужество и героизм, идейная и нравственная стойкость.

Эти качества были полностью присущи и воинам нашего села. Многие из наших односельчан за отвагу и мужество награждены орденами и медалями. Самые храбрые и отважные награждены орденами: Артеев Анатолий Самойлович, Беляев Петр Никитич, Беляев Яков Никитич, Беляев Федор Владимирович, Хозяинов Иван Александрович, Хозяинов Семен Григорьевич, Хозяинов Петр Васильевич.

Беляев Яков Никитич на фронт ушел добровольцем, ему было тогда всего 17 лет. Был десантником. Яков Никитич вспоминает первый боевой бросок во вражеский тыл к немцам: «Это было ночью. Цель, создать у врага панику, чтобы отступили. Немцы не успели взорвать мост через реку Александрию, начали отступать. Наша пехота перешла в наступление. И вот там-то в тылу врага, пришлось мне встретиться с глазу на глаз с гитлеровской нечистью. Я заметил отступающего верхом на коне гитлеровца в одном нательном белье. Я тут же, не медля ни минуты, выдернул кольцо и бросил в него гранату. Конь начал спотыкаться и гитлеровец свалился с коня, но через какое-то время очнулся и у нас с ним началась рукопашная схватка. Я его быстро «успокоил» без оружия, снял с него парабеллум и выпустил в голову всю обойму, когда хватило бы и одной пули». За боевые заслуги Яков Никитич награжден орденом «Красной звезды», орденом Славы II и III степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

Беляев Петр Никитич (брат Якова). Свой боевой путь начал на Карельском фронте в составе пехотного полка в саперном взводе, минером. Петру Никитичу неоднократно приходилось ходить в разведку. За проявленную храбрость и отвагу он награжден орденом Славы и медалью «За отвагу». Вот несколько боевых эпизодов, рассказанных Петром Никитичем.

«В 1942 г. в районе станции Массильская пошли мы в расположение противника для захвата языка. Разминировать минное поле, открыть проходы в проволочном заграждении. Удалось сделать незаметно для противника. Подползли к траншее, спустились и стали подбираться к

пулеметной точке противника. По сигналу наши минометчики открыли огонь по расположению противника с целью отвлечь внимание. Воспользовавшись этим, мы захватили «языка», подорвали пулемет и без потерь возвратились в свое расположение.

В январе 1944 г. также пошли в разведку. Обстановка была довольно сложная: необходимо было пересечь озеро по льду. Под снегом оказалась вода. Перешли озеро, подошли к расположению противника. Я разминировал проход, прорезал проволочное ограждение.

В это время с обеих сторон застрочили вражеские пулеметы. Мои товарищи во избежание потерь повернулись обратно. Я также начал двигаться назад, и в это время меня ранило в ногу, перебило ребро. Потерял много крови, но был в сознании и ползком стал добираться до своих. На половине пути меня подобрала свои».

Иван Александрович Хозяинов – участник ВОВ. С первых дней войны был назначен комиссаром береговой батареи. С января 1943 г. до окончания войны служил на кораблях дважды Краснознаменного Балтийского флота.

За боевые заслуги награжден орденом «Великой Отечественной войны I степени», двумя орденами «Красной Звезды», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда».

Хозяинов Семен Григорьевич воевал с 1942 г. до окончания войны. За боевые заслуги был награжден орденом Славы, «За форсирование Днепра», медалью «За боевые заслуги», задержал немецкого офицера, добыл важные секретные документы о противнике.

Артеев Анатолий Самойлович служил в танковых частях. За образцовое выполнение боевых заданий правительство наградило его орденом «Красной Звезды», медалями «За отвагу», «За победу над Германией».

Хозяинов Петр Васильевич за боевые заслуги награжден двумя орденами «Красной Звезды», медалями «За отвагу», «За освобождение Советского Заполярья». В послевоенное время за добросовестный труд награжден орденом Ленина и Октябрьской революции, медалью «За трудовую доблесть», почетный гражданин города Печора.

После тяжелого ранения вернулся с фронта Федор Владимирович Беляев, инвалид I группы. За боевые заслуги награжден орденом «Отечественной войны» и медалью «За победу над Германией».

Филиппов Степан Михайлович ушел на фронт 10 мая 1942 г. в возрасте 42 лет. Участвовал в освобождении городов Калинин, Белград, Варшава, Берлин. В боях за город Калинин был санитаром, вывез 105 раненых бойцов, он был сильным и выносил с поля боя по два бойца. При штурме Берлина получил ранение, был отправлен в госпиталь в город Бранденбург, где и встретил День Победы. 1 сентября 1945 г. демобилизован в Белоруссии.

Сорвачев Иван Александрович на действительной военной службе находился с 18 сентября 1941 г. С 16 октября 1941 г. по 15 апреля 1942 г. обучался в Пуховичском военном училище в городе Великий Устюг. Окончил училище со званием младший лейтенант и был направлен на Волховский фронт, где 20 июля 1942 г. принял взвод.

Во время разведывательных боев, которые проходили 20–27 августа в районе города Мга Ленинградской области, получил тяжелое ранение. Лежал в госпиталях до 3 марта 1943 г. 11 марта был назначен военруком в Петруньскую школу. За участие в боях награжден медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией».

Семяшкин Иван Григорьевич был призван на фронт в декабре 1942 г. После шести месяцев обучения в г. Архангельск. В сентябре 1943 г. отправлен на Ленинградский фронт во II ударную бригаду. Участвовал Семяшкин в освобождении Нарвы, городов Восточной Пруссии, Эстонии, Латвии. Был несколько раз ранен. После Победы вернулся домой, работал в оленеводстве.

Как на фронте, так и в тылу с нетерпением ждали писем. К сожалению, фронтовых писем до нашего времени сохранилось мало. Бережно хранила их Анна Антоновна Хозяинова. Пожелтевшие листы бумаги, плохо различимые строчки, написанные карандашом.

На почтовых карточках изображены танки, солдаты, на переднем плане в руках солдата знамя с изображением Ленина и Сталина. Письма написаны на почтовых листах, которые оформлены по-разному. На двух из них – солдаты, бегущие в бой и надпись:

*«Бьем немца пулей и снарядом
Громим в атаке штыковой
Не быть земле под немцем – гадом,
Быть немцу – гаду под землей!»*

Автор этих писем и карточек – Хозяинов Константин Иванович. Когда началась война, он принимал участие в боях, был ранен, отправлен на курсы для подготовки младшего комсостава, откуда и были написаны эти письма. Адресованы они были жене, одно – отцу Хозяинову Ивану Марковичу, одно – тестю Вокуеву Антону Захаровичу. Последнее письмо было написано 29 июня 1943 г. В этом же году Анна Антоновна получила извещение о том, что ее муж пропал без вести.

В сердцах потомков навсегда останутся имена тех, кто не вернулся с полей сражения, всех, кто отстаивал свободу и независимость нашей родины.

Пламенный Советский патриотизм вдохновлял воинов, тружеников тыла, всех советских людей на боевые и трудовые подвиги во имя Победы над врагом, за честь и свободу своей Родины.

На фронт ушли почти все трудоспособные мужчины села. На плечи женщин, стариков и подростков легло нелегкое бремя выполнения пла-

нов по лесозаготовке, развитию животноводства и оленеводства, производству кормов и заготовке топлива.

Благодаря самоотверженному труду колхозников общественное хозяйство в военные годы не ослабло, а наоборот, с 1942 г. колхоз им. Ленина стал миллионером, одним из лучших колхозов в республике.

В 1942 г. колхоз заготавливал древесину в количестве 5400 куб. м для нужд «Интастроля». В лесу работали тогда еще молодые девушки: Артеева Ольга Васильевна, Филиппова Феофания Семеновна, Хатанзейская Таисия Васильевна, Терентьева Анна Алексеевна, Семяшкина Клавдия Максимовна и другие.

Большую помощь оказали петруньцы фронту. Для обеспечения боевых действий на Карельском фронте был сформирован олений батальон. В состав оленьего батальона входили и петруньцы. Колхоз отправил на Карельский фронт 600 ездовых быков из своего оленьего стада и 30 упряжек. Петруньцы сами сопровождали оленей до фронта.

В числе сопровождающих ушли на фронт Витязев Александр Александрович, Канев Ефим Иванович, Артеев Николай Семенович, Батманов Николай Иванович, Семяшкин Михаил Иосифович, Валец Гаврил Егорович. На оленьих упряжках они подвозили боеприпасы, вывозили в тыл раненных.

В 1942–1943 гг. колхоз им. Ленина по решению общего собрания колхозников направил в военные госпитали страны посылки с копченым мясом на сумму 3521 руб. Только за четыре года колхозники Петруньского сельского Совета внесли в бюджет страны по подписке на государственные военные займы около миллиона рублей, ежегодно перевыполняли установленные задания в два-три раза. В 1943 г. петруньского внесли в фонд обороны страны на постройку танка «Северный охотник» 253 тыс. руб.

Трудящиеся Петруньского сельсовета на постройку танковой колонны собрали 90402 руб., 20000 руб. внесли колхозники из своих сбережений. 70-летняя работница, мать пяти фронтовиков, Фекла Яковлевна Филиппова внесла свой месячный заработок. По месячному заработку внесли работницы пошивочной мастерской райкомбината Ануфриева и Хозяинова. Небольшие коллективы сельской больницы, школы и почты – более 4000 руб.

Оленеводы Василий Егорович Валец, Кирилл Петрович Рочев внесли на укрепление боевой мощи страны по 10 тыс. руб. Алексей Иванович Семяшкин 8300 руб., Александр Егорович Семяшкин – 5000 руб., Григорий Егорович Семяшкин – 4000 руб.

В 1944 г. колхоз отправил восемь дойных коров в центральные области страны для восстановления разрушенных фашистами колхозов. Скот до места сопровождала доярка Елизавета Васильевна Батмановна.

Колхозные рыбаки, бригада из стариков во главе с Хозяиновым Егором Васильевичем перевыполняли годовое задание по ловле рыбы.

Охотник Владимир Николаевич выполнил в 1944 г. четыре сезонные нормы. Колхозу были даны специальные задания: сделать нарты, 130 пар лыж, сдать камыс 1800 оленей. В 1943 г. была открыта пошивочная мастерская, где шили совики, тобоки, рукавицы, шапки, куртки для бойцов. Собирали теплые вещи и посылали на фронт.

Велика была трудовая энергия советского народа, работавшего на победу. Не покладая рук, трудились и петруньские колхозники. Районная газета «Ленинец» от 21 января 1945 г. писала: «Колхоз имени Ленина Петруньского сельсовета (председатель колхоза товарищ Филиппов Иван Никифорович) план развития животноводства за 1944 г. выполнил по крупному рогатому скоту на 106,1%, по конскому поголовью – на 106,5%, по овцам – 130%, по оленеводству – 108%. Трудные военные годы и послевоенный период председателем колхоза им. Ленина был Филиппов Иван Никифорович, депутат Верховного совета Коми АССР, кавалер ордена «Трудового Красного Знамени». Бухгалтером был Канев Степан Яковлевич.

Многие петруньцы в годы войны обеспечивали бесперебойное движение водного транспорта по реке Уса, участвовали в строительстве дноуглубительных сооружений для вывоза угля с Воркуты и доставки всевозможных грузов.

Нелегкую участь первопроходцев с геологами А.А.Черновым, Г.А.Черновым, Кудрявцевым, Иорданским делили местные жители Канев Василий Васильевич, Семяшкин Алексей Иванович, Батманов Николай Николаевич, будучи проводниками и полевыми рабочими. Опыт и какие-то врожденные способности В.В. Каневу и А.И. Семяшкину позволяли без карт и компаса находить самые подходящие маршруты и средства передвижения для геологов. Нелегко был труд людей в военные годы, недоедая 10 часов и более приходилось справляться с сельхозработами; ставить стога; заготавливать дрова; ухаживать за скотом, сохранять внушительное количество голов оленей (около 18-20 тыс.). Сохранились документы, которые нельзя читать без волнения. Имеются акты о пропаже сырой говяжьей кости. Колхозница Е.Д. Терентьева сама призналась, что кожу она съела, остатки, меньше половины, отдала. Или другой пример: Беляев Феофан Павлович просит месяц для отдыха за работу в 1940–1941 гг.

Вот, что рассказала Терентьева Агафья Ивановна о себе. 15 марта 1943 г. заготавливала дрова, попутно проверяла петли на куропаток. Начались роды, пришлось рожать прямо на снегу, топором отрезала пуповину, сняла с головы платок, лицо младенца вытерла снегом, завернула в платок. Засунула за пазуху, малицу подпоясала и пришла домой. Подогрела воду, вымыла ребенка. Дочку назвала Зоей, ныне имеет своих

детей. Можно привести десятки примеров о тех трудностях, которые пришлось испытать людям.

Выстояли и вышли победителями. Пришла долгожданная Победа. Весть о Победе жители с. Петрунь получили 9 мая 1945 г. Радист Игушев Александр Васильевич утром принял радостную весть по радию и сообщил в сельский совет, жители села собрались на митинг, а вечером в клубе состоялась торжественное мероприятие по случаю долгожданной Победы.

Закончилась война, с заслуженными наградами вернулись в родное село 56 фронтовиков. Сейчас на территории Петруньского сельского совета проживает два ветерана: Канев Георгий Васильевич, Филиппов Алексей Алексеевич. Ушло на фронт 153 человека, из них не вернулись, погибли, умерли, пропали без вести 93 человека. Имена погибших солдат высечены на металлических плитах обелиска, который стоит в центре села.

Отгремели последние залпы Великой Отечественной войны. Необходимо было восстанавливать экономику. День Победы неотделим от памяти народа от тех его сыновей и дочерей, кто погиб ради жизни на Земле, кто отдал свою жизнь ради светлого будущего. В праздничные дни многолюдно у могил, где спят под вечной охраной гранита герои Великой Отечественной войны, известные и неизвестные.

Никто не забыт и ничто не забыто!

Е. Ладанова

ЖИЗНЬ НА ВОЙНЕ

*Нет, не угрюмым стал и грубым,
Он встал взыскательней и, верьте,
Кто на прицеле взгляд держал.
Влюбился в жизнь еще сильнее ...
Тому, кто вправду шел по трупам,
А хвастает привычкой к смерти
Примять цветка подошвой жаль.
Лишь тот, кто не встречался с ней.*

Великая Отечественная война – самая жестокая и самая тяжелая из всех пережитых нашей Родиной войн. Народы Советского Союза стали основной силой, которая сумела остановить фашизм на пути к мировому господству. Советские воины на своих плечах вынесли все тяготы страшной войны и победили фашистскую Германию. Серьезный вклад внес народ Республики Коми в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне. За годы войны более 170 тыс. чел. из Коми было призвано на фронт,

58 тыс. из них – погибли. Их имена вошли в «Книгу памяти Республики Коми». Мои земляки воевали на всех фронтах Великой Отечественной войны. Я решила узнать, как мои родные (моя семья) принимали участие в войне против фашистов. Участником Великой Отечественной войны был мой дедушка Ладанов Иван Васильевич. Мой дедушка, вспоминая Великую Отечественную войну, говорил мне, что в июне 1941 г. жители Коми АССР, как и все население СССР, были полны решимости дать отпор фашистам. Уже в первые дни войны тысячи добровольцев писали заявления об их отправке на фронт. В 1941 г. мой дедушка Ладанов Иван Васильевич – простой житель из села Зеленец (недалеко от города Сыктывкара) пошел на фронт защищать родную землю. А сколько их было таких простых людей необъятного СССР, объединенных общей целью – победить опасного врага? Очень важно, чтобы в летописи истории страны не забылось ни одно имя защитника Родины. Целью исследования является – показать страничку Великой Отечественной войны глазами простого солдата-воина, а также желание сохранить память о моем дедушке – защитнике Отечества.

В работе были использованы два вида источников: устный – рассказы моего дедушки Ладанова Ивана Васильевича, письменный – тетрадь дедушки, в которой он написал свои воспоминания о войне, а также «Книга памяти Республики Коми» (Сыктывкар, 1997); «История России XX век. Школьная Энциклопедия»; «Историко-художественная хрестоматия»; Александров А.Н. «Звезды отважных»; «История Коми АССР».

Мой дедушка Ладанов Иван Васильевич родился в 1922 г. в маленькой деревушке Парчег, что в нескольких километрах от села Зеленец. Учился в школе-семилетке, после окончания которой поступил в кооперативный техникум. Проучившись в техникуме два года, Ладанов Иван Васильевич в июле 1941 г. был призван на действительную службу в Красную Армию. Так как Иван Ладанов был студентом, то его сразу направили в город Архангельск в военно-инженерное училище. Но уже в ноябре 1941 г., когда фашисты стояли на подступах к Москве, училище расформировали. Это произошло сразу после парада войск в городе Архангельске 7 ноября 1941 г. Иван Ладанов вместе с другими курсантами военно-инженерного училища был отправлен в город Молотовск (сейчас Северодвинск) рядовым солдатом 33-й отдельной стрелковой бригады.

Бригада готовилась к военным действиям. Молодых курсантов закаляли: даже в сильные морозы физзарядку делали на улице без нижней рубашки. Постоянно проходили тактические занятия, курсантов учили воевать.

В декабре 1941 г. мой дедушка Ладанов Иван Васильевич стал участником боев на Волховском фронте.

27 января 2004 г. городу Ленинграду исполнилось 60 лет, как он окончательно освобожден от фашистской блокады. Наши солдаты проявили немало примеров героизма и мужества в тяжелых боях, защищая Ленинград. В нашем городе есть улица Оплеснина. Николай Васильевич Оплеснин, уроженец села Выльгорт Сыктывдинского района Коми АССР, в сентябре 1941 г. блестяще провел разведку в фашистском тылу, под огнем врага трижды переплывал реку Волхов. Он установил связь со штабом армии и обеспечил возможность стрелковой дивизии подполковника С.В. Рогинского вырваться из окружения. 27 декабря 1941 г. Н.В. Оплеснину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Моему дедушке, Ивану Васильевичу Ладанову приходилось участвовать в боях на Волховском фронте (северный участок советско-германского фронта). В составе 33-й отдельной стрелковой бригады 34-й Армии с начала декабря 1941 г. по 24 апреля 1942 г., за что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г. он был награжден медалью «За оборону Ленинграда». Вот, как это происходило.

Из города Молотовск батальоны бригады ночью прибыли в район города Тихвина. Под Тихвином советские войска вели успешные наступательные операции (10 ноября – 30 декабря). Солдаты сразу же были направлены для замены воинской части в полосе боевых действий. В пути до прихода в пункт назначения ночью солдаты подвергались артиллерийскому обстрелу со стороны немецких позиций. Несколько человек были ранены осколками снарядов. Когда советские солдаты подошли ближе, то заметили, что немцы довольно часто ракетами освещают свою полосу обороны. Местность была болотистая, редкий лес, земля мерзлая. Не было никаких окопов, ни ячеек, ни траншей, где можно было бы спрятаться от пуль. Стрелковая бригада дедушки заняла позицию, прямо в открытом поле на снегу, в общем, совершенно в неподготовленном месте. Солдаты сутками лежали на снегу. Только ночью, в перерывах между пусками немецких ракет, могли устроить бег на месте, чтобы окончательно не замерзнуть. Прибывшим молодым воинам стало ясно, что здесь были страшные бои. Когда немцы освещали ракетами свою оборону, Иван Васильевич и его друг увидели на нейтральной зоне очень много трупов наших солдат. Они сообщили об этом своим товарищам.

В первую ночь один из молодых солдат пробрался на нейтральную полосу, где лежали тела погибших русских бойцов. Вернувшись он принес полбуханки мерзлого хлеба и немного водки во фляге. Он сказал, что там «жутко много погибших русских солдат», среди них он заметил погибшего офицера. Очевидно, что отсутствовала всякая возможность захоронения тел погибших воинов, так как постоянно шли бои.

Утром солдаты сами увидели, как немцы хорошо держат оборону. Один пускает ракеты, другой лежит у пулемета, остальные отдыхают в землянке. Немцы были одеты и обуты не для зимы: на пилотки намотаны

теплые платки и вещи, обуты в кожаные сапоги. Это ясно показывало, что фашисты не готовились к затяжным сражениям. Именно поэтому их солдаты в декабре 1941 г. были одеты не по сезону.

Скоро роту, где служил Иван Васильевич, перевели на другой участок, который находился около Ладожского озера, где проходила «Дорога жизни» на город Ленинград. Снабжение г. Ленинград шло по льду Ладожского озера и по воздуху. Из осажденного фашистами города старались вывозить раненых, детей, женщин, больных и стариков. Иван Васильевич вспоминает, что своими глазами видел начало Ледяной дороги на Ладожское озеро, где были видны кузова нескольких утонувших грузовых машин. В конце декабря 1941 г. жители Ленинграда уже получали увеличенный паек (рабочие – по 350 г), а все остальные – по 200 граммов хлеба в день. Несколько лучше снабжалась армия, хотя на передовой солдаты питались впроголодь. По словам дедушки Ладанова Ивана Васильевича, командиром взвода был лейтенант лет 35. Он уважительно относился к солдатам, никогда голос не повышал. В дороге на фронт в товарном поезде на нарах вместе с ними спал и ел. Иногда угощал солдат офицерским дополнительным пайком. Иван Васильевич всегда отказывался, потому что стеснялся брать.

Первый бой для солдат начался утром после завтрака. Почти каждое утро перед боем давали во время завтрака 100 граммов водки и 900 граммов хлеба.

Во время завтрака хлеб полностью съедали, если оставалось, то приходилось кушать мерзлый хлеб. Впереди русской обороны местность была неровная, сначала спускается вниз, потом поднимается вверх. Командир взвода, построив взвод, сказал, что приказано занять немецкие позиции. Вспоминая свой первый бой, дедушка не может сдержать слез: «декабрь, страшнейший холод, глубокий снег, немцы на высоте, мы – в ложине. У них – пулеметы, у нас – трехлинейные винтовки». «Командир роты зычным голосом крикнул: «За Родину, за Сталина, за мной!», – и первый с пистолетом побежал вперед и все за ним. Солдаты с криком «Ура!» ринулись вперед. Затрещали пулеметы. Рвались снаряды. Наши солдаты по пояс в снегу продолжают наступать». Немцы открыли огонь, первым упал командир взвода. Сзади кто-то крикнул «Ложись!». Все легли на землю, и кто налево, кто направо по-пластунски по ложине, так спасались от пуль. Несколько человек были ранены. «Командир требует рывками вперед, а мы залегли, слишком велика плотность огня немцев. На правом фланге замолк наш пулемет», – вспоминает Иван Васильевич Ладанов. Командир взвода в страшном волнении спрашивает у солдат, кто может справиться с пулеметом. Но солдаты молчат. Почему? Вероятно, потому, что для многих этот открытый бой с врагом – первый, многого еще не знают, не умеют, да и боятся. Иван Ладанов, изучавший пулемет в военно-инженерном училище, робко подал голос

(как мог, сообщил, что умеет пользоваться пулеметом). Командир взвода приказал И.В. Ладанову любой ценой пробраться к пулемету, прикрыть отход бойцов на первоначальные позиции. По словам дедушки, он «между трупами виляя ужом, утопая в снегу, дошел до цели, под страшным обстрелом фашистов» и обеспечил отход взвода. А немецкие позиции были захвачены другим взводом роты. Во время боя погиб командир взвода, с которым воевал Иван Васильевич. После похорон командира взвода, назначили нового – он был молодой лет 20-23, осторожный, первый никогда не бросался в бой. Однако скоро его ранило осколком в голову, так как каску не носил, и его отправили на лечение в тыл. Дедушка вспоминает, что частыми были бомбежки и обстрелы.

Немецкие бомбардировщики «Юнкерс-87» и другие самолеты очень часто бомбили наши позиции. Также постоянно стреляли из пушек и минометов. У немцев вооружение было лучше: автоматы и пулеметы, а у русских солдат – только винтовки, хотя в роте был один ручной пулемет Дегтярева. В соседней роте батальона был станковый пулемет «Максим». Один раз при переводе батальона незнакомый офицер предложил Ивану Васильевичу подменить солдата, который на спине тащил ствол пулемета «Максим». Он согласился, дал свою винтовку и взял ствол «Максима» и нес на спине, пока не устал. Офицер предложил моему дедушке перейти к ним в соседнюю роту в пулеметный отдел, но он отказался от этого предложения.

Фашистский самолет бомбил передовую линию, где был Иван Васильевич. Он видит, как будто на него падает бомба, где он лежал. Он поднялся на ноги и пытался бежать от огневой точки в сторону. Бомба взорвалась на земле, и Ивана Васильевича взрывной волной бросило на расстояние 6-7 метров. Сразу побежала кровь из ушей и носа. Правое ухо закрылось на всю жизнь. Его сильно контузило. Было очень больно, но он все вынес и перетерпел. Его неделю поили водкой во время завтрака, двойную порцию давали, для того чтобы он меньше чувствовал боль. Дедушка говорит, что бывало, завтрак для солдат привозили в светлое время, т.е. с опозданием. Под обстрелом часто приходилось «кухне» идти по-пластунски. Случалось, что солдат возвращался с котелком супа по-пластунски, и пулей пробивало котелок с едой, и вся жидкость вытекала. Оставалась только ложка картошки и крупы. Все больше узнавая от дедушки о жизни на войне, я убеждалась, что страшнее войны нет ничего. Ведь нашим солдатам приходилось не только выживать на фронте, но и воевать, сражаться так, чтобы победить.

В пехоте командиры взводов роты погибали так же, как солдаты, потому что они первые шли в бой. В роте, где служил Иван Васильевич, не осталось офицера, ротой стал командовать старшина. Солдаты сначала не знали, что он не офицер, потому что он дело знал хорошо, одет был не по форме Советской Армии (в короткую куртку, без знаков

различия). В роте вместо взводов стали отделения, правда, в отделениях солдат было не меньше, чем во взводе.

Солдаты себя чувствовали лучше ночью, когда можно было греться у костра, устраивать бег на месте. Когда поднималась немецкая ракета, они быстро падали на землю. Пополнение солдат поступало часто, но потери роты были тоже велики.

Солдаты погибали от пуль, снарядов, осколков от мин, бомб. Особенно метко стреляли по позициям немецкие минометчики. Командир роты сказал своим солдатам, что в соседней роте в одном взводе от минометных снарядов погибли все воины, которые сидели у костра. Устроив костер ночью, солдаты под утро забыли своевременно потушить его. Поднимающийся дым был ориентиром для немецких минометчиков.

По приказу командира роты солдаты ночью стали устраивать шалаши от веток сосен и ели. Потом в 70–100 метрах они стали устанавливать шалаши и разжигать костры и ночью по очереди стали ходить греться.

За все время пребывания на Волховском фронте, с начала декабря 1941 по 24 апреля 1942 г., по словам дедушки, наши воины один раз меняли нижнее белье. Они грязное белье со вшами бросали в костер. В населенных пунктах или в землянках за это время не удавалось поспать. «Нашим солдатам приходилось заходить в землянки, отвоеванные у немцев. Стены фашистских землянок были обшиты фанерой. Немцы топили землянку мелкой, сырой березой. В спешке немцы оставляли консервы, приготовленную еду и вино – мы все допивали и доедали, фактов отравления не было», – вспоминает дедушка. Наши воины терпели тяготы войны, бытовые неудобства, голодали, обмораживали ноги, потому что валенки не высыхали. Не хватало винтовок и карабинов».

По словам Ивана Васильевича, командир роты Иванов ходил согнувшись только днем, недалеко от передовой, всегда в руке наготове держал пистолет. На территории роты землянки не было, даже солдаты не знали, где он проводит время ночью. К солдатам ночью он ни разу не приходил. Солдаты думали, что он все время был выпивший. Но это, скорее всего, была смертельная усталость, которую испытывал командир. На нем была большая ответственность за жизнь солдат, за выполнение боевой задачи. Однако отдельные командиры сильно выпивали, поэтому допускали даже столкновения между своими подразделениями.

Один раз все отделения роты пошли в наступление по-пластунски, кроме отделения, где служил Иван Васильевич, у них командиром отделения был сержант Мохов. Солдаты слышали, что идет стрельба. Скоро к ним подошел командир роты и спросил, кто умеет стрелять из ручного пулемета. Иван Васильевич сказал, что три месяца ему приходилось в военном училище стрелять из ручного пулемета. Ему приказали сразу

же ползти и принять пулемет. Он пополз к убитому пулеметчику, пулемет был исправный, в диске еще оказалось много патронов. Немцы не стреляли, их не было видно. Иван Васильевич тоже ни одного выстрела не сделал. Наступление отменили. Пулеметчик одновременно являлся командиром отделения. Так Иван Васильевич стал командиром отделения. Солдаты отошли на исходную позицию. В метрах пятидесяти от передовой, где стояла группа людей около командира роты, среди них выделялся пожилой человек в полушубке и в офицерской шапке. Это был комиссар батальона, который замещал тяжелораненного командира батальона. Комиссар батальона спросил: «Есть ли из вас кто-то из Коми АССР?»

Иван Васильевич сказал, что он из Зеленца. Комиссар батальона родом был из села Летка. На следующий день прибыл командир роты, младший лейтенант Иванов. Он часто повторял солдатам, чтобы они берегли себя и не ходили в полный рост. Лейтенант сетовал, что плохо, когда нет телефонной связи со штабом батальона, так как это затрудняло боевые действия.

Пополнение солдат прибывало без оружия. В отделение, в котором служил Иван Васильевич, шесть человек были без винтовок. Некоторые солдаты боялись, что их ранят или убьют, и они самовольно выходили из строя, так как им не хватало оружия.

После минометного обстрела передовой линии солдаты заметили против позиции, что немцы широким фронтом человек пятнадцать и больше во весь рост шагают в сторону русских солдат и стреляют из автоматов. Голову невозможно было поднять. Пулемет был у Наумова (он был родом из Архангельской области), он часто подменял Ладанова в бою. Наумов находился на неудобном месте. Иван Васильевич Ладанов увидел удобный толстый пень. Он взял пулемет и пополз к этому пню, открыл огонь – видит, два немца упали, остальные продолжали двигаться. Через некоторое время все немцы по-пластунски стали двигаться. Вот и мы заставили фашистов ползать. Наумов бросил две гранаты в сторону немцев. Иван Ладанов увидел, что немцы стали отходить. Сколько потерь у немцев, солдаты не знали, потому что на нейтральной полосе на другой день не было видно ни убитых, ни раненых. Из отделения Ладанова Ивана два солдата получили ранения.

За этот бой командир роты сказал, что представит Ивана Ладанова к ордену «Красной Звезды». Но его не наградили, потому что за бои местного значения не награждают, а награждают за взятие города и населенных пунктов.

Один раз командир роты поручил Ивану Ладанову похоронить погибших русских солдат. Там оказались и немецкие трупы. Иван Васильевич увидел на суке дерева шинель старшего лейтенанта. Сам офицер был мертвый и лежал на земле. Иван Васильевич снял с

воротника шинели лейтенантские петлицы и надел эту шинель, а своей шинелью укрыл убитого офицера. На том месте, где лежали трупы, было несколько воронок, они были глубокие. Туда собрали всех умерших солдат и захоронили. Документы у наших воинов Иван Васильевич передал командиру роты.

Когда после боя наступила кратковременная тишина, Ивана Ладанова вызвали к офицеру особого отделения бригады. Офицер в грубой форме спросил, почему Иван одет в такую форму. Иван Васильевич все объяснил. Офицер приказал, чтобы он это немедленно снял. Был ответ: «Слушаюсь!». Нарушать форму одежды запрещалось. В апреле 1942 г. фашисты начали наступление. Их продвижение было остановлено. В тех боях, вспоминает дедушка, «погибло три подносчика патронов, и один был ранен».

24 апреля 1942 г. в бою Ивана Васильевича тяжело ранило в левую лопатку осколком от мины. Он потерял много крови. Когда бой затих, уже было темно, и тогда Ивана Ладанова вывезли с поля боя. Снега уже не было, кругом была вода. Санитары с собаками на санитарной лодке Ивана Васильевича увезли в санитарную часть. Там ему первую помощь оказал военный фельдшер родом из Коми АССР. Он сказал, что Иван больше не будет военным, потому что у него разбиты кости в лопатке.

После операции раненого поместили в длинную палатку. Когда он проснулся, он увидел санитаров, которые убрали носилки с мертвыми. Один санитар сказал товарищу Ивана Васильевича: «Он еще живой».

Днем по узкоколейной дороге довели Ивана Васильевича до Волховстроя. В тот же день на санитарном поезде его оправили в тыл и привезли в госпиталь № 31–39, в город Краснокамск Пермской области. Иван Васильевич заметил, что у него зубы шатаются и кровавые десна. Это была цинга. Она быстро прошла. Дедушка говорил, что пролечился там пять месяцев. Во время выписки член комиссии предложил отпустить Ивана Васильевича домой по инвалидности, потому что у него левая рука чуть-чуть поднималась. Другой член комиссии возразил: «У него правая рука здоровая, и он может быть радистом». Ивана Ладанова направили на курсы радиотелеграфистов в город Кунгур Пермской области в запасной полк. Иван Васильевич оказался там на учебе. Через 2,5 месяца после окончания курсов, в декабре 1942 г. из маршевой роты Ивана Ладанова направили в 62-ю Армию Сталинградского фронта. Так Иван Васильевич Ладанов снова попал на фронт, мог продолжать воевать и защищать свою Родину.

После окружения Сталинграда 91-я стрелковая дивизия 51-й армии, в которой служил мой дедушка, вошла в состав Южного фронта, который затем был преобразован в IV Украинский фронт. Наши войска быстро двигались на запад, освобождая города Донбас, Ростов, Ворошиловград. Штаб 91-й стрелковой дивизии находился в Ворошиловграде. Потом его

перевели на 15 км в сторону передовой позиции, в село Екатериновку. Хотя до передовых линий фронта было не более 4–5 километров, немцы это село не обстреливали.

Жили в деревянных домах, а днем руководство дивизии находилось в землянках (в три наката). Дедушка служил во взводе передвижных средств связи, в штабной роте отдельного батальона связи 91-й стрелковой дивизии.

Перед наступлением в Ворошиловград приехала делегация во главе с маршалом Г.К. Жуковым. А штаб дивизии, где служил мой дедушка, посетил маршал С.М. Буденный. Командир дивизии генерал Калинин, проводив высоких гостей, вышел на крыльцо дома. И в этот момент начался обстрел. Один из снарядов разорвался совсем близко. Генерала тяжело ранило осколком снаряда. За раненым прилетел самолет У-2, но из-за сильного артобстрела не смог приземлиться. Генерала пришлось везти на военный аэродром. По словам бабушки, оказывается, в расположении наших войск действовал немецкий шпион (бывший советский офицер). Его поймали и повесили на площади города Ворошиловграда. Мой дедушка не раз бывал в то время в городе и видел тело шпиона на виселице, а на груди табличка «Немецкий шпион».

После тяжелого ранения генерала Калинина новым командиром дивизии стал полковник Собянин. Вскоре советские войска перешли в наступление. Тяжелые бои с большими потерями шли на реках Миус, Молочная. Советские войска взяли город Мелитополь. Дивизия, в которой служил дедушка, стала называться Мелитопольской.

Моего дедушку Ивана Васильевича Ладанова с пакетом направили в город, где стояли советские полки. И.В. Ладанов был верхом на коне. «Дело было под вечер, решил заночевать. Напоил и накормил коня, лег спать. В четыре часа утра проснулся от звука танковых моторов». Это фашисты атаковали и снова захватили город.

Иван Ладанов едва вырвался, пробираясь по окраинам.

Через два дня город снова взяли наши войска. От Мелитополя советские войска двигались на юг в Крым. Вместе с 91-й стрелковой дивизией фашистов гнал кавалерийский корпус генерала Кириченко. Через Перекоп кавалерия ворвалась в Крым в районе города Армянска, но, к сожалению, была окружена и уничтожена.

От Перекопа нашу дивизию перебросили за озеро Сиваш. Деревянный мост фашисты постоянно бомбили и обстреливали. Дедушке не раз приходилось переходить Сиваш вброд в полном боевом снаряжении. «На воздухе мокрая шинель замерзала, температура была минус два градуса. Конь тоже мерз, приходилось накрывать его попоной».

В начале апреля 1944 г. началось освобождение Крыма. «Оборону держали румыны, но они быстро сдались в плен. В Симферополе взяли трофеи-продукты». Мой дедушка видел, как жители села (недалеко от

города) выкапывали из траншеи тела своих родственников, расстрелянных фашистами за подпольную деятельность. Во время Великой Отечественной войны было массовое партизанское движение. Партизаны и подпольщики наносили вред фашистам, тем самым помогая нашей армии бороться с врагом.

Фашисты закрепились на Сапун-горе и оказывали упорное сопротивление, торопясь эвакуировать свои войска. На этой горе Иван Ладанов видел много тел советских солдат и захороненных. Дедушка утверждает, что фашисты не разрешали их хоронить.

Когда освободили от фашистов город Севастополь, дедушке запомнился красивый вход в него со стороны залива.

Дедушка сам видел, как увозили куда-то в товарных вагонах крымских татар, когда его 91-я стрелковая дивизия стояла напротив Бахчисарая. Вероятно, этим занимались войска НКВД. Во время войны целые народы СССР обвинили в предательстве, и НКВД осуществляло «операцию» по переселению калмыков, ингушей, чеченцев, поволжских немцев, крымских татар и других в восточные районы страны.

В честь освобождения Крыма командующий IV Украинским фронтом маршал Ф.И. Толбухин устроил парад войск. Мой дедушка И.В. Ладанов верхом на коне проехал в строю близко от трибуны. На трибуне, вместе с другими стоял и полковник Л.И. Брежнев, бывший тогда начальником политуправления IV Украинского фронта.

Из Крыма 91-ю дивизию, в которой служил дедушка, в июне в 1945 г. перебросили в Белоруссию, в район Витебска. Далее с дивизией И.В. Ладанов прошел Польшу, Восточную Пруссию, города и села Прибалтики.

В сентябре 1944 г. Ладанова Ивана Васильевича наградили медалью «За боевые заслуги». Дедушка служил в армии до 1947 г. До окончания войны он служил фельдшером. А после войны – делопроизводителем у начальника штаба батальона, одновременно и старшим писарем в штабе батальона связи.

Страницы Великой Отечественной войны не только блистательные победы и горестные поражения, яркие наступательные операции и кровопролитные оборонительные сражения, тяжелое отступление, это еще и обычные будни; бои местного значения – просто жизнь на войне.

Мой дедушка Ладанов Иван Васильевич в 18 лет стал защитником Родины в тяжелый период войны, защищал страну. Он, как и миллионы советских людей, готов был отдать здоровье, жизнь за свою Родину. Своими воспоминаниями дедушка открыл мне Великую Отечественную войну совсем с другой стороны. На войне ежегодно, ежемесячно, ежедневно, ежеминутно перед каждым воином стоял вопрос – как выжить на войне, как не осрамить свою фамилию, как защитить свою Родину.

Даже после тяжелого ранения осколком мины в левую лопатку, контузии и ранения в правое ухо (которое осталось неизлечимым на всю жизнь) Иван Васильевич Ладанов спустя 7 месяцев вновь вернулся на фронт, чтобы бить врага, защищая свою землю.

Сейчас мой дедушка И.В. Ладанов – ветеран Великой Отечественной войны, капитан в отставке, живет в селе Выльгорт Сыктывдинского района Республики Коми. Дедушка ведет активный образ жизни: выступает перед сельскими школьниками, рассказывая им о Великой Отечественной войне; участвует в сельской жизни Выльгорта – выступает в библиотеке, в клубе; пишет воспоминания о войне в местную газету «Наша жизнь». Дедушка каждое утро делает зарядку, он старается следить за своим здоровьем, зимой – ходит на лыжах. В питании дедушка предпочитает нежирную пищу, очень любит кефир, мед, фрукты.

В январе 2004 г. по приглашению губернатора (г. Санкт-Петербург) В.И. Матвиенко дедушка вместе со своим фронтовым другом из Сыктывкара А. Щановым ездил в северную столицу. Ветераны принимали участие в торжественной церемонии прохождения Вечного огня Славы по Невскому проспекту, возложили цветы на Пискаревском мемориальном кладбище, были на приеме губернатора в Таврическом дворце, встретились с Президентом России В.В. Путиным.

После возвращения в родное село Выльгорт дедушка принимал поздравления в честь празднования 60-летия со дня прорыва Ленинградской блокады от главы Сыктывдинского района Артура Рудольфа. Дедушка как-то сказал: «Не знаю, как сложилась бы моя дальнейшая судьба, если бы 22 июня 1941 г. не началась война». Великая Отечественная война была тяжелейшим испытанием всех моральных и физических сил народа. Страшная угроза нависла над страной. Жизнь и судьба каждого была связана с войной. Никогда не изгладятся эти трагические и героические годы Великой Отечественной войны из памяти тех, кто пережил их. А мы, не знавшие этой войны, должны изучать ее не только по учебникам, но и по воспоминаниям ветеранов.

Литература и источники

1. Интервью с Ладановым Иваном Васильевичем.
2. Рукопись Ладанова Ивана Васильевича.
3. Книга памяти Республики Коми. – Сыктывкар, 1997.
4. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России XX век. – М., 1999.
5. Александров А.Н. Звезды отважных. – Сыктывкар, 1991.
6. История Коми АССР. – Сыктывкар, 1981.
7. История России XX века. Школьная энциклопедия. – М., 2003.
8. Историко-художественная хрестоматия. – М., 2002.
9. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Сыктывкар, 1982.

А.И.Вавилова*

ВОЙНА ГЛАЗАМИ МОИХ БЛИЗКИХ

Со дня Великой Победы прошло более шести десятилетий – на 47 лет больше, чем исполнилось мне. Поэтому помнить о войне я, конечно, не могу. Мои знания и память складываются из прочитанных книг и статей, увиденных по телевизору фильмов, услышанных по радио передач, но самым ценным для меня являются воспоминания и рассказы моих близких, которые знают и помнят то страшное время не понаслышке. За документальную точность изложения рассказов ручаться не могу, но то, что запомнилось особенно хорошо, попытаюсь рассказать. В данной работе использованы воспоминания Гужевой Антонины Прокопьевны, Девятых Александра Ивановича, Сорокина Федора Андреевича, Щеголевой Ксении Гавриловны.

Родился мой прадед в деревне Воронцовка Тамбовской губернии (бывшее владение графа Воронцова), названная в честь него. Он рано остался сиротой, детство было трудное, голодное. Когда началась война, ему было немногим более 20 лет. Где и как он начал воевать я точно не помню, но вот случай с винтовкой, который дед рассказывал детям как сказку, запомнился хорошо, тем более что рассказчик он был отменный.

«Шла осень 1941 года – первая военная осень. Наши войска отступали, а фашисты продвигались вглубь, на нашу землю. Дожди шли беспробивные, грязь непролазная и вот по этой черной, жирной «каше» наш батальон шел уже несколько дней. Видя, что солдаты изнемогают от усталости, комбат приказал сделать привал в небольшом лесочке. Повесил я свою винтовочку на березку, а сам постелил шинель и присел отдохнуть, да не заметил, как задремал, видимо, усталость взяла свое. Сколько я дремал, не знаю, но, услышав команду «подъем», вскочил, встал в строй, и мы опять двинулись в путь. Дорога мне показалась легкой, иду, на плечи ничего не давит, вот думаю, как хорошо я отдохнул. Шли мы до самого вечера, а когда начало смеркаться нам приказали остановиться на ночлег в какой-то полуразрушенной деревеньке. И только тут я понял, отчего мне так легко шагало: «Винтовку-то свою я на том привале, в леске оставил». Во время войны потеря личного оружия грозила расстрелом. Командир батальона, к которому я подошел за советом, сказал, что если до утра найду оружие – то мое счастье, ну а если нет – он не сможет ничем помочь. Выбора у меня не было и несмотря на ночь пришлось идти искать свое оружие. Иду вперед, дороги не знаю, кругом темень, хоть глаз выколи, я еле ноги передвигаю.

*Вавилова Александра Игоревна – ученица школы № 26 г. Сыктывкар.

Шел я всю ночь, вот уже и светать начало, а впереди ни леска, ни деревца не видать. Вышел я к речушке какой-то и решил передохнуть на бережку, под старой ветлой, глаза прикрыл и говорю про себя: «Помоги мне, Мать Божья». Вздохнул, глаза открываю, а передо мной моя винтовочка дорогая висит. Откуда она там взялась я до сих пор не знаю. Это только Бог ведает. Схватил я свою «боевую подружку» и побежал обратно, даже не знаю, откуда и силы взялись. Взбежал на пригорок, а там деревенька, где мой батальон на ночлег остановился. Как такое могло случиться, сам не понимаю: ведь до реки я всю ночь прошагал, но тогда от радости никаких мыслей не было. Успел я со своими товарищами и чаю горячего попить и портянки поменять. С тех пор со своей дорогой винтовочкой я больше не расставался, и до конца войны она служила мне верой и правдой, не раз выручала в трудную минуту». Вот такую историю о войне рассказывал мне мой прадед. Он после этого случая до последнего своего дня за стол без креста не садился и не одно дело без молитвы не начинал, за каждый прожитый день Бога благодарил. Научил этому и детей своих, и внуков, и правнуков. В деревне его уважали, приходили за советом, и дед отвечал людям любовью и уважением, всем помогал, всех привечал.

Меньше, чем за год до окончания войны мой прадед был ранен, автоматная очередь прошла ему ногу, шесть пуль застряли в кости. В военном госпитале их удалить не смогли, а уже после войны он и сам не захотел, правда нога не гнилась и болела перед непогодой.

Когда после ранения он очнулся на поле боя, то смог самостоятельно доползти до штаба, где находилась медсестра. Она сделала перевязку, остановила кровотечение и его, среди других тяжелораненых, положили на подводу, чтобы перевезти в госпиталь. Раненым велели крепче держаться за телегу, потому что если кто-то выпадет, то это верная смерть. Лошадь останавливать никак нельзя, потому что со всех сторон слышны взрывы, идет перекрестный огонь, и чтобы вывезти раненых за линию фронта, нужно гнать лошадь без остановки. Дедушка вцепился в края телеги мертвой хваткой и потерял сознание. Очнулся он от того, что его пытаются оторвать от телеги, а пальцы онемели так, что разогнуть их стало практически невозможно. Руки кололи иголками и только после этого смогли разжать. «Да, Федор, крепкий ты мужик, настоящий хозяйственник! Ни за что свое не отдашь», – подшучивали над ним после этого, на что он отвечал: «Не за телегу я держался так крепко, а за жизнь!» Очень хотелось вернуться ему в свою деревню и построить дом. Его мечта сбылась: он вернулся живым и построил свой дом, и нашел свою любовь, и вырастил детей, и понянчил внуков, и повидал правнуков, и землю пахал, и хлеб сеял, и людям помогал, чем мог. Наверное, ради этого простого счастья и проливали кровь русские воины на поле боя.

У прадеда сохранилось много наград, ведь он освобождал Прибалтийские Республики, Румынию, Чехословакию, наши российские города. В его родной деревне школьники организовали музей, в котором хранятся экспонаты со времен Великой отечественной войны. Дети просили отдать в музей дедовы награды, но мы решили, что они должны храниться у нас в семье, как память. Из множества наград дед особенно дорожил орденом Красной звезды, который он получил из рук самого Жукова – величайшего полководца, во многом благодаря которому мы одержали победу в этой страшной войне.

Когда прадед вернулся домой, то узнал, что один из его братьев пропал без вести где-то в Болгарии. Оттуда он прислал последнее письмо и фотографию. После войны его разыскивали родственники и выяснили, что он погиб, но где похоронен неизвестно. За границей не ведут раскопок, тем более что многие документы были в то время утеряны. Во время войны получали похоронки – это ни с чем не сравнимое горе, но еще страшнее получить известие о том, что человек пропал без вести, ведь это значит, ничего не знать даже о месте захоронения близкого и не иметь возможности поклониться земле, в которой он лежит.

После окончания войны многие искали своих родных, но не всем выпало счастье хоть что-то узнать об их судьбе. Одна моя родственница – сестра прабабушки, получила такое письмо о том, что ее муж пропал без вести под городом Тула. Было это в 1942 г., когда шли ожесточенные бои под Москвой. Горе ее не знало границ, но спасли дети, которых нужно было растить. После войны она искала своего мужа, но никаких результатов. Тетя Маша замуж больше не выходила, одна вырастила четверых детей, прожила долгую и достойную жизнь. В 1999 г. она умерла, а ровно через год, годовщину ее смерти, пришло известие о том, что ее муж был убит и захоронен в братской могиле под Тулой. Следопыты производили раскопки в этом районе и обнаружили останки воинов, у некоторых сохранились патроны с данными (во время войны солдаты вешали на шею патрон, в который засовывали записку со своими биографическими данными). Сын бабушки Маши ездил навестить могилу отца, отвез туда горсть родной земли, посетил школьный музей, в котором и храниться теперь патрон его отца. В местах ожесточенных боев часто находят различные свидетельства той страшной войны, это бывают и фляжки, и патроны, и оружие, и личные вещи солдат, которые здесь погибли. Вот так, через много лет война вернулась в нашу семью.

Все для победы делали не только воины на поле боя, но и женщины, и дети в тылу, за линией фронта. Моя прабабушка Ксения во время войны работала в госпитале операционной сестрой. Она помогала хирургам, ухаживала за ранеными в палатах и растила двух сыновей. Бабушка видела каждый день, каждую минуту столько боли, крови, слез, смерти, что сердце не выдержало, душа надорвалась от горя. Ей исполнилось

всего 26 лет, а она была седа, как лунь, ее длинная коса сливалась с белым халатом. Страдания, выпавшие на ее долю, подорвали здоровье – умерла она, когда ей было чуть больше шестидесяти лет. Вспоминая страшное военное время, бабушка плакала и повторяла, что мы утопили фашистов в своей крови и боли. После войны она продолжала работать в госпитале и помогала всем, кому нужна была ее помощь.

Другая моя прабабушка Антонина тоже хлебнула немало горя и страданий. Ее вместе с другими молодыми людьми угоняли на работы в Германию. По дороге ей и еще нескольким девушкам удалось сбежать, и они смогли добраться до дома. Родители прятали ее несколько месяцев в холодном, сыром погребе. Шесть месяцев она не видела света, солнца, ослабла до такой степени, что пришлось заново учиться ходить, даже ложку самостоятельно она не могла держать. Моя прабабушка не ходила в атаку, не вытаскивала с поля боя раненных, не работала в госпитале, но сколько варежек, носков она отправила на фронт – не сосчитать. Сама падала в обморок от голода, а на фронт отправляла собранные в поле колосья, конечно, не одна она, но ведь именно эти молодые девочки «воевали» в тылу. Может быть, их и нельзя назвать героями, но лично для меня моя прабабушка – настоящая Героиня и Человек, заглавная буква это не ошибка, а мое отношение. Уже после войны она работала в колхозе, вставала ни свет ни заря и работала до самого вечера без устали. А уж какая певица была – не передать. Меня – маленькую девочку, научила разным частушкам и прибауткам, а знала она их просто несметное количество.

Еще на память приходит рассказ моей мамы, конечно, не как участницы военных событий, а как внимательного слушателя, который смог передать мне настроение, впечатление от рассказа пожилого фронтовика, которого она случайно встретила в трамвае. Хотя, может быть, он и не был старым, а маме просто так показалось, ведь ей самой тогда исполнилось только лет семь.

На все лето маленькую маму отправляли к бабушке в город Тамбов. Там она отдыхала, набиралась сил перед долгой северной зимой и вместе с бабулей ходила каждое воскресенье в церковь, так как бабушка была очень набожным человеком. Для мамы эти походы были настоящим праздником, ведь в церкви так красиво, так много разных людей, так хорошо поет хор. И вот однажды по пути в храм в трамвае они встретили мужчину в военной форме, на груди у него красовались нашивки, говорящие о наградах. Военный поклонился и у него показался нательный крестик. Бабушка разговорилась с ним и спросила, почему он, военный человек, участник войны, наверняка, член партии не боится идти в церковь. На что он рассказал историю, которая просто потрясла мою маму, она запомнила ее в подробности и потом рассказала нам с сестрой. А я попытаюсь изложить ее на бумаге.

«На фронт я попал еще мальчишкой, прибавил в документе два года и в 18 лет (а по документам в 20) уже воевал. В боях за русский город Смоленск наш полк попал в окружение, и бойцам было приказано пробиваться к своим маленькими группками. Наша группа, состоявшая из 20-25 человек, попала под перекрестный огонь. Залегли мы в болоте и отбиваемся. А куда стрелять – не понятно, голову даже поднять нельзя. Кругом все горит, взрывается и вдруг, откуда-то появилась женщина. Стоит вся в белом, на голове платок повязан, перекрестила она нас трижды и молча рукой машет – вроде как за собой зовет. Встали бойцы в полный рост и пошли за ней. Кругом пули свистят, взрывы грохочут, а мы вроде как в броне идем – все снаряды от нас отлетают. Вывела нас эта женщина из окружения и ни одного раненного в том бою не было. Я всю войну прошел, был ранен, но остался живым. Уже после закончил Военную академию и стал офицером, вступил в партию. Этот случай не давал мне покоя, и после войны я в церковь стал ходить и свечи ставить, потому что женщине той я тогда даже спасибо не успел сказать». Такой рассказ я услышала из уст моей мамы и спросила, что же это была за женщина, на что мама ответила, что такое Чудо могла совершить только Матерь Божья.

Вот такие истории хранит память, а пока есть память, будут жить мои прабабушки и прадеды, незнакомый мужчина в трамвае и еще тысячи и тысячи Героев, благодаря которым я родилась, живу, могу учиться и ходить в музеи и кино, могу ездить в гости и заниматься любимыми делами.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

И.Л.Жеребцов, М.В.Таскаев*

КОМИ АССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ХРОНИКА СОБЫТИЙ (1939–1940)

1939

1 сентября началась Вторая мировая война.

9 сентября

– На Ярегском месторождении впервые в СССР получена нефть из шахты.

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР образовано Управление автомобильного транспорта при СНК Коми АССР.

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР утверждено положение о переходящем Красном знамени Президиума ВС Коми АССР, вручавшемся лучшему леспромхозу (мехбазе, райлесхозу, сплавконторе). Первым Красное знамя **2 декабря 1939 г.** получил Удорский леспромхоз.

11 сентября

– Сыктывкарский горсовет постановил «улицы в кварталах индустриального строительства именовать: К.Маркса, Энгельса, Папанина, Клары Цеткин, Чкалова, Водопьянова, Крупской, Осипенко, Громова, Комсомольский и Школьный переулки».

23 сентября

– Проведена учебная химическая тревога в Сыктывкаре. Служащие работали на предприятиях и учреждениях в противогазах.

Октябрь

– В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) создан политотдел «Севжелдорстроя» для политического руководства строительством Северо-Печорской железной дороги.

***Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – академик Академии военно-исторических наук, доктор исторических наук, зам. директора по научным вопросам Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Таскаев Михаил Владимирович (Сыктывкар) – член-корреспондент Академии военно-исторических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Начало октября

– Введена в постоянную эксплуатацию газогенераторная электростанция райкомхоза в Усть-Цильме.

5 октября

– Принято постановление Экономического совета при СНК СССР об утверждении разработанных в 1938–1939 гг. техпроектов строительства железной дороги на участках Котлас–Княжпогост и Княжпогост–Ухта. **23 октября 1939 г.** издан приказ наркома путей сообщения СССР об утверждении этих проектов.

Конец октября

– Закончено строительство временного свайного моста через реку Вымь; соединились железнодорожные линии на левом и правом берегах Выми. (**6 апреля 1940 г.** временный мост был разобран).

1 ноября

– Открылось сквозное движение поездов на участке Айкино–Шежам–Княжпогост Северо-Печорской железной дороги.

7 ноября

– Первый пассажирский поезд прибыл в Чибью. С этого времени железная дорога стала приобретать экономическое значение, связав Ухтинский край с Вычегдой.

– В газете «Вёрлэдзись» опубликовано письмо коми красноармейца И.Тырина о его участии в войне против «польской банды» (шла война СССР с Польшей).

19 ноября

– В Доме писателей Москвы состоялся вечер, посвященный 100-летию со дня рождения И.А.Куратова.

30 ноября 1939 г. началась советско-финская война.

Декабрь

– В Сыктывкаре организовано летное подразделение в составе Северного управления ГВФ; командир – Ф.Ф.Лысенко, зам. по политчасти Д.Б.Циновой, начштаба – А.А.Одинцов. В Сыктывкаре имелось более 10 самолетов. Дополнительно из Ленинградского аэропорта был выделен новый самолет Р-5.

2 декабря

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР образован Наркомат лесной промышленности Коми АССР (ликвидирован **25 ноября 1942 г.**).

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР село Ларваньиг переименовано в село Адзьва, Ларваньигский сельсовет – в Адзьвинский сельсовет.

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР закрыта церковь в Палевицах; каменное здание церкви подлежало «разобрать как технически непригодное для использования под культурное учреждение.

Вырученные средства от продажи строительных материалов, полученных в результате сноса здания, обратить на строительство клуба».

7 декабря

- Пущена локомобильная электростанция в Сторожевске.

24 декабря

- В Коми АССР состоялись выборы в местные Советы.

Конец 1939

- Княжпогост получил проволочную связь с Котласом (ранее существовала только радиосвязь).

1940

- В Сыктывкаре открыты первые городские автобусные маршруты.
- Основан поселок Косью.
- Локчимский ИТЛ включен в Устьвымлаг.
- Начал строиться поселок Горняцкий у воркутинских шахт № 2 и 3.
- В шахты Печорского угольного бассейна впервые спущены лошади для использования в качестве тягловой силы при перевозке вагонеток.
- На воркутинской шахте № 1–2 (современная № 8) впервые в Печорском бассейне стали использоваться электрические врубовые машины.
- Начал работу маслосырзавод в Усть-Цильме.
- Заработала локомобильная электростанция в Подбельске, построены новые электростанции в Ношуле и Серегово.
- Организована Вычегодская судостроительная верфь.
- Введены в строй цеха кристаллизации на Втором промысле (Водный).
- Из треста «Северолесосплав» выделен лесосплавной трест «Вычегодалесосплав», в состав которого вошли Верхневыхегодская, Усть-Вымская и Транспортная сплавконторы.
- Построено гравийное шоссе Ухта – Крутая.
- Пилоты Сыктывкарского летного подразделения стали постоянно обслуживать местные воздушные линии в Ухту, Усть-Цильму, Ижму, Усть-Усу, Кожву, Усть-Кулом, Троицко-Печорск, Объячево, Княжпогост, Киров, Котлас и Архангельск.
- Геолог Г.М.Ярославцев открыл Верхне-Сырьягинское угольное месторождение.
- Геолог Н.В.Шмелев открыл Паембойское угольное месторождение.
- Началась разведка Бельгопского месторождения известняков на реке Ухте.
- Поезда узкоколейной железной дороги пришли на площадки воркутинских шахт № 2 и 2-бис.
- Выдал первую продукцию Воркутинский кирпичный завод.
- Введена в строй ЛЭС в Усть-Немском леспромхозе.

- На реке Воркуте развернулось строительство ТЭЦ-1 – одной из важнейших строек периода войны.
- Организованный на площадке строительства шахты «Капитальная» небольшой цех по производству шлакоблоков и бетонных блоков в связи со сдачей шахты в эксплуатацию перебазирован на правый берег реки Воркута и через некоторое время преобразован в завод стройматериалов.
- Организован первый воркутинский совхоз «Горняк».
- Организован Сыктывкарский горпромкомбинат Наркомата местной промышленности Коми АССР со слесарно-механическим цехом, весоремонтной мастерской, мастерской игрушек, обувной мастерской.
- Построены мосты через реки Большая Визинга и Човью.
- Открылось автобусное движение по маршруту Сыктывкар – Княжпогост.
- Основана железнодорожная станция Кожва, на основе которой позднее образован рабочий поселок Изъяю.
- В Сыктывкаре началось строительство первой коммунальной прачечной.
- В Сыктывкаре построены здания современного президиума Коми филиала АН СССР и школы № 16 (современный лицей народной дипломатии).
- В Сыктывкаре построены учебный корпус лесного техникума, школа для глухонемых, школы № 2, механизаторских кадров и в поселке лесозавода, два общежития фельдшерско-акушерской школы.
- Построены здания неполных средних школ в Куратово, Пижме, Воче, Мыелдино, Аныбе, Кедвавоме, Савиноборе, Усть-Ижме, Кослане, Мутном Материке, Косьювоме, Кипиево.
- Созданы советы спортобщества «Динамо» в Воркуте, Ухте, Печоре и Железнодорожном.
- В Коми АССР начали создаваться детские комнаты милиции.
- Образовано Управление кинофикации при Совнаркоме Коми АССР.
- Состоялась экспедиция АН СССР под руководством академика А.Е.Ферсмана в Коми АССР для исследования радиевых промыслов на Ухте. В экспедиции участвовали профессор А.А.Чернов, специалисты по радию академик В.Г.Хлопин и профессор А.В.Комлев. А.Е.Ферсман провел совещание с республиканским активом, на котором поставил вопрос о необходимости создания академической организации в республике.
- Лесохозяйственная группа Северной базы АН СССР начала изучение лесов Вычегодского бассейна.
- В Коми АССР начаты лимнологические (озероведческие) исследования.

- Издан «Русско-коми словарь» С.Н.Коновалова, ставший ценным учебным пособием для начальных и неполных средних школ.
- Издана монография А.И.Толмачева «Сорно-полевые растения Коми АССР и борьба с ними».
- Начали издаваться «Труды Печоро-Илычского заповедника».

Январь

- В Сыктывкаре постановлением СНК Коми АССР организована геодезическая служба, которая должна была вести регулированием, надзором, контролем и методическим руководством всех геодезических и разбивочных работ на территории города.

2 января

- Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР село Кибра (родина И.А.Куратова) переименовано в Куратово. Указ утвержден Президиумом Верховного Совета РСФСР **19 января 1940 г.**

5 января

- Совнарком Коми АССР принял постановление о строительстве в Айкино лесопромышленного комплекса, включавшего лесопильный и фанерный заводы и спичечную фабрику. Производственный участок «Котласлесстроя» в том же году начал организацию строительных работ, но позднее решено было перенести строительство в Жешарт.

9 января

- Построенное на левом берегу реки Воркута поселение официально преобразовано в поселок Воркута Хоседа-Хардского сельсовета Ненецкого национального округа Архангельской области. В первой половине 1940 г. поселок Воркута и территория, на которой располагался Воркутинский лагерь, были переданы из состава Ненецкого округа в Коми АССР.

13–14 января

- Состоялось первое республиканское совещание агитаторов.

18–19 января

- Празднование 100-летия со дня рождения основоположника коми литературы И.А.Куратова; празднованию предшествовали острые споры относительно ценности творческого наследия И.А.Куратова. В юбилейном пленуме правления Союза писателей Коми АССР **19 января 1940 г.** участвовали писатели С.Михалков, И.Сельвинский, Ф.Панферов и другие, председатель Совнаркома Коми АССР С.Д.Турышев.

19 января

- Трудовая улица в Сыктывкаре (бывшая Предтеченская) переименована в улицу Куратова.

7 февраля

- Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР артистам Коми национального драмтеатра В.П.Выборову, А.Г.Зяну, П.А.Мысову,

М.К.Расторгуеву, А.С.Тарабукиной присвоены звания «Заслуженный артист Коми АССР».

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР закрыта церковь в Зеленце, здание передано сельсовету для использования под клуб.

– Принят Указ Президиума Верховного Совета Коми АССР об определении границ Коми АССР, содержащий описание границ республики с соседними областями.

Весна 1940

– В Коми АССР прибыла первая партия депортированных польских граждан.

Март

– И.В.Сталин принял руководителей «Воркутстроя», были намечены сроки строительства и плана ввода в действие новых угольных шахт.

– В Москве рассмотрен технический проект опытной эксплуатации первой очереди нефтешахты № 1 на Яреге.

– На базе Вычегодской сплавконторы организован лесоплавной трест «Вычегдосплав».

10–14 марта

– Состоялась XVII Коми областная конференция ВКП(б). Первым секретарем обкома избран А.Г.Тараненко, вторым – Н.П.Важнов, третьим – С.А.Игнатов, секретарем по кадрам – Г.К.Костин, секретарем по пропаганде – В.С.Волгин.

26 марта

– Президиум Верховного Совета Коми АССР «в связи с 20-й годовщиной освобождения Коми АССР от белогвардейцев и иностранных интервентов» наградил юбилейной грамотой «20 лет освобождения Коми АССР от интервентов и белых банд» 19 активных участников гражданской войны.

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР присвоены звания «Заслуженный учитель школы Коми АССР» 32 учителям педучилищ, начальных, неполных средних и средних школ республики (В.И.Блузман, А.И.Старовской, А.А.Попову и другим).

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР учреждено почетное звание «Заслуженный врач Коми АССР»; первыми этого звания в тот же день удостоены И.Н.Суханов, А.И.Мишарин, В.И.Митюшева.

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР утверждено положение о Почетной грамоте Президиума Верховного Совета Коми АССР.

11 апреля

– Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза участнику советско-финской войны И.П.Маркову, уроженцу села Спаспоруб (Прилузский район); И.П.Марков стал первым уроженцем Коми АССР, удостоенным этого высокого звания.

13 апреля

– Улицы поселка лесозавода № 2 в Сыктывкаре получили названия Седова, Серова, Чехова и др.

22 апреля

– Вышел первый номер газеты «Стахановец» (позднее – «Ленинское знамя», «Княжпогостские вести») в Железнодорожном (Княжпогостском) районе.

Май

– Началось строительство столбовой линии связи Чибью–Кожва (завершено в **сентябре 1940 г.**) протяженностью 250 км.

– Коми обком ВКП(б) и Совнарком Коми АССР обратились в ЦК ВКП(б) с предложениями о постройке в Сыктывкаре пивоваренного завода, крупного мясокомбината, Дома пионеров, Республиканской библиотеки, Драматического театра и других объектов.

9 мая

– Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали и развитии добычи воркуто-печорских углей», направленное на активизацию развития горного комплекса и железнодорожного строительства республики.

10 мая

– Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление об ускорении строительства Северо-Печорской железной дороги и увеличении добычи угля в Печорском бассейне. Сквозное движение на линии Кожва–Воркута должно было открыться в декабре 1941 г. Постановление имело исключительное важное значение для развития Печорского угольного бассейна. С этого момента начался этап его интенсивного промышленного освоения.

13 мая

– Заложены первые интинские шахты.

14 мая

– Организован Северо-Печорский железнодорожный лагерь НКВД СССР с центром в поселке Абезь (с 1946 г. – в поселке Печора); основная задача – строительство участка Северо-Печорской железной дороги от Усть-Кожвы до Воркуты.

20 мая

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР закрыты церкви в Ужге, Онежье, Арабаче, Гаме. Здание Ужгинской церкви надлежало снести «как технически непригодное для приспособления и использования его под культурное учреждение», остальные здания передавались сельсоветам «для переоборудования и использования... под культурное учреждение».

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР утверждены административно-территориальные границы города Сыктывкара, Корткеросского и Усть-Вымского районов.

27 мая

– Партхозактив Севжелдорстроя обсуждал постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 мая 1940 г. о форсировании строительства Северо-Печорской железной дороги.

28–29 мая

– Состоялась конференция рационализаторов и изобретателей «Ухтижемстроя».

31 мая

– Состоялось объединенное заседание Коми ОК ВКП(б) и СНК Коми АССР, на котором обсуждалось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 мая 1940 г. На «Севжелдорстрой» возложена задача уже в 1940 г. открыть временное движение поездов от Котласа до Печоры.

Май–июнь

– Баржа с тремя паровозами направлена из Котласа в Княжпогост, но из-за прекращения навигации по Выми не смогла достичь цели; паровозы выгружены в Айкино.

Лето 1940

– Развернулись работы по строительству магистрали и приемке грузов на участке Кожва–Печора–Косью.

– Из-за засушливого лета пересохла река Уса, на перекатах обнажилось дно; пароходы и баржи с большим количеством грузов не могли попасть в Абезь, сев на мель около Адзьявома. Вывозку грузов удалось организовать только с наступлением зимы по льду специально снаряженной автотракторной экспедицией под руководством инженера Л.Д.Лукацкого.

– Авария на ярегской нефтешахте. Шахта была затоплена водой. Только в **конце августа 1940 г.** смогли вновь приступить к проходке выработок и бурению скважин.

Июнь

– Реорганизован Коми НИИ языка, литературы, фольклора и истории при Наркомпросе Коми АССР; в его составе созданы три секции: языка, литературы и фольклора, истории.

– Проложена первая временная водопроводная сеть в Сыктывкаре. Газеты сообщили о планах строительства постоянного водопровода: планировалось, что главная водопроводная магистраль пройдет по улице Пушкина, от которой будут проведены разветвления по улицам Ленина, Кирова, Советской и Интернациональной. На главной магистрали и ее разветвлениях будет установлено девять колодцев для обеспечения населения водой. Находящаяся на берегу реки Сысола насосная станция будет подавать ежедневно по 10 тысяч ведер воды. Кроме того, в целях противопожарной безопасности будут построены два пожарных колодца около Дома культуры и лесотехникума.

– Газеты сообщили, что при Коми республиканском музее открыта мастерская по изготовлению макетов и чучел зверей и птиц, благодаря чему музей обогатился новыми экспонатами по отделу «Природа». Изготовлены чучела медведя, россомахи, лисицы и других мелких зверей и птиц, обитающих в Коми АССР. Особый интерес вызывали макеты, один из которых изображал лисицу охотящуюся за зайцем, а другой – охотничьих собак, отыскивавших на деревьях белку.

– Кафедра биологии Коми пединститута на основе агроботанического участка начала создавать ботанический сад. Задачи сада – собрать и представить флору Коми АССР и организовать серьезную научно-исследовательскую работу по созданию новых местных сортов плодово-ягодных растений.

– В Сыктывкаре замощены улицы Пушкина, Орджоникидзе, Кирова.

– Археологическая экспедиция Коми краеведческого музея в составе пяти человек под руководством П.Д.Степанова отправилась на Сысолу. Газеты сообщили, что П.Д.Степанов составил археологическую карту Коми АССР и написал «Этнографический очерк коми», который Академия наук СССР намерена издать в шеститомном издании «Народы СССР».

13 июня

– Состоялась сессия Верховного Совета Коми АССР, обсуждавшая постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об ускорении строительства Северо-Печорской железной дороги и увеличении добычи угля в Печорском бассейне от 10 мая 1940 г.

16 июня

– Состоялся пленум Коми обкома ВКП(б), на котором обсуждалось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 мая 1940 г.

26 июня

– Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Июль–сентябрь

– Началось строительство шахт № 2, 3, 4, 5, 6, 8 на Воркуте, шахт № 1, 2, 3 в Инте, шахт № 2, 3 в Еджид-Кырте.

10 июля

– СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О развитии Ухтинского нефтяного месторождения».

14 июля

– Вышел первый номер газеты Корткеросского района «Ударник вёрын» («Ударник в лесу», позднее – «Звезда»).

Август

– Создана отдельная строительная организация «Печорстрой» для ведения строительства железной дороги на участке Печора–Воркута.

– Бюро Коми обкома ВКП(б) обсудило ход реализации постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии Ухтинского нефтяного месторождения».

26 августа

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР закрыты церкви в Гриве и Жешарте.

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР установлены административно-территориальные границы Сыктывдинского, Сторожевского, Усть-Куломского, Троицко-Печорского, Ухтинского, Удорского, Летского и Железнодорожного районов и Печорского округа Коми АССР.

Сентябрь

– В Сыктывкаре организовано концертно-эстрадное бюро, в которое вошли хор, струнный и два духовых оркестра, джаз-оркестр, танцевальная группа и другие коллективы.

– В Сыктывкаре открылась школа ФЗО управления профтехобразования.

8 сентября

– Проведен слет ударников на 145-м километре трассы Чибью–Кожва.

19 сентября

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР установлены административно-территориальные границы Прилузского и Сысольского районов Коми АССР.

24 сентября

– СНК СССР и ЦК ВКП(б) уточнили размеры добычи угля в Воркутинском месторождении, приняли решение о строительстве Вычегодской верфи деревянного судостроения близ Сыктывкара.

25 сентября

– Бюро Коми ОК ВКП(б) приняло решение «О мероприятиях по развитию лыжного спорта в колхозах и ДСО профсоюзов республики». Группа физкультурников, участников войны с Финляндией, выступила с обращением-призывом «Все – на лыжи!». По всей республике стали создаваться лыжные базы. К концу зимнего спортивного сезона 1940–1941 гг. лыжные базы были созданы во всех населенных пунктах Коми АССР.

Октябрь

– Уложен железнодорожный путь до станции Ираэль.

2 октября

– Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о системе трудовых резервов. В соответствии с этим указом в Коми АССР стали созда-

ваться школы и училища трудовых резервов для систематической и массовой подготовки квалифицированных рабочих для промышленности и транспорта. Первый выпуск (800 человек) из школ трудовых резервов в республике состоялся в 1941 г.

6 октября

– На 103-м километре трассы Чибью–Кожва проведен общелагерный слет строителей всех отделений.

14 октября

– Подписан акт о приемке в эксплуатацию кинотеатра «Родина» в Сыктывкаре.

17 октября

– Закончена укладка пути на южном участке Северо-Печорской магистрали в районе 5-го отделения «Севжелдорстроя» у Котласа. Коми АССР была связана железной дорогой с центром страны.

20–22 октября

– Состоялся пленум Коми обкома ВКП(б), который обсудил вопросы о выполнении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали и развитии добычи воркуто-печорских углей».

22 октября

– Бюро Коми обкома ВКП(б) обсудило вопрос о состоянии и развитии искусства в Коми АССР.

25 октября

– Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил указ Президиума Верховного Совета Коми АССР от 29 июня 1940 г. об отнесении поселка Воркута Абезьского сельсовета Усть-Усинского района к категории рабочих поселков.

29 октября

– Принято постановление СНК Коми АССР о преобразовании краеведческого музея в Сыктывкаре в Коми республиканский краеведческий музей (с 1994 г. – Национальный музей Республики Коми).

31 октября

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР Усть-Усинский район разделен на Усть-Усинский и Кожвинский (с центром в селе Кожва).

Ноябрь

– На улице Бабушкина в Сыктывкаре (в районе Парка культуры и отдыха имени Кирова) установлен бюст М.С.Бабушкина (скульптор Н.Е.Саркисов).

7 ноября

– Первый пассажирский поезд отправился из Ухты в Котлас.

6 декабря

– Бюро Коми обкома ВКП(б) обсудило ход реализации постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии Ухтинского нефтяного месторождения».

13 декабря

– Создан поселковый совет в Канином Носе.

13–15 декабря

– В Ухте прошла геологическая конференция, которая обсудила задачи развития ухтинского нефтяного месторождения. С докладом выступил зам. начальника управления, начальник геологоразведочного отдела «Ухтижемстроя» А.Я.Кремс.

25 декабря

– В 15 часов дня закончена укладка последнего пикета на линии Котлас–Кожва протяженностью 728 км.

27 декабря

– 12 руководителей и «лучших стахановцев» строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

28 декабря

– Открылось временное сквозное движение на линии Котлас–Кожва.

29 декабря

– На станцию Кожва прибыл из Котласа первый пассажирский поезд.

Конец декабря

– Закончена укладка пути на участке железной дороги от Печоры до станции Сыня, здесь начали курсировать поезда с грузами.

В следующем выпуске Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук – продолжение публикации «Хроники».

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. ИНФОРМАЦИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА РАБОТУ Е.Н. БОЛЕ И А.Ф. СМЕТАНИНА «МОБИЛИЗАЦИЯ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ НА ФРОНТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 (НА МАТЕРИАЛАХ КОМИ АССР)»

Совместный труд Е.Н. Боле и А.Ф. Сметанина, посвященный мобилизационной работе в тылу в годы Великой Отечественной войны, является собой полноценное исследование, на примере конкретного региона освещающее один из малоизученных аспектов великого противостояния. Работы подобного характера практически не встречаются в отечественной историографии, что свидетельствует о новизне изучаемой проблематики. Нельзя сказать, что данная работа, как зеркало, отразила ситуацию с мобилизационными ресурсами в целом, сложившуюся в СССР в годы Великой Отечественной (в большинстве регионов превалировала своя специфика) в силу географических, демографических, экономических и прочих причин. Но этот труд может послужить калькой для аналогичных исследований в других областях, краях и республиках как Российской Федерации, так и стран СНГ.

Хотелось бы особо отметить тот факт, что в рамках данного исследования внимание уделено не только собственно процессу мобилизации, но и деятельности Всевобуча, а также проблематике добровольческого движения. Эти аспекты до настоящего времени либо не изучались должным образом в отечественной исторической науке, либо освещались однобоко, носили идеологизированный характер. Беспристрастное исследование оных, с привлечением значительного количества архивных материалов несомненно придает работе значительную ценность. Также не может не обратить на себя внимание такой момент, как изучение мобилизационных процессов в системе ГУЛАГа, что опять же относится к малоизученным проблемам. Если принять во внимание те масштабы, которых достигла указанная структура к началу 1940-х гг., ту роль, которую она играла в рамках государства, а также число людей, через нее прошедших, то в полной мере становится видна глубина затронутой проблемы.

Еще один аспект исследования, на котором хотелось бы заострить внимание, – это истощение людских ресурсов советского тыла уже в

течение первого года войны, что стало результатом катастрофических потерь, понесенных Красной Армией в тот период, а также политика советского правительства по «выскребанию» тылов и привлечению в ряды вооруженных сил максимального количества мужчин призывного возраста. Изучение указанной тематики позволяет в значительной степени с нового ракурса взглянуть на одну из наиболее существенных проблем Великой Отечественной войны – вопрос о потерях, понесенных нашим государством в 1941–1945 гг.

Наряду с перечисленными выше достоинствами работы необходимо отметить и ряд недочетов. Так, к примеру, указывается, что «по политико-моральным соображениям подпадали под графу «не подлежащие призыву по мобилизации» призывники, родители которых были репрессированы, а также лица, имевшие родственников за границей» [с. 21]. Данное утверждение выглядит весьма и весьма спорным, к тому же авторы в данном случае не подтверждают его ссылками на сторонние источники; в результате оно представляется в некоторой степени голословным.

Не вполне корректным представляется и утверждение авторов о несопоставимости объемов дезертирства в годы Первой мировой и Великой Отечественной войн [с. 43–44]. В данном случае они ссылаются на работу В.А. Артамонова «Боевой дух русской армии XV–XX вв.», опубликованную в сборнике «Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002». Надо сказать, что:

1. в начальный период Великой Отечественной войны количество дезертиров в рядах РККА было весьма значительным, одних «примаков», осевших по деревням, насчитывалось до нескольких сот тысяч. Точной статистики по данной проблематике пока нет. Существенным отличием скорее, является то, что в Советском Союзе структуры и методы поиска, возвращения и наказания дезертиров были много более развиты, чем в царской России;
2. в то же время в начальный период Первой мировой дезертирство в русской армии не имело массового характера и приобрело большой размах только во второй половине войны, после серьезных поражений, понесенных вооруженными силами России. То есть сравнение начальных периодов двух войн будет как раз «в пользу» Первой мировой. Дезертирство приобретает широкий размах в основном в период поражений и отступлений, так что наиболее корректным представляется сравнительный анализ тех периодов войн, которые схожи собой по напряженности, по ситуации на фронте.

Однако данный недочет не является существенным для рассматриваемой работы, поскольку объектом ее исследования является все же несколько иная тема. Хотелось бы просто обратить внимание авторов на более критическое отношение к тем историческим трудам, которыми они пользуются.

В целом же работа Е.Н. Боле и А.Ф. Сметанина представляет собой добротное и разностороннее исследование, посвященное одному из малоизученных аспектов Великой Отечественной войны, которое в дальнейшем может послужить базой для аналогичных трудов по другим регионам, а также может быть использовано для изучения прочих существенных аспектов, относящихся к периоду 1941–1945 гг.

*Ф.Б.Дроздов,
к.и.н., г. Нижний Новгород*

«Коми АССР в годы Великой Отечественной войны». Материалы «Круглого стола» / Отв. ред. А.Н.Турубанов. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2004. – 184 с. Тираж 400 экз.

Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН под руководством д.и.н., проф. А.Н.Турубанова подготовили к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне сборник научных статей, подготовленных на основе новых документальных данных, значительная часть которых извлечена из рассекреченных архивных фондов. Авторы публикаций внимательно исследовали различные аспекты политической, экономической, социальной и демографической истории Коми республики, оставшиеся до сих пор малоизученными. Сборник открывается обстоятельной статьей Н.П.Безносовой и д.и.н. И.Л.Жеребцова, посвященной урбанизационным процессам в Коми АССР в первой половине 1940-х гг. На материалах Коми к.и.н. Е.Н.Боле анализирует мотивационные факторы при вступлении в армию добровольцев и обеспечение системы Всевобуча, к.и.н. Н.М.Игнатова – стратегию выживания спецпереселенцев в военное время. Деятельность Верховного Совета Коми АССР исследована к.и.н. А.Д.Напалковым. И.Ю.Моисеева характеризует фронтовые письма как источник по изучению темы «Человек и война». Серия работ посвящена проблемам экономики: производственно-технической базе промышленных отраслей народного хозяйства Коми, а также источникам по истории индустрии республики (д.и.н. А.Н.Турубанов), радиевой промышленности (д.и.н. Л.П.Рощевская), производственной деятельности колхозного крестьянства (к.и.н. А.В.Сметанин, к.и.н. Д.В.Милохин), системе снабжения населения Коми (д.и.н. М.А.Мацук). Вопросам истории культуры, науки, социального обеспечения посвящены публикации Д.Т.Козловой, Т.А.Малковой, к.и.н. Н.И.Суркова. Несомненно, сборник вызовет интерес как у специалистов, так и у тех, кто интересуется историей военного периода, историей Коми в целом.

А.И.Таскаев, к.б.н., член-корреспондент АВИН

Содержание

СТАТЬИ	3
Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность населения Европейского Севера России в 1831–1874 годах в освещении отечественной историографии	3
Сурков Н.И. К вопросу о социальной работе с отставными нижними чинами Русской Армии конца XIX – начала XX века (на примере Яренского и Усть-Сысольского уездов)	27
Котов П.П., Иванов Ф.Н. Раскладка рекрутской повинности в России в 30–70-х годах XIX века как механизм уравнивания интересов военного ведомства и податных сословий	35
Моисеева И.Ю. Войны XX века и коллективная память. Первая мировая война	50
Таскаев М.В. «Печорская республика» в годы Гражданской войны	64
Кропачев С.А. Эволюция официальной отечественной историографии о потерях СССР и Германии в Великой Отечественной войне	92
Боле Е.Н. «Без вести пропавшие» в Великой Отечественной войне: к истории вопроса	119
Бондаренко О.Е., Хорунжая Т.М. Фронтовой быт (по материалам сборника «Фронтовые письма 1941–1945»)	126
СООБЩЕНИЯ	136
Башлыков А.А. К вопросу о польско-шведской интервенции на Европейском Севере России	136
Сурков Н.И. Брал штурмом крепость Карс	142
Напалков А.Д. Рядовой Отечества	145
Калинин Н.С. Калинины – участники Великой Отечественной войны. 150	
Лобанова С.С. Село Петрунь – фронту	155
Ладанова Е. Жизнь на войне	161
Вавилова А.И. Война глазами моих близких	172
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ	177
Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми АССР в годы Второй мировой войны: хроника событий (1939–1940)	177
ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. ИНФОРМАЦИЯ	189
Дроздов Ф.Б. Рецензия на работу Е.Н. Боле и А.Ф. Сметанина «Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 (на материалах Коми АССР)» ...	189
Таскаев А.И. «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны». Материалы «Круглого стола»	191